

Alexeigrekov

УЛЛИТИИТАРИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ, ОН ЖЕ ЭПИЛОГ, ОН ЖЕ КНИГА ЛЕМУРОВ	5
КНИГА БЛИЗНЕЦОВ	17
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	18
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	66
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	
КНИГА АЛЬФОВ	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.....	
ЧАСТЬ ПЯТАЯ.....	
КНИГА ВОРОНОВ	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.....	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.....	
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.....	

Дорогой У.

Оттого, что эта земля стоит
Не на трех китах, а на двух ладонях

С. Шестаков

Сказочные и мифологические сюжеты, совершенно раздробленные в традиции пересказчиков одних и тех же историй то так, то этак, предстают в настоящем тексте как единое целое. Это не интерпретация. Это сюжеты.

Можно читать его подряд, как это делают обыкновенно, однако, лучшее понимание достигается при одновременном (насколько это удастся осуществить) чтении Книги Близнецов, Книги Альфов и Книги Воронов, ибо повествование в них – параллельное, порою даже об одном и том же, разве что события первой части Книги Близнецов предшествуют остальным. Так, глядя на скульптуру в трехмерном пространстве, мы видим больше, чем познал бы для себя плоскостик, ползающий по ее поверхности, исследуя изгиб за изгибом. Что касается Книги Лемулов, то, если поставить во главу угла хронологию, она является эпилогом, однако случилось так, что повествование в настоящем тексте начинается с конца. В этом композиционном смысле Книга Лемулов – пролог.

Следует помнить, что свет отражается в зеркалах много, много и еще много-много раз...

Настоящий текст не несет никакой ответственности за выводы, которые сделает читатель по незнанию, незрелости ума или неосторожности в результате его прочтения.

Настоящий текст дополнительно предупреждает, что некоторые его главы не рекомендуется читать перед сном, а иные – в состоянии повышенной усталости (хотя повышенная усталость в наши дни столь распространена, что читатель, быть может, проигнорирует это предупреждение).

Взаимодействие настоящего текста с другими текстами на момент его публикации не изучено.

ПРОЛОГ, ОН ЖЕ ЭПИЛОГ, ОН ЖЕ КНИГА ЛЕМУРОВ

Что это за земля, друзья мои?

Шекспир

Двенадцатая ночь

«Действительно ли там водились волки, муравьеды, коты, лошади, пантеры? — думал толстый Росселлин, обвивая красочный полосатый хвост вокруг соседней ветки. — Или они снятся мне просто потому, что я знаю об их существовании на свете? Может быть, Нифвао вовсе не был волком? Но ведь я видел во снах и птиц чха, которых не встречал никогда».

Что можно сказать об исчезнувшей реальности? Виденное во сне, несомненно, было реальностью, но пробуждение отправило его в небытие. Так отправляются в небытие съеденные жуки, тучи, пролившиеся дождем, озера, ставшие болотами и больше никогда не засверкающие тихой подлунной гладью, по которой скользит лодка с влюбленной парочкой. Исчезнувшее отошло.

И свет во тьму канет.

История полна загадок. Росселлин находил их неразрешимыми в силу самой природы прошлого — ведь на него нельзя взглянуть, как на солнце в небе или на жука на дереве, и сказать: вот же оно, то, что было. Мы имеем дело не с самим прошлым, а с чужими свидетельствами и собственной памятью — но это основание зыбко, не говоря уж о том, что память лишь гласит о прошлом, а на деле представляет собой не что иное, как ряд впечатлений в настоящем. Перепрыгнуть от настоящего к бывшему невозможно, так же как нельзя перестать быть собой, даже если воображаешь себя луковицей.

Что случилось с Иссур в ее судьбоносную ночь в Красном Тереме? Действительно ли она была в любовной связи с братом? Чьим сыном на самом деле был Гогор? Многим снились события той ночи, но всем смутно, и ученые давали разные объяснения будто бы случившемуся.

Первая группа знатоков прошлого, которых можно назвать ортодоксами, утверждала, что виденное надо понимать ровно так, как оно виделось, и что Иссур выходила — в сомнамбулическом, вероятно, состоянии — на сеновал, совокуплялась с мертвым братом и от него зачала Гогора. Основное возражение, выдвигавшееся противниками этой группы, состояло в том, что мертвый Эдэл не мог оплодотворить Иссур. Ортодоксы на это отвечали, что зачатие произошло магически. В конце концов, разве не была Иссур дочерью Васы и, стало быть, разве не обладала магией? Да ведь это и факт: ее превращения в медведицу ясно доказывают ее чародейские способности.

Сторонники реалистических интерпретаций полагали, что, конечно же, всю ночь Иссур спала, а Куйккэн, залепив себе уши (что однажды уже проделывал), дабы не слышать пение Заххар, воспользовался ее сном и изнасиловал ее. Во сне Иссур мнилось, будто ее любовник — брат, на самом же деле с ней был Куйккэн. Если правда такова, то выходит, что Гогор женился на сестре и чуть не убил отца. Лоллитукки была самым влиятельным адептом этой теории.

Наконец, была еще третья группа — группа мистиков, немногочисленная, но от того не терявшая голос. Мистики соглашались с ортодоксами, что отцом Гогора был Эдэл, и с реалистами, что Иссур спала и видела сон, утверждая при этом, что совокупление в сновидении явилось причиной беременности Иссур наяву. Возможно, говорили они,

между этим нашим миром и сновиденной реальностью есть более тесные связи, чем мы привыкли думать. Росселлину эта позиция казалась наиболее интересной. Его приятель Гиббировбл шел в умпостроениях еще дальше и однажды вмыслил ему, что если даже Куйккэн был тем, чье семя фактически оказалось в лоне Иссур, это еще не значит, что он и есть отец Гогора, ибо явился причиной, но не основанием случившегося. Следует различать события в мире и их смысл в метабытии, где все действительно решается, хотя осуществление решения и происходит по знакомым законам бытия. Так движутся актеры на сцене, когда участвуют в организуемых Юлкай маскарадах и плясках: один толкает другого, и тот падает, однако, толчок был только осуществлением предписанного ролью. Точку зрения Гиббировбла Росселлин считал крайностью, ибо так можно было бы, фантазируя, любому событию приписать, независимо от его реальных причин, какой угодно смысл.

На это Гиббировбл возражал, что лемур с хорошим нюхом не ударится в ложные фантазии, а легко обнаружит действительно перспективные мысли.

С этим аргументом было трудно спорить. Гиббировбл всегда мог бы с понимающей улыбкой заметить спорщику, что у того попросту недостаточно хороший нюх.

Мы, лемуры – одиночки. Это ничуть не тяготит нас; напротив, так мы ощущаем себя свободными. Люди – как стали называть пришлые породу глумливых обезьянок, отчего-то им приглянувшуюся (Барадей стал первым, кто приводил их в дом, воспитывал и, отвратительно даже представить себе, совокуплялся с ними) – устроены наоборот: они боятся одиночества, как боятся темных, глухих ночей. Они мало на что способны поодиночке, зато обожают рисоваться друг перед другом в компаниях. Мне кажется, они никогда не смогут быть по-настоящему свободными, лишь единственно судьбе своей принадлежащими существами. Мы гораздо лучше их. Но мы не были выбраны. Возможно, все дело в том, что люди общаются, говоря – так же, как делают пришлые, а мы-то мыслим, а не говорим. Слова не очень хорошо передают мысли. Но люди не умеют ничего, кроме как произносить слова. И вот Барадей с ними, никчемными, возится, развивает их речевые способности, как он это формулирует. И у многих получается, и у Барадея есть повод гордиться, тешить свое тщеславие. Красоваться перед толпой. Толпа же будет рукоплескать, ничего толком не понимая. Мы-то, лемуры, все поймем, но это не будет иметь значения.

Жаль, что истории предстоит стать историей людей.

Так думал Росселлин.

Прошло несколько зим с того безумного дня, как они пришли в этот мир. В доме, который построил Митригг на месте прибытия, поселились он с Юлкай, Айавэ, Козел, самые верные слуги, следовавшие за хозяевами, а также сам Вийигг, который, впрочем, вскоре исчез неизвестно куда (и Айавэ, обнаружившая его отсутствие, нашла затем рукопись его воспоминаний и пролила немало слез, читая ее). Вторая группа, возглавляемая Омэлиэном, вышла к большой реке и, построив ладью, уплыла на ней. Третью группу составили Иерофей, Синвет и Фоголт; они какое-то время жили в доме Митригга, но затем сдружились с волками и отправились на них, сопровождаемые несколькими храбрыми слугами, в буйные лесные чащи. Местные волки, да и шакалы тоже, оказались

удивительно восприимчивыми к словам Иерофея и Фоголта; их стали держать при себе и называть псами.

Самым предприимчивым оказался юный Барадей – он успешно приручал зверюшек, которые не водились в Земледружии, но удивительно походили на самого приручителя своим строением: у них было по две ноги, на которых они ходили, лишь изредка опускаясь на все четыре конечности, и по две руки, каждая из которых оканчивалась пятипалой ладонью, довольно умелой, способной держать, например, палку или камень; Биббуль шутила, что, наверное, так Вийигг представлял себе крестьян, вот и сотворил этих существ наподобие. В пользу ее предположения было то, что их самки находили удовольствие в сексуальном контакте с Барадеем и даже беременели от него. Их прозвали людьми, как иногда называли слуг-простолоудинов.

Об экспедиции Иерофея поначалу ничего не было известно, но однажды Митригг получил письмо, подписанное «Сестрица Синвет», где говорилось, что они осели в живописной горной местности, что Фоголт любит показывать разные фокусы и веселит компанию, что вообще все прекрасно, за исключением моментов дурного настроения, когда они вдруг вспоминают Красный Терем и думают, что ничего ведь этого больше нет. А у вас как, спрашивала она.

У них же недавно гостил Барадей, и он привел с собой многочисленных питомцев, некоторые из которых были его женами. Митриггу сразу вспомнилась Тариах (что-то с ней случилось?) с ее шумной свитой, а еще печальные глаза Юлкай (она никак не могла зачать и ощущала себя ущербной и все чаще уплывала уткой – порою чуть ли не на целый день). Странно, но и у Биббуль не появились новые дети, и у Синвет тоже, иначе она, конечно, написала бы... Может быть, таков новый мир? Вийигг немало напутал; например, солнце совершало здесь годичный путь на одну луну быстрее. Эта перспектива была прискорбной. Но, когда Митригг поделился своими тревогами с Барадеем, тот просто предложил ему взять какую-нибудь человеческую самку. «Да я же не про себя говорю, я про Юлкай», – попытался объяснить Митригг, Барадей же глядел на него светлыми очами непонимающе и улыбался; он постоянно улыбался, как будто жизнь была одним сплошным развлечением. Ему простительно, он еще, по сути, мальчишка, хотя и наделал детей.

Вийигга не хватало. Когда в былые времена Митригг подолгу не видел его, он и не вспоминал, что есть у него брат Вийигг, и даже к лучшему это было, потому как от встреч с Вийиггом можно было всего ожидать, любых казусов, а вот теперь его отсутствие означало утрату хоть и неясной, но связи с прошлым. Айавэ, однако, сказала как-то раз, что Вийигг мог перебраться обратно, и если так, то когда-нибудь он может вернуться сюда и забрать всех. «Ты бы этого хотела? – спросил ее Митригг. – Тоскуешь по родному лесу? По терему?» «Ах, – воскликнула Айавэ, – конечно, хотела бы! И я верю, что Вийигг вернется».

Иногда она подолгу сидела в комнате Вийигга, вперившись взглядом в стены, и все ждала, что на них вдруг зазеленеет растительность, или что они станут прозрачными, или еще что-нибудь случится в этом роде. Приводило это разве что к сонливости и апатии, но, к счастью, апатия Айавэ свойственна не была и быстро проходила, стоило ей подняться с места. «Ты не умеешь медитировать», – шутливо замечал ей Митригг. «Ты тоже», – отзывалась она.

А что он умел? Хотя управлять погодой в этом мире оказалось сложнее, чем в Земледружии, Митригг делал успехи. Он мог даже вызывать грозы и бури. Люди Барадея, узнав об этом, стали считать его очень важной персоной. Восхищение их вызвал также Козел. Впрочем, они легко восхищались. И улыбались охотно, под стать своему хозяину. Самки были и впрямь симпатичны, стройные и малошерстные, только с голов их ниспадали длинные пряди. Барадей научил их ухаживать за волосами, и занятие это стало поглощать у них огромное и с удовольствием растрчиваемое время.

Лемуры не понимали речь пришлых, и мысли их поначалу тоже не были им доступны, воспринимаясь, как звонкий гул, от которого быстро начинала болеть голова. Позже начало получаться уловить отдельные фрагменты мыслей; тогда лемуры узнали, что пришлые явились, спасаясь от гибели, хотя в чем эта гибель заключалась, понять так и не удалось. Был какой-то Прекрасный Мир, и его не стало – вот и все.

Лучше всего удавалось ловить мысли Иерофея. Поскольку он часто предавался воспоминаниям, лемуры немало выяснили о нем и его матери и отце, которые остались в гибнущем мире. У отца была еще сестра, очень странная, во лбу ее светился третий глаз, и она могла становиться медведицей; сам же отец в конце концов превратился в волка. Фоголт, сын Иерофея, также был странен. Однажды он наклонился над водой и слился со своим отражением, а когда вышел из него, то оказался далеко в воде и промочил всю одежду. К счастью, он умел плавать.

Иерофей постепенно впадал в уныние. Он клял себя за то, что оставил мать и отца, что вообще поддался влиянию Вийигга. Тот исчез; никто не видел, как. Иерофей не исключал даже, что Вийигг с самого начала замыслил вернуться в Земледружие и править им единолично, кроме, разве что, Нууз и острова Вэй – Муззараюф и Ченгчет сильны и не допустили бы его в свои владения. Размышляя так некоторое время, он затем говорил себе: нет, это глупости, все произошло иначе...

Люди бродили стаями (племенами, как Барадей называл их) повсюду; проходили они и через дом Митригга и Айавэ и через поселение Иерофея. Они примитивно, но понятно изъяснялись. Синвет любила их передразнивать, когда те не слышали. Иногда она делала это на пару с Фоголтом, разыгрывая целые сценки. Иерофей предпочитал развлекаться иначе: превращаясь в крохотного стеклянного человечка, он пробирался в людские лагеря и наблюдал за бытом этих потешных зверюшек. Бывало, что он подбрасывал им какую-нибудь вещь, и они рассматривали ее, так и этак вертели в руках, пробовали на вкус, обсуждали, что это такое, споря, и даже бранились и дрались. Любознательность людей Иерофею нравилась. Но они были воинственны, это портило картину. Впрочем, и в Земледружии охотники убивали зверей не одного мяса или шкур ради, но и хвалясь затем своими охотничьими победами.

Довольно быстро люди переняли для себя одежду и приготовление пищи на огне. Как и все звери, они поначалу очень боялись огня. Первыми перестали бояться дети Барадея, которые сталкивались с огнем каждый день, а затем, глядя на них, и другие. Поражало, с какой легкостью люди обучались новому, и дело было не только в их склонности копировать.

Научившись пользоваться луком и стрелами, люди становились все опаснее для зверей; это не нравилось Фоголту. Он явился к отцу и так и заявил:

– Люди ведут себя слишком плохо. Все! Я создаю Зону. Там будут жить только звери, а людей не будет.

– И как ты собираешься сделать-от это? – спросил Иерофей.

– Чарами, – ответил Фоголт. – Вот только я не решил, что случится с человеком, если он проникнет в Зону: он умрет или просто не сможет войти.

– Первое-т слишком кровожадно.

– Зато отвадит их навсегда.

– А ты не думаешь, что Барадей научит-от их, как справиться с твоими чарами-т?

– Тогда горе Барадею! – выкрикнул Фоголт запальчиво.

– Одна большая война уже-т закончилась тем, что мы потеряли родной дом.

– Ты ведь не веришь, что это было необходимо.

– Положим, не верю.

- Так в чем дело-то? И, во-вторых, мы можем договориться с Барадеем. Я не воюю с людьми, пока что. Только создаю Зону.
- Пока что, – заметил, повторяя за сыном, Иерофей.
- Да, – сказал тот. – Кстати... хочу рассказать тебе. Вчера я повстречал незнакомое существо... очень странное. У него были огромные глазищи и тоненькие цепкие лапки, и оно висело на дереве неподвижно. Висит, пушистое такое, хорошенькое, и смотрит на меня. Я ему говорю: «Добрый день». Никакой реакции. Но у меня такое чувство, будто я знаю, как его зовут! Представляешь?
- Как же-т его звали?
- Риттиэтилли. Разве бывают такие имена?
- Никогда, – рассмеялся Иерофей. – Ты рассказал Синвет?
- Нет. Не успел. Но, может, и не расскажу. Пусть для нее сюрпризом будет, если тоже его увидит.
- Ну, пусть. Так что же-т случилось дальше?
- Ничего.
- Ничего?!
- Совершенно ничего.
- А хвост у этого существа-т был?
- Был.
- Хорошо, – сказал Иерофей. – Которые с хвостами – они лучше. Теперь рассмеялся Фоголт.
- У него был длинный большой полосатый хвост.

Перед лемурами люди испытывали страх, и, боясь, они их невзлюбили. С каждым случаем, как ночью кто-то видел уставленные на него с остроносой мордочки блестящие лемурии глазищи и вскрикивал от ужаса, людская враждебность к этим существам возрастала; случилось несколько раз и так, что их поразила метко пущенная стрела. После таких случаев и некоторые лемуры стали нападать на людей по ночам, платя им той же монетой зла. В этом противостоянии перевес был, конечно, на стороне людей, и постепенно они вытесняли своих противников в отдаленные, самые дремучие леса. Фоголт дотворил Зону в одной из длинных горных ложбин, и многие звери предпочли поселиться там, но лемуры словно из принципа не пользовались этой возможностью, оставаясь верными своей свободе. Люди, пытавшиеся пересечь границу Зоны, падали замертво. Вести об этом дошли до Барадея, и вскоре Иерофей получил от него недоуменное письмо, тон которого показался Иерофею непозволительно менторским и притом панибратским. Он зачитал его Синвет, и та фыркнула, и Фоголту, и тот нахмурился.

Широкоплечий, крупный, голубоглазый красавец Барадей заканчивал утренний туалет, стоя перед большим зеркалом у небольшой каменной ванны, в которую сверху лилась свежая родниковая вода, уходя затем сквозь донное отверстие в землю; Барадей только что вымыл уши, промыл глаза и собирался облачиться в белый хитон. Он глубоко вдохнул теплый свежий воздух, потягиваясь, широко разводя руки, и вдруг непроизвольно вскрикнул. Из зеркала на него глядело другое, отнюдь не его, лицо. У явившегося были длинные голубые волосы, тонкие, насмешливо улыбающиеся губы и клювоподобный, явственно обозначающий Пинггэновскую породу нос. Барадей тут же сообразил, кто это, и воскликнул:

- Ты?!
- Я, – подтвердил Фоголт, не выходя пока наружу.
- Пришел объяснить?

Неприятный, колющий смех стал Барадею ответом. Мгновение спустя его неожиданный гость сидел на краю ванны, скрестив ноги в высоких черных сапогах.

– Или показывать фокусы? – добавил Барадей недовольным тоном. Человеческая самка, лежавшая на кровати у стены, завешанной огромным гобеленом с изображением плывущего в море парусника (то было собственноручное творение Биббуль), приподняла круглую голову и с любопытством наблюдала за Фоголтом.

– Мне кажется, – произнес Фоголт, – что, получая от тебя так много помощи, люди слишком возгордились. Зона – это знак им, что существуют границы. Если он останется непонятым, я остановлю их иначе.

– Возгордились? – переспросил Барадей. – Но скажи мне, дружище: коты ведь любят полакомиться рыбкой?

– Положим, да.

– А если показать им, как сделать лодку, как сплести сеть или изготовить удочку, они станут рыбачить и наловят много рыбы, к своему удовольствию, верно?

– Возможно, и нет.

– А газели, кажется, боятся хищников?

– Не продолжай. Это бессмысленный разговор.

– Но если показать им, как поражать хищников стрелами, разве они не станут таким путем защищаться? Я, конечно, отбрасываю тот факт, что коты своими лапами едва ли смогут плести сети, а газели не натянут ногами тетиву лука; к людям это, к счастью, не относится.

Фоголт не ответил.

– Таким образом, люди ведут себя столь же естественно, как и все звери. А ты говоришь, что они возгордились. Впрочем, повод у них есть: они умеют учиться.

– С этим я спорить не стану.

– Это клад, – сказал Барадей. – Клад, понимаешь? Айавэ вот, насколько мне известно, с успехом учит их врачеванию. А Юлкай учит танцевать.

– Но не убивать. Этому учишь ты.

– Для их безопасности. Ведь каждый должен уметь защитить себя, если надо.

Просторный хитон был, наконец, надет на голый торс Барадея. Затем Барадей навесил на себя золотой медальон. То был тот самый медальон, что когда-то носил Хоэхэ; перед смертью ученый завещал его Омэлиэну, но от того быстро попал к любившему украшать себя Барадею.

– Будешь завтракать? – спросил он Фоголта, всем видом говоря, что тот – просто неразумное дитя, и спорить незачем.

– Нет, – покачал головой Фоголт. – Я ужожу. Я сказал, что хотел.

Да, он хотел сказать это лично, а не передавать письмом. Пусть Синвет пишет письма, а он ведь способен появиться где угодно – было бы зеркало. Барадей не понял его или сделал вид, что не понял. Но пусть подумает.

– Повидался бы с Омэлиэном, с Биббуль.

– Нет.

– Как угодно. Тогда извини, я покину тебя. Точнее, *мы* покинем тебя. А ты можешь побродить по окрестным холмам. Здесь красивые места.

Женщина все еще лежала в постели. Фоголту показалось, что она, несмотря на любопытство, смущается его.

– Пусть не пытаются проникнуть в мою Зону, – сказал он твердо.

– Если хочешь, мы расколем землю по ее границам, чтобы лучше обозначить их. Будут пропасти со всех сторон. Не Юёв, но хоть что-то, – ответил Барадей, усмехаясь. Надо напомнить этому упрямцу, что не только он – сильновластный чародей.

Итак, Фоголт вернулся ни с чем. Сразу по возвращении он повстречал Риттиэтилли рядышком с котом, в котором легко узнал отца; кот и лемур осторожно обнюхивали друг друга. При виде Фоголта кот приветственно помахал хвостом.

На следующий день Иерофей отправился куда-то и отсутствовал допоздна. Когда он не появился к ужину, Синвет беспокойно пошутила:

– Не иначе, как Тариах с того мира выдала ему новое поручение...

Иерофей ничего не рассказывал, но примерно луну спустя среди людей появился некто Нга-Ра, который утверждал, что ему открыты тайные знания, в сравнении с которыми все прежние – игры для детей, и что совершенно необходимо всем переселяться на север к Источнику Жизни. В подтверждение своих слов он демонстрировал чудеса: ходил по тлеющим углям босиком, не чувствуя боли, завязывал свое тело в узел, будто оно было лишено костей, мог изображать смерть, не дыша.

– Твоя работа? – спросил отца Фоголт, когда узнал об этом.

– Да, – сказал Иерофей. – Видишь ли, что я подумал-от. Твоя тактика-т неверна. Ты пытаешься остановить людей, я же понял, что это невозможно-т, поэтому решил встать во главе – некоторым образом-т.

– Барадей подпрыгнет от удивления, когда узнает, – улыбнулся Фоголт.

– Воображаю!

– Но ведь не все же пойдут за этим Нга-Ра.

– Очень многие-т. И это будет-от только первая волна переселения.

– Барадей предложит свое учение.

– Противопоставить одной тайне другую намного труднее-т, чем тайное общеизвестному. Между прочим, в доме Митригга тоже не дремлют-от. У них свой метод: создавать небольшие закрытые поселения, в которых люди живут безвылазно. Там у них свои порядки, церемонии-т разные. Кажется, Юлкай нашла себя в этом.

– У нее ведь так и нет детей?

– Нет. И похоже, что тебе надо-т, как и Митриггу (но он все мнется-от пока), породить от себя кого-нибудь, взяв женщину из людей. Еще ни одна из пришедших с нами-т не принесла ребенка...

– Но это значит, – произнес Фоголт задумчиво.

– Что мы все умрем рано или поздно, и только наши дети-т от людей останутся.

– Но ведь это ужасно! Нет!

– Да, сын мой, да.

Этот разговор глубоко запал в душу Фоголту. Следующей ночью он никак не мог заснуть. Полная луна светила в окно, временами заслоняемая быстро пробежавшими по небу мрачными тучами. Со стороны леса доносились голоса ночных птиц. Ставни окон были раскрыты, и прохлада струилась в комнату. Фоголт поднялся с постели и выглянул сквозь окно наружу. Пес, чутко спавший на коврике возле входа, встрепенулся, уловив движение хозяина.

– Тихо, тихо, – сказал ему Фоголт.

В лунном сиянии столбом роилась какая-то мошкара. Спать все равно не хотелось, и Фоголт наскоро оделся и вышел из дому. Он двигался быстро, словно летел по ветру. Разлитая вокруг тьма радовала сердце. Без всякой цели Фоголт вышел к Зоне и заметил чье-то движение; то были люди. Двое, мужчина, державший в руке массивную дубину, и женщина, подходили к запретной черте. Женщина бормотала, что напрасно они сюда забрели, мужчина же хвалился, что еще никому не удавалось его напугать. «Посмотрим, что тут», – сказал он.

Ему не довелось даже вскрикнуть – в одно мгновение дыхание его прервалось, и он упал. Женщина была еще по другую сторону черты, она не решилась шагнуть, и промедление это спасло ей жизнь. В следующий миг она увидела перед собой лицо с клювоподобным носом в обрамлении светлых, в блеклом свете луны казавшихся не голубыми вовсе, а пепельными, волос. Сильные руки обхватили ее и повалили на землю. Одежды на женщине почти не было. «Моя первая», – подумалось Фоголту.

Потом где-то вдалеке зазвучали людские голоса: пару смельчаков искали. Фоголт поднялся и только теперь ощутил боль: женщина, сопротивляясь, изрядно исцарапала его.

Он так ничего и не сказал ей и просто двинулся обратно к дому. Она проводила его блуждающим взглядом; затем взгляд ее упал на мертвое тело мужчины в нескольких шагах, и она отчаянно разрыдалась.

«Я – не Барадей, – сказал себе Фоголт. – Пусть он ими восхищается и милует их. А я буду вот таким».

Когда, добравшись до постели, он лег, не раздеваясь, обволакивающая пучина сна втянула его в себя. Птиц он уже не слышал – и не видел, как в окно осторожно заглянула любопытная Риттиэтилли. Так осторожно, что не пробудился пес. Ее глаза осмотрели маленькую комнату, а затем лемуриха так же тихо исчезла.

Первым, кому приснился сон, навеванный, надо полагать, мыслями пришедших, был Топпихоум, очень грузный, массивный старый лемур, грудь которого украшало крупное пятно седины, и увиделась ему Гора, сверкающая хрустальными гранями скал, среди которых разместился целый город. Улочки его вились, то ниспадая, то ведя наверх; на них было довольно оживленно. Кое-где росли одинокие деревья, Топпихоумом ясно не идентифицированные. Высокое деревянное строение, превосходный образец местного зодчества, вдруг предстало перед ним, и мгновенно он перенесся внутрь, в светлицу, где к двум молодым женщинам присоединилась третья, весело хохоча. С этого эпизода для лемуров началась история Прекрасного Мира; позже они узнали, правда, и о более ранних событиях, таких, как привод Коровы на Гору и фиаско злобной гордячки Ливиз.

Росселлину виделись особенно подробные сны. Он перемысливал их другим, те отвечали тем же, и так постепенно выстраивалась картина. Проку в ней не было никакого, однако, собирать воедино не вполне согласующиеся друг с другом истории было так увлекательно!

Подруге Росселлина, ученой лемурихе Риттиэтилли, тоже снились яркие подробные сны. Однажды она поведала Росселлину, что видела жилище людей, где находились двое; один держал во рту что-то наподобие толстой изогнутой на конце тростинки, и из нее время от времени вылетали маленькие клочья дыма. Этого дымящего звали, как Риттиэтилли поняла, Альцах, и он кутался в теплые шкуры. Его собеседник, имя которого осталось неизвестно, был помоложе, черноволос, крепок и одет очень нарядно. Все, что они говорили, было отчего-то совершенно ясно.

– Угощайся еще, – произнес молодой, открывая кранчик на бочонке, откуда в подставленную огромную кружку полилась светлая жидкость. По-видимому, он был здесь хозяином, а Альцах гостем. – А вот боги-то пиво не варили, насколько я знаю. Или варили? Нет? Ну, значит, кое в чем мы их превзошли, хе-хе.

Альцах вынул изо рта тростинку и отпил из кружки, не произнося ни слова.

– Хе-хе. Вообще страшно интересно все это. Но поверить трудно. Всякая там ворожба, заклятия, проклятия – это я понимаю. Но чтобы летать по воздуху силой бороды! Вот уж у моего папаши какая борода, а летать он никак... И, знаешь, это хорошо. Не то залетал бы в окна к девицам что ни ночь... А так – по лестнице-то взбираться трудно, годы...

– В любом случае, больше никто не летает, – добавил хозяин.

– Да-а, – протянул Альцах, не улыбувшись его шутке, и сделал еще глоток.

– И остались мы без волшебства. Без богов, что сгинули все. Уже сколько веков миновало... Знаю, некоторые верят, что где-то в диком поле, посреди пустоты, все еще стоят ворота, войдя в которые, попадаешь в Прекрасный Мир. Лично я не верю. Думаю, в Прекрасный Мир больше нельзя попасть. Если ворота и были когда-то, их давным давно снесли орды кочевников. А может быть, их и не было никогда.

– Да-а, – снова сказал Альцах то ли собеседнику, то ли самому себе. – И все-таки он летал, я думаю...

– И хорошо, что больше нельзя. Что есть только то, что есть. Хе-хе. В самом деле, разве не безумие – думать противоположное?

– Да-а... Ну, так значит, правильно я понимаю, что если бы ты однажды шел-шел по полю, да вдруг увидел те самые ворота, так и не вошел бы в них?

– Вот загнул, – сказал хозяин. – Ну... а ты?

– Мне просто, – ответил Альцах. – У меня никого нет, так отчего бы не войти.

– Интересно, конечно...

– Гляди: шаг один – и ты *там*. Но можно ли будет вернуться – это очень сомнительно.

– Ну, а если мир тот – вовсе не прекрасный? С чего мы это взяли-то? Кто-то летает там по воздуху, кто то...

– Да не о том я, – перебил его Альцах, – хотя и об этом тоже. Предположим, ты веришь, что там боги, чудеса и вечная молодость, если доберешься до заветной яблоньки. Но ты оставляешь вот *это* все, бросаешь всех, будто нет их, и *один* – туда.

– Я мог бы взять с собой кого-то.

– А второй раз ворота не найдешь. Оборотишься, а их уж и нет. То ли в другом месте теперь, то ли вообще почудилось тебе, мираж был. Так что *один* шанс.

– Не знаю, – сказал черноволосый. – Нет, наверное, не вошел бы. Искушение это. Зло. А есть то, что есть.

– Ох, врешь ведь, – в первый раз рассмеялся Альцах и затянулся дымом.

– Ты-то почему знаешь?

– О, я это так... предположительно. Не обидел?

– Ничуть, я же понял. Хе-хе. Интересный ты человек... И доказываешь то, что я и сказал: хорошо, что нет ворот.

– Что же есть? Ворожба, говоришь, есть?

– Ворожба есть.

С этими словами хозяин умолк и, налив себе еще пива, стал медленно, растягивая удовольствие, цедить его. С усов его, когда он отнимал кружку от лица, капало. Пару раз он отер их широкой ладонью. Альцах же поднялся и прошел вдоль стены, рассматривая висящие на ней двуручный меч и боевой шлем с зубчатым гребнем.

– Нравится? – спросил хозяин. – Осталось от деда. Он этим мечом махал, пока силы были. Воевал много, и все тело его было в шрамах. Женщинам нравилось, хе-хе. Мы живем в мире, нам этого не понять. Хотя где-то на южных границах, кажется, беспокойно?

– За эпохой благоденствия всегда приходит эпоха разрушения.

– Отчего же вечное благоденствие невозможно?

– Кто бы знал, – сказал Альцах.

«Так это будущее? – подумал Росселлин, дослушав этот рассказ. – Какая у меня замечательная подруга!» Риттиэтилли была того же мнения и тихонько тронула его тонкой лапкой.

Ньяя-Ум вышла в составе многочисленной орды, двигавшейся на север вслед за своим предводителем – неистовым Нга-Ра. Она родила в дороге, а к тому дню, когда Нга-Ра остановился с возгласом «Вот сюда мы шли!» в далеком-предалеком поле, ее малыш был уже в состоянии самостоятельно передвигаться и только изредка просился на руки. Лицом он был точной копией матери, за исключением бледно-голубых волос, которые одни только и выдавали его необычное происхождение. В своем племени Ньяя-Ум была единственной, родившей от бога, что приносило ей особенный почет. Мальчика назвали Кха-Ра, несмотря на протесты соплеменников матери, желавших увековечить собственное племенное имя, а не имя предводителя – остальные дружно посчитали правильным обратное.

Фоголт неожиданно для себя испытывал чувство горечи, оттого что совершенно не ведал, что случилось с его ребенком, и даже не знает, девочка это или мальчик и жив ли он вообще. У него было уже несколько детей, но, время от времени справляясь, как их здоровье, ни к одному он не испытывал такой тяги, как к неизвестному дитя женщины, взятой им возле Зоны. Все они были голубоволосы, и ни один не был чародеем ничуть. Впрочем, говорил Иерофей, особые способности часто обнаруживаются далеко не сразу. Но и среди детей Барадея ни о ком не было слышно, чтобы он чародействовал, и потому похоже, что люди не рожают волшебников. «Может быть, это к лучшему!» – думал Фоголт.

За походом Нга-Ра последовали еще несколько, как волна за волной. Барадей смотрел на это сквозь пальцы, не писал больше заносчивых писем, а Фоголт, со своей стороны, не создавал новых Зон.

Айавэ носила белое, а Юлкай черное. Между этими двумя женщинами его жизни, матерью и возлюбленной, Митригг чувствовал себя счастливым, занимался своими делами – домом, погодой, – совершенно о людях не думая; пожалуй, он был единственным, кто не придавал им большого значения. Юлкай водила с ними хороводы, пела. Когда-то Гильголь пела лучше, но женщиной его жизни она не стала.

– Не хочешь ли ты когда-нибудь собрать всех? – спросила его однажды Юлкай. – Всех. Кроме Вийигга, разумеется. Было бы интересно посмотреть друг на друга, поговорить. Ведь мы друг друга почти не видели с тех пор, как разбились на три семьи. А помнишь самый первый день здесь? Когда стены комнаты Вийигга вдруг исчезли? Я помню до сих пор. Жутковато было.

– Можно, – согласился Митригг. – Будет у нас первый Большой Совет.

– Да! И мы сделаем маски, и каждый наденет свою маску.

– Это зачем?

– Так красивее. Ты будешь Высоким Ясенем. А я Летучей Мышью.

– Экие фантазии у тебя! А Барадей кем будет?

– Быком, ясное дело!

Они расхохотались. Митригг и в самом деле написал и Барадею, и Синвет. Айавэ весело объявила, что снова устраивает пир на весь мир, и рассказала Юлкай об охоте на Верлга, умолчав только о случившемся тогда с Ойккэном. «Ах, нет Гуги, чтобы нарисовать нас, когда мы соберемся!» – воскликнула она затем.

Синвет откликнулась первой, написав, что повидаться была бы рада, но пира на весь мир категорически не хочет. Айавэ не поняла, почему, и Митригг лишь почесал затылок, начавший лысеть; дело же заключалось в том, что Синвет хотелось, чтобы ее свадьба осталась событием уникальным, с которым ничто не могло бы быть поставлено рядом. Немного позже пришел ответ от Барадея. Тот тоже был готов встретиться, но на своей территории. «А, он хочет быть главным!» – сообразила Юлкай и расстроилась. Идея ее, похоже, не могла реализоваться. Так как ехать к Барадею не хотелось ни ей, ни Айавэ, и обе женщины не видели себя иначе как распорядительницами собрания, ему написали, что, к сожалению, всеобщая встреча не состоится. Юный царь (Омэлиэн давно с радостью уступил ему это звание) не повел и бровью. Нет, так нет!

Отыгралась Юлкай на людях, организовав торжественное шествие, маскарад и, в заключение, жертвоприношение огромнейшего быка, в котором усматривала Барадея и Верлга в одной туше. Митригг радовался ее радости. Но Айавэ фырчала, досадуя, что все разобщены, что каждая семья теперь сама по себе, и даже ниточки памяти они не в состоянии связать вместе. «Что ж, – спокойно отвечал ей Митригг, – хоть и от людей, но дети наши родятся, нас становится все больше, а на Советы и прежде цари собирались нечасто».

Солнце жарило вовсю. На невзрачном, полузасохшем дереве на берегу бескрайнего моря, к которому переселилась его семья, сидел толстый Росселлин, глядя в пространство своими большущими, как плошки, круглыми карими глазами. Вдалеке среди плещущихся волн виднелась чья-то лодка: люди добрались и до этих мест. С соседней акации раздавался неугомонный птичий щебет; Росселлин не видел, что это была за птица, но по голосу ему казалось, что то был дрозд.

КНИГА БЛИЗНЕЦОВ

От судьбы никуда не уйдешь.

Древняя мудрость.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ц

Три молодые женщины оказались в светлице в одно и то же время. Одна, белокурая, смахивавшая на мальчишку, который просто давно не стригся, в длинном, закрывавшем ноги по щиколотки, белом хитоне, тоскливо глядела в окно, откуда открывался вид на зеленые холмы внизу. Между холмами петляла узенькая речка, через которую в нескольких местах были перекинuty мостики. Некоторые обитатели холмов жили в землянках, другие построили себе деревянные домишки. Сейчас в поле зрения ничего занимательного не было, но женщина была готова подождать. У противоположной стены в широком кресле восседала другая, облаченная в бордовое платье шатенка с большим пучком заколотых на затылке волос; она была розовощека и дородна, хотя так же молода, как и первая, ее пухленькая ручка лежала на подлокотнике кресла, и пальцы время от времени шевелились, но женщина не произносила ни слова и только один раз зевнула. В этот момент и вбежала третья, темненькая, заливаясь смехом.

- Нет, вы только послушайте! Поднимаюсь я к себе, и вдруг вижу, как мышь прошмыгнула. Я напугалась, вскрикнула, и тут выпрыгивает Диль-Диль с дикими глазами, вся довольная такая, и я понимаю, что это она подкараулила меня. Мышь-то была настоящая, но дохлая... ха-ха-ха... на нитке!

Та, что сидела в кресле, повернула к вбежавшей голову. Обернулась и глядевшая в окно, и если бы кто внимательный и разбирающийся в черепах сейчас увидел все три лица вместе, то обнаружил бы, несмотря на все различия, сильное сходство контуров и, наверное, сообразил бы, что перед ним сестры.

- Экие забавы! - прибавила Нэн. – Разыграла меня, будто кошку!

В ее облике действительно было нечто кошачье: гибкий тонкий стан, зеленые глаза, вспыхивающие огоньками.

Ее дородная сестра фыркнула, а Грэ сказала равнодушно:

- Тебя легко обмануть.

- А я думаю, Диль-Диль чувствует во мне кошку, вот и играет со мной так, - возразила Нэн. Но Грэ только пожала плечами.

- Дурость какая. И не противно ей привязывать дохлую мышь, - сказала Лахи из своего кресла.

- Все же лучше, чем обмазывать кровью мои иглы, - отозвалась Грэ. – Вот это было совсем безобразие.

- Она чокнутая, - продолжала Лахи. – Любопытно было бы взглянуть на ее мать. Из троих детей ни одного нельзя назвать нормальным. Один эксцентричнее другого.

- Да ладно вам, - сказала Нэн. – Нет, я люблю Диль-Диль, она милое создание.

- Ты всех любишь, - усмехнулась Грэ.

Нэн вспыхнула и ничего не сказала. Грэ снова взглянула в окно.

- Васа идет, - сообщила она. – Будет нас развлекать.

Нэн поправила челку, а Лахи чуть приподнялась в кресле, отчего ее шея стала выглядеть длиннее, и закинула ногу на ногу. У нее были красивые, хотя и полноватые ноги. Красиво смотрелись и со вкусом подобранные сандалии из змеиной кожи на них, с высокой шнуровкой. Она и в доме их не снимала. Где-то внизу раздались голоса, а потом девчоночий смех. Скрипнули ступени, и вошел высокий золотоволосый юноша с легким пушком на подбородке и глазами, голубыми как небо в погожий день.

- Чем занимаетесь? – спросил он, помахивая приветственно рукой. – У меня плохие новости для вас. Вы меня с ними сразу прогоните?

Он умел одновременно быть серьезным и улыбаться. Три пары глаз вопросительно уставились на него.

- Что еще за плохие новости? – капризным тоном спросила Лахи.

- В послании от Левэна сообщается, что его не будет здесь еще долго. Может быть, год или даже два.

Лица сестер омрачились. В жены их брали, в конце-концов, или в няньки для царских детей?

- Не очень-то он спешит к нам, - позволила себе колкую реплику Грэ.

- Он собирается проследовать через степи Саашин к истокам Ну. Там, пишет он, водятся редкие бабочки, которых не хватает в коллекции.

- Бабочки красивые, - задумчиво сказала Грэ, переступая ногами.

- Да, - рассмеялся Васа, - что ж поделать.

- За год можно столько их насобирать, что все кладовые завалить, - проворчала Лахи, - и куда столько... блажь какая.

Кто-то мог бы, наверное, сказать, что у нее должно быть меньше оснований для недовольства, чем у ее сестер. Ведь, когда Левэн прибыл с ними, новыми своими женами, в свои владения, то, прежде чем почти сразу вслед за тем уехать в странствия, он провел одну ночь именно с Лахи. И все же, это было давно! Ливиз успела нанести им визит и отбыть обратно домой...

- А вот мы-то, - неожиданно сказала Нэн, - разве мы – не редкие бабочки? Мы такие разные, и каждая красива по-своему.

Васа рассмеялся вновь.

- Вы – прекраснейшие, - согласился он, приобнимая Нэн за узкие соблазнительные плечи и подумав про себя: «Пока не подросла Диль-Диль».

- Нас трое, - заметила Грэ.

- Вот и замечательно. Одна прекраснейшая бывает только наедине, - ответил Васа.

- Мы не прогоним тебя, - сказала Грэ, - хоть ты и огорчил нас своей вестью. Расскажи нам теперь что-нибудь получше. Садись и убери руку с плеч Нэн, иначе мы с Лахи рассердимся.

В светлице стояли три кресла: два пустовавших возле круглого стола из драгоценного дерева и одно - где Лахи картинно сменила положение ног - у стены.

- Тогда кому-то из вас придется или стоять, чего я допустить не могу, или сесть ко мне на колени, - игриво произнес Васа.

- Выбирай кого-нибудь, - весело ответила Нэн. – Твой брат не узнает, он ловит бабочек.

- Метнем жребий, - предложила Лахи.

- Мы знаем, как ты играешь в кости, - воспротивилась Грэ. – У тебя нельзя выиграть. Я согласна с Нэн: пусть Васа решает, кто будет первой очаровашкой.

- Вы все хороши, - сказал Васа, - и если я кого-то выберу, то пострадаю, потому что у говорящих неправду отрастают длинные носы: так мне только что сказала Диль-Диль.

- Какую такую неправду ты ей сказал? – перебила его Лахи.

- Ничего особенного. Я назвал ее малышкой.

- Ха, - сказала Лахи. – Ну так чего же ты хочешь?

- Я хочу, чтобы если у меня вырастет длинный нос, то хоть незадаром. Что бы это могло быть?

- И так незадаром.
- Не скажи. Ты у меня на коленях посидишь и уйдешь, а нос со мной останется.
- Нэн разразилась восторженным смехом. Ей нравилась затейная игра.
- Я поняла, - сказала она, наконец. – Васа жадный. Он хочет подарков. – И шлепнула его ладошкой по голове.
- Хорошо, - сдалась Лахи. – Пусть будут подарки... поиграем! Кто первая с предложениями?
- Наступило короткое молчание.
- О, жадный юноша, - взяла инициативу на себя Грэ с едва заметной улыбкой, делавшей ее черты определенно женственнее. – Я знаю, что тебе, как и всем в этом доме, известны мои таланты. Поэтому я лучше произнесу краткую похвалу умению хорошо одеваться – а уж отсюда рукой подать до приглашения на коленки именно меня. Вот мое утверждение: все мы, если, конечно, мыслим здраво, хотим быть привлекательными и удачливыми, и хорошие наряды весьма способствуют и тому и другому. Первое, наверное, не нуждается в объяснениях, и все-таки я скажу, что по одежке, как говорится, встречают. Прибавляют, правда, к этому, что провожают по уму, да только кто сказал, что до проводов вообще дойдет дело! В любом случае, ты уже произвел впечатление, а уж дальше старайся не растерять достигнутое! Что же касается удачливости, то говорят ведь про необыкновенно счастливого, что он родился в рубашке. Что это, как не признание того, что рубашка приносит удачу? С другой стороны, отсутствие одежды грозит несчастьями. Ведь лишенного ее называют выглядящим чересчур откровенно, а ты, наверное, согласишься, что избыток откровенности опасен. Доказав, таким образом, свой первый тезис, я перейду к тому, что все-таки не всякая одежда хорошо играет назначенную ей роль. Вот, например, твой кафтанчик – он, кстати, недурен, и я бы хотела похвалить его и признать, что у тебя есть вкус на хорошие, изысканные вещи (но тем легче будет тебе оценить по достоинству то, что сделаю для тебя я) – со временем он, к сожалению, придет в негодность и уже не будет, как вещь поношенная, производить то впечатление, какое производил вначале. А вещи, сшитые мной, не знают сноса и всегда будут выглядеть, как новенькие. Говорят о качественной одежде и то, что она легко носится. Здесь я снова первая – полотна, которые я тку, так легки, будто сделаны из птичьего пуха, и если, предположим, я сошью тебе все ту же рубашку на счастье, то чувствовать ее на себе будет так же приятно, как подставлять тело южному ветерку. Вот и скажи теперь со всей рассудительностью – неужели я тебя не убедила?
- Как ты красноречива! – сказал Васа.
- Ха, - произнесла Лахи. – Однако, не так уж это было кратко.
- Не критикуй, - сказал Васа. – Лучше пообещай что-нибудь сама.
- Я испеку тебе такой большой пирог, которым ты сможешь накормить весь Мирр. – Общеизвестно было, что Лахи печет пирожки, утоляющие голод даже самым крохотным своим кусочком, и удовольствие это можно растягивать, потому что они не портятся и не сохнут. – И будешь любим народом. Сравни: ты не можешь всех одеть в свою рубашку, а вот мой дар – дело другое.
- Это будет слишком вкусный пирог, - возразила Грэ. – Васа его сразу съест, ни с кем не поделившись, и этим все закончится.
- Сразу не съест! И вообще, - заспорила Лахи, – что ты в этом смыслишь! Ничего, со своими диетами.
- С диетами или без, но ты как минимум преувеличиваешь. Любим народом! Фи! За хлеб народ благодарен, да ведь любовь и благодарность – вещи совершенно разные, и благодарность даже порою препятствует любви. Чего не скажешь о восхищении.
- Не слушай ее! Без вкусной еды жизнь теряет добрую половину своей прелести. А наряды нужны прежде всего тем, кто собственной красотой не наделен.

- Но против, - сказала Грэ. – Вкусная еда в избытке вредит здоровью – вряд ли это станет оспаривать даже дорогая наша Лахи. В то время как обширный гардероб только радует глаз.

- Ха! И сколько же надо усилий, чтобы перевозить его с собою! И сколько времени будет уходить, чтобы выбрать, что наденешь сегодня, когда глаза разбегаются! Ты, наверное, скажешь, что и на пирах мы тратим много времени, да только ведь на пирах можно тратить его, общаясь и рассказывая всякие интересные истории и узнавая новое, а какое общение может быть, когда ты выбираешь, что надеть? Даже когда ты спрашиваешь чье-то мнение, то скорее для того, чтобы отвергнуть его и решить по-своему. Ибо если ты спрашиваешь мужчину, то, с его точки зрения, тебе лучше вовсе ничего не надевать, а если женщину, то она точно не посоветует тебе, как выглядеть лучше, чем она.

- О, так ты, значит, признаешь, насколько важно хорошо нарядиться!

Нэн глядела на Васу своими кошачьими глазами и молчала.

- Отчего не скажет свое слово Нэн? – весело спросил Васа, которого позабавил спор сестер.

- О, - ответила та, потупившись, - я не могу произнести это вслух. – И внимание всех мгновенно к ней приковалось.

- Что такое, сестрица? – спросила Лахи озабоченно, а Грэ сложила губы трубочкой. Она всегда это делала, когда слушала особенно внимательно.

- Я скажу ему на ухо, - молвила Нэн.

- Так не годится! – воскликнула Лахи. – Мы все должны знать.

- Что ж, - ответила Нэн, - если все хотят знать... если у Васы вырастет длинный нос, я заставлю его вновь укоротиться своими поцелуями.

Все покатались со смеху, и Лахи так согнулась в кресле, что едва не упала на пол.

- А если нос не вырастет? – спросила Грэ, когда перестала хохотать.

- Тогда, - улыбнулась Нэн, - это будет значить, что Васа усадил к себе на колени действительно самую милую девушку.

- О, - сказала Грэ, - я не знала, что ты такая хитрющая. И правда – кошка.

И пока сестры еще посмеивались, Нэн пригнулась к уху уже севшего в кресло у стола Васы и зашептала в него, и Васа покраснел. Грэ и Лахи заметили это и вмиг замолчали.

- Что еще? – сердито спросила Лахи.

- Ничего, - ответила Нэн, и Васа поддержал ее, сказав нарочито серьезно:

- Эти глупости к делу не относятся. Ладно, довольно. Я ведь совсем не думаю, что у меня удлинится нос, я просто шутил. Давай, Нэн, садись ко мне.

- Да мы догадались, что ты шутил, - сказала Лахи, - но все-таки мне любопытно.

Грэ снова сложила губы трубочкой и все еще стояла у окна. Потом она тряхнула своими светло-русыми волосами и заявила:

- Я так и не поняла, Васа, почему ты позвал ее, но, в отличие от Лахи, мне неинтересно. И, по-моему, все это напрасно, потому что Рух прискакал и как пить дать сюда заявится, поэтому лучше нам прервать наши забавные посиделки.

Под окнами действительно протопали конские копыта. Нэн мигом соскочила с коленей Васы, и тот поднялся, переглянувшись, однако, со своей избранницей. Затем он бросил взгляд на хмурую Грэ и спросил ее:

- Ты что - рассержена?

Грэ одарила его нежной улыбкой.

- Нет, - сказала она. – Но ты неразумен.

С этими словами она выскользнула из светлицы. Нэн вышла следом, а Лахи, поджав губы, осталась сидеть в кресле.

- Что они обе так взметнулись... Он мог и не заявиться сюда. Да если б и заявился, что с того. Но ты так ничего и не рассказал нам, - упрекнула она Васу напоследок.

Тот промолчал, думая о своем. Уж наверное было заметно, как он покраснел... Вдруг он понял, что Лахи о чем-то поинтересовалась у него, и проговорил:

- Что ты спросила? – И тут же ощутил еще большую неловкость, оттого что был невнимателен.

Но царица лишь с тоскою вздохнула. Он воспользовался мигом молчания и, все-таки отвесив легкий учтивый поклон, оставил ее. То, что шепнула ему Нэн, было, конечно, лишь фривольной (возможно, чересчур фривольной) шуткой: она сказала, что, вообще-то, поцелуи скорее удлинняют иные предметы, чем укорачивают. Надо приглядеться к ней получше, она кажется веселее и доступнее своих сестер.

Ц

Нэн вынашивала долго, намного дольше, чем обычно вынашивают женщины ее рода – быть может, оттого что в чреве ее были близнецы, кто знает? Правда, заметен ее округлившийся животик стал всего за три луны до разрешения от бремени, а до осенней поры она выглядела как ни в чем ни бывало и бегала так же резво, как в ту пору, когда ее, озорную девицу, вернули домой, подняв с лежбища среди луговых цветов, и представили будущему супругу. Левэн тогда не выбирал, он просто объявил, что женится на всех троих.

Гадалка сказала ей когда-то, что у нее будут такие волшебные дети, каких никогда еще не было и никогда больше не будет. Как обычно и поступают гадалки, она не добавила к этому никаких подробностей. Что ж, скоро Нэн увидит сама! Если предсказание сбудется, выйдет, что и она, подобно старшим сестрам, оказалась чародейкой. Странно: ведь отец и мать их – самые обыкновенные степняки, и деды с бабками тоже; наверное, кто-то из чародеев был в роду гораздо раньше...

Лахи заметила первой и сказала Грэ. Та осталась равнодушна и бросила:

- Я не удивлена.

- Но это позор! – воскликнула Лахи. – О, я вижу, мы с тобой не нужны ни мужу, ни его младшему брату!

- Это едва ли, - ответила Грэ. – Но теперь, я думаю, мы должны отослать гонца.

- К Левэну? Где он будет искать его?

- Рух знает.

Васа узнал от Нэн сразу, и с тех пор он стал задумчивее и почти перестал шутить. Не отправиться ли к царю самому, опережая тех, кто мог бы доставить ему известие – такова была его мысль сначала, но он отказался от нее, потому что в дальних краях опасность братоубийственной схватки казалась ему большей. И он обреченно ждал, подобно тому как в далекие времена детства уличенным нашкодившим мальчуганом ожидал беспощадных мачехиных розог.

Лахи и Грэ не скрывали от сестры свое негодование, та же в основном проводила время в своей спальне, лежа среди мягких подушек. Рух был с ней приветлив, как прежде, лично ему Нэн всегда нравилась; виновным же он находил Васу. Диль-Диль больше не озорничала с ней. Уссо, младший царский сын, почти не бывал в чертогах. Слуги исполняли свои обязанности и разве что между собой судачили, а когда пришло, наконец, время, женщина, которую Нэн даже не знала по имени, приняла младенцев.

Они росли быстро, даже необычайно быстро, и звезда во лбу девочки, поначалу едва различимая, сияла все ярче, а на теле мальчика густел серебристый пух. Мальчик был глазами в отца, а девочка в мать, и волосы у Иссур, как мать назвала ее, были такими же темными, как ночного цвета кудри Нэн, а Эдэл был совсем светел, и только самые кончики его волос отливали золотом. Первые шаги близнецы сделали уже весной, когда подули южные ветры, и трава поутру больше не была подернута инеем. Но пока их мир был очень узок: спальня матери, маленький балкончик, дворик с клумбами, где среди каменных узоров всеми красками пестрели цветы. Мать много говорила с ними, и они начинали понимать ее слова. Изредка их брал на руки отец; он подбрасывал их и ловил, а

они заливались смехом. Однажды им показали сметанное озеро, и близнецы пришли в восторг, только у Эдэла от сметаны разболелся животик (но, может быть, он попросту переел), и Нэн больше их туда не водила.

Ей было страшно даже на мгновение подумать о том, как предстанет перед царем, что ему скажет, как посмеет на него взглянуть, и оттого она гнала прочь все мысли об этом неминуемом будущем, о котором, однако, неумолимо напоминали косые взгляды и язвительные реплики сестер. Особенно злой ей казалась Лахи, всегда готовая сказать какую-нибудь пакость. Что касается Грэ, та просто уходила, когда Нэн появлялась рядом, как если бы она источала смрад. Все это было очень гадко и грустно.

Гонец долго разыскивал царский лагерь, но как только нашел, и Левэн прочел письмо, время понеслось галопом вслед за быстроногим царским конем. Близнецам не было и полугода, когда Левэн вихрем ворвался в чертоги, и первым, на кого обрушил он свою ярость, оказался брат. В письме, составление которого взяла на себя Грэ – а Лахи даже не стала читать – было, видно, такое, что никакие объяснения были невозможны. Васа смиренно принял горячую во всех смыслах этого слова оплеуху и выслушал все слова, которыми брат нарек его.

- Злодей! – гремел царь. – И это кровь моя, и это тот, которому я доверял больше всех! Изменник! Мразь! Блудливый поганец!

Однако, то, что Васа оставался все еще неиспеченным, означало для него превосходный шанс уцелеть. Он знал характер Левэна: тот, как немного остынет, начнет взвешивать «за» и «против», и уж наверное за то, чтобы Васа жить, найдутся соображения. Главное – молчать, чтобы неосторожным словом не возбудить царя сильнее.

Все это время (а дело было вечером) Нэн сидела у себя, не решаясь высунуться из комнаты. Царь не появлялся, часы шли, и близнецы уже заснули и спали, не страшась никаких ужасов, и, глядя на них, Нэн начала клевать носом и в конце концов сама погрузилась в вязкий сон, и только наутро ее грубо растолкали царские слуги. Лахи и Грэ провели тот вечер также без встречи с царственным супругом; Грэ сказала сестре, что лучше обождать, пока Левэн сам не захочет их видеть.

Первый порыв Левэна скоро иссяк, и он приступил к планомерным, какие должно совершать царям, действиям. Лишь только миновала ночь, он собрал на площади, где обычно объявлялись новости народу, своих слуг, жен и детей, кроме Уссо, вечно где-то пропадавшего, и сказал им так:

- Брат мой – это брат мой, и я не убью его, но сидеть ему отныне в каменном столбе, пока кто-то один из нас не умрет.

Нэн, которую привели в одном покрывале, не смела поднять глаза. Она чувствовала, что царь будет беспощаден. Ей было, по правде, неизвестно, как наказывалась неверность в ее собственном племени, но уж наверное как-то страшно; в этот миг, впрочем, более всего ужасали ее не предстоящие кары, а мысль, что Эдэл и Иссур могут потерять ее, а она их. Дети остались в тереме. Увидит ли она их хотя бы раз еще? Все как будто заволочло туманом, и непонятные слова, произносимые царем, раскатывались над многолюдной, оттого что многие любопытствующие присоединились, площадью.

- И никто не должен подходить к тому столбу, кроме слуг, которым положено. А еще я хочу напомнить всем, что дочь мою зовут Тариах, и пусть не звучит здесь более дурацкая кличка ее, что придумал Васа.

Левэн перевел взгляд на жен, отметив прежде, что Тариах склонила голову при последних словах, и продолжал:

- Порода – это порода, и не бывать женами мне и не носить детей моих тем, чья родная сестра принесла в дом позор. А потому вы, Лахи и Грэ, изгоняетесь прочь. Но за вами и большая вина, потому что не уберегли вы сестру от ее проступка. И я запрещаю вам появляться в моих владениях вовек.

Такого решения они никак не предполагали!

- Как! – вскричала потрясенная Лахи. – Что такого в нашем сестринстве?

- Как мы могли уберечь ее? – подала голос Грэ. Теперь она осознала, насколько недооценивала импульсивность царя. Лучше ей было поговорить с ним накануне, пока он не заявил ничего во всеулышание. – Мы и думать не думали, что она не просто кокетничает!

- Неужели наша провинность так велика? И ты не позволишь нам хотя бы достойную жизнь, если не быть тебе женами? Куда нам идти? – продолжала, едва сдерживая слезы возмущения, горькой досады и страха, ее сестра.

- Я сказал, что сказал, - ответил Левэн. – А теперь убирайтесь, и пусть слуги уведут его, - указал он пальцем на Васу, стоявшего в железном ошейнике, как было положено судимым преступникам. – И настал твой черед, Нэн, и твоих порождений.

- Отец! – воскликнул Рух. – Они-то при чем!

Много лет никто не возражал Левэну открыто, и только в разговорах между собой он и ученый Хоэхэ спорили временами о трудностях классификации бабочек, а вот сегодня – уже второе слово поперек. На этот раз царь не ответил ничего, но все увидели, что золотистое сияние вокруг его головы стало багровым. Ничего хорошего это не предвещало.

Часть слуг покинула суд, сопровождая Васу и жен, которые больше ими не были, и которым оставалось лишь собрать немногие вещи, что они могли с собой унести. Тариах показала им вслед язык. Рух сделал несколько шагов к краю площади.

Несчастная Нэн вся дрожала. Не было никакой возможности, что царя тронет ее боль, и все-таки она взглянула Левэну в глаза, и он не мог не прочесть в ее взгляде то, о чем она безнадежно молила.

- Что ж, - сказал Левэн, помедлив и мигнув сиреневым, – и тебе я оставлю жизнь, но ты уйдешь, не взяв с собой ничего. Вот так, как стоишь сейчас.

- Тебя даже не побьют хлыстом, - добавил он, к изумлению люда, и были среди него и такие, что разочаровались, услышав это. – Но не жди, что я отдам тебе детей. Ибо ничего – это ничего.

- Я готова на все, - выдавила из себя Нэн в отчаянии, - только отпусти их со мной.

- Нет, - ответил царь.

Она возопила и упала перед Левэном, а он сделал знак рукой, точно отстраняясь, и двое слуг подхватили ее, взяв за тонкие запястья и сделав ей больно, и повели прочь. Этот миг ее унижения не видели ни сестры, которые могли бы утешиться хотя бы этим, ни Рух, но Тариах, глядя, поджала губы. Сочувствие смешивалось в ней с мыслью, что лично она бы ни за что никому не падала в ноги.

- Увы ей, - проговорил кто-то в толпе.

Левэн не глядел ей вслед. Ему оставалось решить последнее.

Он помнил, что прокричал тот безумный, бывший после в корчах. Мальчик с серебристым пухом на теле и девочка с золотой звездой во лбу принесут ему беду. Да, они ни в чем не виноваты, а Левэн всегда хотел справедливости, однако, не судьбой ли царства он должен заботить себя?

И еще одно он для себя установил: Нэн должна вечно страдать, оттого что не знает, что стало с детьми.

Так как же ему поступить?

Багровое сияние стало еще темнее. В это время где-то прозвучал стук копыт – ухо Левэна уловило его среди отдалявшихся криков Нэн. Уссо не разъезжает на лошади, это не мог вернуться он. Значит, куда-то умчался Рух. Ужасная догадка осенила Левэна, и он со всех ног бросился в женский терем, и оставшиеся на площади слуги побежали за ним.

Да, спальня Нэн была пуста.

Слуга, что сторожил ее, распростерся ниц, моля не гневаться, потому как ничего не мог он поделать под натиском царевича. Его рука вытянулась в направлении побега.

- Обоих унес, - лепетал он. – Я ему: нельзя. Но куда там...

Рух мчался быстро, но царский конь был быстрее. Погоня началась почти сразу, и беглецы не могли рассчитывать, что успеют оказаться далеко. Никакой мысли, куда именно скрыть детей, у Руха не было – он просто подчинялся порыву, как бывало с ним обычно: делал то, что в этот момент хотел сделать.

Заслышав Левэна за собой, он похолодел. Сейчас все закончится, их настигнут. Трава вокруг была высока и густа, в ней можно было какое-то время прятаться, но рано или поздно детей там найдут. Что Рух знал совершенно точно в свои еще юные – хотя перед последним отъездом отец поговаривал, что пора бы уже начать подыскивать ему невесту – годы, так это то, что удача на свете есть. Он резко остановил скакуна и ссадил близнецов. Затем он велел им крепко взяться за руки и ничего не бояться.

Предоставить их воле случая – риск, но другого выхода Рух не видел. Когда дети взялись за руки, он сотворил порыв ветра такой силы, какой еще никогда ему не удавался. Ветер бросил детей вперед, и они летели, точно выпущенная из лука стрела, над склоном Горы, а потом опустились среди холмов под Горой, возле вьющейся речки. Падение было плавным, но все же они расцарапали себе руки и ноги. Иссур расхныкалась, и тут кто-то изумленно воскликнул:

- Смотри, жена, они к нам прямо с неба свалились! Ой, да какие чудные!

Женщина оторвалась от грядки, откуда дергала сорняки, и вытаращила глаза, увидев детей.

- Вы кто? – спросил ее муж, не ожидая, конечно, ответа, потому что такие маленькие дети еще не говорят. Но Эдэл ответил:

- Вавава вава.

- Не плачь, девочка, - сказал тогда старый крестьянин. – Ох, как вы поцарапались. Ничего, это не страшно.

Рух же стоял на дороге, и к нему приближался белоснежный конь, на котором скакал отец, намного опередивший слуг – те еще только виднелись вдалеке.

- Я кое-чему научился! – выкрикнул Рух и сотворил ветер на этот раз навстречу преследователям, так что отцовский конь поднялся на дыбы и встал. Но на этом силы его иссякли.

- Прочь! – закричал царь и выдохнул жар. Он не хотел обжечь сына, но, когда сильно гневался, жар исходил из него просто как субстанция гнева, подобно тому как дым исходит из печной трубы, когда в печи разожжен огонь. Рух покачнулся и упал, а скакун его, стоявший чуть поодаль, с отчаянным ржанием отпрянул. Левэн замахал слугам, чтобы те поспешили.

- Увезите его в чертоги, - приказал он подъехавшим, указывая на сына. – И лошадь отведите. А двое со мной.

Чувства вернулись к Руху, но он был очень слаб и почти не сопротивлялся. Во всяком случае, он сделал, что мог. Дальше зависело от того, куда близнецы приземлились, и найдется ли из обитателей холмов, кто не побоится о них позаботиться.

Они попали в руки не злые, но расчетливые. И старик, утешая Иссур, попробовал отцепить звезду с ее лба, думая, что это такое господское украшение. Но только он коснулся звезды, как обжегся и с недовольным ойканьем отдернул руку.

- Странные вы какие, - проговорил он растерянно.

- Вававава, - высказал, что он об этом думает, Эдэл.

- Небось оттуда они, - указала на Гору женщина, - из чертогов. Вишь, какие. Ты вот что, - понизила она голос, хотя на самом деле не думала, что дети могут понять ее слова, - отведи-ка их в дом. А когда заснут, мы тихонько сострижем у мальчика волосы. Такие на базаре должны дорого стоить.

- Дура ты, - возразил ей муж. – Как только я появлюсь с ними на базаре, меня схватят царские слуги.

Все же он потрепал, как бы невзначай, мальчика по шевелюре, для его лет необычайно пышной, и, не ощутив на этот раз ожога, подхватил детей и затащил их в свой кривенький домишко, в комнату, дверь в которую открывалась вовнутрь, и из которой малыши, как он полагал, не могли выбраться по той простой причине, что не дотянулись бы до дверной ручки.

- Посидите тут, - сказал он и оставил их, плотно затворив дверь.

Скакать вниз по серпантину дороги было дольше, чем лететь, да и огород, куда приземлились дети, находился на самой окраине населенной части холмов; за ним, еще ниже, лежало травяное море до самого горизонта, где чернела полоска леса. Для Левэна, однако, долгих путей не было. Он не знал, куда именно ветер унес детей, но собирался прочесать всю округу.

- Вот тебе и доказательство, что они оттуда, - сказала жена крестьянина, снова показывая на Гору, откуда по дороге вниз мчался царь, сопровождаемый еще двумя всадниками-слугами.

- Посмотрим, - сказал старик.

Женщина вернулась к прополке. Пожалуй, она поспешила, это правда. Так просто, как она сначала предложила, не выйдет. Но они что-нибудь придумают.

Дети не собирались ждать, пока это случится. Они пока не умели говорить, но чужую речь понимали неплохо, и, когда старик ушел, Иссур толкнула брата в бок, и он ответил ей согласным взглядом. Комната была почти пуста, в ней стоял стол, большой и тяжелый, с двумя лавками вдоль его длинных сторон; еще одна лавка, более широкая, была прикреплена к стене, там можно было прилечь. Не на что было встать, чтобы добраться до дверной ручки. Но они могли встать друг на друга; об этом крестьянин не подумал. Ах, видела бы мама, как они это сделали, как Эдэл сумел подняться с четверенек с легкой Иссур на плечах, как Иссур потянула за ручку, и как дверь открылась, - она бы их похвалила!

Старик и его жена чем-то занимались в огороде. Пришлось бы пробираться мимо них, выходя через крыльцо. Направившись вместо этого в дальнюю часть дома и спустившись там по лесенке вниз, дети попали в верхний погреб. Здесь стояло несколько бочек, и одна была почти пуста – только россыпь яблок на донышке.

Левэн торопился – ему хотелось побыстрее покончить с близнецами и вернуться к сыну, который был сильно обожжен. Конечно, лекарь займется им, но Левэна терзало чувство вины, странно соединенное с желанием накричать на Руха за его дерзость, наказать его еще. Но какой он сотворил ветер! Один крестьянский домишко и вовсе развалился - видно, был совсем хлипкок. Некоторые деревца были поломаны. Часть крестьян кучковалась, обсуждая неожиданный ураган среди ясной погоды, другие были заняты хозяйством. Левэн подъехал к группе праздных, и они почтительно склонились.

- Отвечайте мне, - приказал царь, - не видели ли вы, как по ветру летели двое маленьких детей?

- Не-а, - сказал один мужик.

- Я чинил крыльцо, - сказал другой, - и тут такое! Меня сбило с ног и отшвырнуло саженой на пять. Моя в доме была и как закричит...

- А у моего курятника крышу снесло, - перебил его еще один.

- Потому что испугалась за дочку, она играла у дороги, - продолжал тот, которого сбило с ног.

- Обошлось, - сказала его жена.

- А вон мостик порушился, - заключил рассказчик.

- Я видел, - вставил слово грязный парнишка с недоеденным яблоком в руке. – Они, кажись, в овраг упали. Вон туда.

Овраг лежал ниже. За ним стоял только один крестьянский дом, к нему вела тропа по берегу оврага.

- Молодец, углядел, - похвалил парня Левэн и вынул из нагрудного кармана серебряную монетку. – Больше никто не видел этих детей?

- Надо нашу дочку спросить, - сказала женщина, которой тоже хотелось монетку, - может, она видела, когда играла. Я сейчас ее позову. Кикай, Кикай!

Но Кикай то ли не слышала, то ли была сильно занята чем-то своим. Левэн махнул рукой и усакал.

Тем временем старый крестьянин вернулся в дом, чтобы поглядеть, как там дети. Надо хоть спросить, не голодны ли они. Увидев распахнутую дверь и пустую комнату, он опешил. Как так?

- Девочка! Мальчик! Где вы? – позвал он и, когда никто не отозвался, закричал:

- Жена, жена! Они сбежали!

Женщина пришла и взглянула собственными глазами. Да, детей нет. Она покачала головой.

- Эх, ты!

- Если к лесу убежали, нечего и искать, не найдем, - вздохнул старик. Потом он добавил:

- Может, и к лучшему.

- Почему это?

- Странные они...

Женщина ничего не ответила.

Они только вернулись в огород, как заметили приближавшихся царя со слугами.

- Видишь, - сказал крестьянин, - все равно бы отняли.

- Эй! – крикнул ему один из слуг. – Поди сюда!

Он послушно вышел на тропинку. Царь подъехал и спросил грозно:

- Ты видел детей, которые прилетели, когда случился ураган? Признавайся!

- Да, они нам чуть не на голову свалились, - ответил старик. – Мальчик и девочка. Еще совсем малыши.

- Хорошо, - сказал царь удовлетворенно. – Так где же они теперь?

- Я закрыл их в комнате в доме, - развел руками крестьянин, – но они сбежали.

Это была неправда, но не ложь. Крестьянин смотрел Левэну прямо в глаза, и видно было, что в нем нет ни капли лукавства.

- Как сбежали? Куда сбежали? – снова рассердился царь, и свечение вокруг его головы зловеще побагровело.

- Не знаю... К лесу, наверное... Куда ж им еще бежать? Иначе бы их здесь сразу нашли.

Левэн окинул взором травяное море.

- Надеюсь, ты не обманул меня, - сказал он так, что старик едва не свалился от страха, но все же выдавил из себя:

- Истинную правду говорю.

- Поднимите всех, - приказал слугам Левэн. – Пусть ищут. Кто найдет, получит награду. А я... – Он поскакал прочь, не теряя ни минуты более.

Ц

В погребке было холодно, но дети сидели в бочке, ожидая, когда немногие проникающие сверху лучи света сменит крошечная мгла. Здесь их не искали. Старик с женой оба были уверены, что они не могли остаться в доме, а уж наверное как-то прошмыгнули через огород в густую траву. Еще долго раздавались их разговоры: жена упрекала мужа, что награда могла бы достаться им, не будь тот растяпой, крестьянин отвечал, что ничего бы не досталось, а просто отобрали бы у них детей – и все. Наконец, настала ночь.

Дети тихонько выбрались из бочки и двинулись к крыльцу. Дверь в комнату, где с громким храпом спали старик с женой, была закрыта, и сияние звезды во лбу Иссур не проникло внутрь и не разбудило их. Снаружи слышались голоса, но вдалеке – то немногие, так жаждавшие награды, что сон никак не шел к ним, продолжали поиски в овраге при свете бледной луны и густо усыпавших небо звезд. Близнецы не вышли на приовражную тропу, а нырнули в траву, где ни одной тропинки не было.

Один из двоих оставленных Левэном слуг предпочел теплую постель в крестьянском доме ночным розыскам, сказав второму, что коли гхуртхи не нашли детей, так им и подавно не светит. Его напарник, однако, боялся, как бы царь не прознал о его нерадивости, и потому он – пусть бессмысленно – тарашил глаза в темноту, сидя на крыше дома. Он поворачивал голову то туда, то сюда – не столько в целях обзора, сколько чтобы не заснуть, и вдруг заметил блеснувшее пятнышко света. «Ох-ты, - воскликнул он про себя, - как же мы сразу не подумали!» Слуга присмотрелся еще: пятнышко иногда пропадало, но затем снова появлялось, и, определенно, оно двигалось. Чуть не кубарем он слетел вниз и растолкал спящих в доме.

- Эй, что такое? – спросил другой, которого оторвали от сна.

- Пошевеливайся! Я их обнаружил!

- Да неужто?! Сейчас, сейчас. Где? Зови всех!

Иссур можно было заметить, только глядя сверху, но слуга знал направление, и двигались гнавшиеся за детьми намного быстрее тех, так что неизбежно должны были их поймать. Дети пробирались сквозь заросли с упорством ни о чем не ведающих, но шаги их коротеньких ножек были слишком малы. Порою они зацеплялись за прочные стебли и падали. После одного из таких падений Эдэл ощутил под собой что-то большое и упругое, чья-то рука ухватила его за волосы, а голос произнес с раздражением:

- Тысяча крыс!

Иссур подползла к брату, и в лучах ее звезды они увидели коротышку, закутанного в синий плащ и в синем колпачке и сапожках с серебряными пряжками. Коротышкой он был даже вдвойне – как от природы, так и потому, что ему было совсем немного лет. Когда на него свалился Эдэл, он медитировал, и вот теперь Уссо – а это именно младшего царского сына повстречали близнецы – негодовал, что его занятие было так неожиданно прервано. Он взгляделся в детей и понял, кто перед ним.

- Три тысячи крыс! – выругался он снова, но уже с изумлением и отпустив волосы мальчика.

Между тем, приблизился шум погони. Крестьяне специально гикали время от времени, рассчитывая напугать детей, чтобы те закричали и обнаружили себя. Расчет этот был верен: Иссур уже готова была расплакаться.

- Эге, - сказал Уссо, сообразив, что происходит, потому что детей не окликали по именам, а пугали. – Но постойте-ка.

Последние его слова предназначались крестьянам. Уссо поднялся на ноги и привстал на цыпочки; теперь его голова оказалась выше уровня травы, так что он мог видеть шеренгу подходивших. Увидели и они его.

- Да это ж Уссо, - сказал один слуга другому – тому, кто всех сгношил. – Так это его ты заметил с крыши?

- Я был уверен, что заметил девочку, - отозвался тот. – Ведь это ее звезда могла светить.

- Но, как видишь, это оказалось не так.

Слуга, который лег спать, был бы очень рад, если б его напарник действительно оплошал. Ведь тогда получилось бы, что лечь спать было разумно, а торчать на крыше – нет.

- Кто это смеет затеять на меня охоту? – закричал Уссо. – Вот я вас! – С этими словами он потряс поднятым кулаком. А все знали, что, хотя младший царевич был еще мальчишкой, он легко сбивал кулаком с ног любого здоровяка. Говорили даже, что он способен пришибить теленка.

- Стойте! – выкрикнули одновременно оба слуги. Никому из них не хотелось оказаться тем, которого второй смог бы потом уличить в несметливости. И крестьяне остановились.

- Убирайтесь прочь! – завопил на них Уссо.

Одно дело – гнаться за царским сыном, потому что за ним гонится сам царь, другое – связываться с Уссо, когда Левэна здесь нет. Об этом нечего было и думать.

- Мы только ищем сбежавших детей Нэн, - попытался все-таки вступить в объяснения более настырный из слуг.

- Тысяча крыс! – обругал его царевич. – Убирайся искать в другое место.

Он снова потряс кулаком, и слуга замолчал. Конечно, он мог ошибиться, приняв за свет Иссур лунный блик на колпаке Уссо... когда смотришь сверху... мало ли что... Возникла конфузная пауза.

- Уходим по домам! – скомандовал крестьянам его напарник, беря на себя смелость решить что-нибудь, наконец. – Прости нас, царевич, мы искали детей, но ошиблись.

- Здесь нет никаких детей, - сказал Уссо, и это стало последним аргументом.

Когда крестьяне ушли, дети поднялись с земли, к которой прижимались все это время. Они больше не боялись. Уссо был озадачен. Он не знал о возвращении отца и о том, что Нэн, Лахи и Грэ изгнаны. Когда он заметил слуг с Горы, то даже усомнился на мгновение, что искавшие детей были им враждебны. Но слуга произнес слово «сбежавших», а не «потерявшихся», да и как дети могли оказаться среди ночи в этом месте. Нет, тут дело нечисто.

Тогда он погрузился в медитацию и увидел Руха, увозящего близнецов на коне, и отца со слугами, что гнались за ними. С Рухом сейчас неладно. Над ним колдует лекарь... Больше ничего не открывалось, один только мертвенно-голубой свет заполнил пространство, и Уссо пробудился.

- Вам надо к маме, - сказал он детям. Не это ли следует говорить в подобных случаях? Но они оба замотали головами, и на глазах Иссур опять появились слезы.

- Тогда что же мне с вами делать? – спросил Уссо. Дети глядели на него, как будто спрашивая то же самое.

Выходит так, подумал царевич, что прежде всего сейчас надо скрыться от отцовских слуг и крестьян куда-нибудь подальше. Но малышам придется идти самим, ведь если он возьмет их на руки, кто-нибудь может их заметить.

- Ва вавава, - проговорил Эдэл, и Уссо кивнул. – Да. Идите к лесу. Вот туда. – Он показал им, в какой стороне лес. – Не бойтесь. Я еще найду вас. И вот вам кое-что.

Он достал им мешочек с лепешками. Детям этого хватит, пока он все разужнает и решит, как быть.

Близнецы сразу съели по лепешке и пошли дальше пробиваться сквозь траву, а Уссо сел на землю и задумался.

Ц

Нэн отвели к полю, что расстиралось за Горой на севере, и, только теперь выпустив ее руки, гнали до самой Дуэт, и солнце успело зайти и успело взойти за это время. Там ее затолкали в воду, и она поплыла, собирая прибрежные кувшинки на свое покрывало. Дуэт была здесь неширока и ленива. Когда Нэн выбралась на другой берег, где стоял лес, гонители повернули к Горе, и только один из них напоследок прокричал:

- Эй, Нэн! Выжала бы покрывало, пока мы не ушли! Ха-ха!

«Как это безжалостно и глупо», - подумала обессиленная Нэн. Слезы продолжали душить ее. Зачем она это сделала? «Ты всех любишь», - сказала ей тогда Грэ. Но все можно было оставить шуткой. Только Васа был такой хорошенький и любезный, и вдруг оказалось, что смех – не смехом вовсе. А теперь?

Что с ее детьми?

Но если бы она не упала в объятия Васы, если бы воспротивилась, Эдэла и Иссур не было бы на свете, и, значит, она не виновата и поступила правильно...

Лахи и Грэ покинули чертоги позже, их никто не подгонял, хотя и в разговоры с ними больше не вступали и вообще во всем делали вид, что их нет. Они спустились вниз, с котомками за спинами, по дороге к холмам, и там узнали подробности бегства детей: среди местных заговор молчания не действовал столь безоговорочно, как на Горе.

- Как пить дать, они там были, - уверенно заявила Грэ. – Уж я-то бы их не упустила.

- Теперь это не наше дело, - ответила Лахи.

- Как знать.

- И с чего ты взяла, что Уссо станет помогать близняшкам? Что он им враг – этого нельзя сказать, но и особой любви я не замечала. Уссо вспыльчивый, как его папаша. Мог ведь он разозлиться на крестьян по каким угодно другим причинам?

- Мог, - вздохнула Грэ. – Все может быть. Ладно. Давай решим, куда мы пойдем.

- Домой нам нельзя. Да и далеко слишком.

- Это понятно.

- Поселимся где-нибудь в безопасном месте неподалеку от границ царства. Вдруг у Левэна изменится настроение, и он снова нас позовет, - сказала Лахи. – В конце-концов, мы-то были ему верны. Это не наш позор.

- Не верю я в это, - ответила ей сестра, - но ничего лучшего все равно не знаю. Только давай поселимся врозь.

- Почему это? – спросила Лахи.

- Можно будет иногда ходить друг к другу в гости, - улыбнулась Грэ. – А если все время вместе, то уже никакого разнообразия.

Лахи засмеялась.

- Конечно, мы будем жить недалеко друг от друга, - добавила Грэ.

В это время Левэн расспрашивал лекаря. Тот делал умное лицо и произносил умные слова, которые, как он полагал, должны были убедить царя, что делается все возможное. Ожоги были обширны: почти все лицо царевича покрылось волдырями. Он то пробуждался и стонал, то снова впадал в беспамятство. Лечебный отвар должен был сделать свое дело, но не останется ли царевич рябым?

Царь именно этим и интересовался и понимал, что лекарь вовсе не уверен в исходе дела. Всего более, однако, его тревожило бегство близнецов. Они как сквозь землю провалились!

Как только Левэн вернулся в чертоги, он, еще до того, как взглянуть на сына, поднялся на верхнюю башню и свистнул особым, очень высоким посвистом. С нависавших над чертогами скал взмыла птица и камнем упала на перила балкона башни. Это был гхуртх, он водил с царем давнюю дружбу – когда-то Левэн нашел его, еще птенца, лежащим на земле с поврежденным крылом, и выходил. Теперь он жил на Горе и, случалось, выполнял некоторые царские поручения.

- Я хочу, - сказал Левэн гхуртху, - чтобы ты облетел луга между крестьянским селением и лесом, чтобы ты каждую травинку там оглядел. Мне нужны маленькая девочка со звездой во лбу и ее братец. Возьми своих родичей, и отправляйся, не медля. Дети должны быть там, в траве. Схватите их и принесите мне сюда.

И девятéro гхуртхов слетели с Горы к травяному морю, и крестьяне испуганно глядели в небо, где кружили и падали вниз огромные птицы. Но в это время близнецы сидели в бочке в погребке, поэтому их искали напрасно. Прошел час, и царь получил ответ.

- Мы осмотрели все луга, - доложил гхуртх на своем птичьем языке, который Левэн выучился хорошо понимать. – Но детей не нашли.

Царь изумился. Дети не могли успеть добраться до леса. Но, в таком случае, их нет нигде – ни в поселении, ни в лугах. Неужели ничего нельзя поделаться, неужели такова судьба?

- Хорошо, - сказал он птице. – Я еще позову тебя, а сейчас ты свободен.

Потом настала ночь. Левэн ворочался с боку на бок, и в голове его вертелся вопрос: в чем он ошибся?

И вот, наутро, расспрашиваемый лекарь произносил умные слова, а царь одновременно интересовался и не интересовался его суждениями. На пороге появился старший слуга; Левэн дал ему знак подойти, и слуга сделал несколько осторожных шагов.

- Объявился Уссо, - заговорил он сбивчиво. – Когда искали детей. Ночью крестьяне искали в траве, а там вдруг Уссо. И он рассердился и прогнал крестьян. Очень злой был, что его потревожили.

- Давай-ка по порядку, - велел ему царь, а лекарю сказал, чтобы тот продолжал лечение, а пока разговор с ним окончен. Слуга рассказал подробнее. Брови Левэна приподнимались и опускались, пока он слушал; к концу же ему было ясно, что близнецы избежали быть пойманными только потому, что погоня наткнулась на Уссо. Тот, возможно, знает, где дети, а возможно, нет. Он негодовал бы на крестьян в любом случае. Надо поговорить с ним.

- Где Уссо сейчас, известно? – спросил Левэн.

Слуга помотал головой.

- Я все понял. Иди, - сказал царь.

Итак, только ночью близнецы пошли к лесу. Неудивительно, что гхуртхи их не обнаружили. До этого они были где-то в селении, но эти остолопы крестьяне не видят, что у них под носом. Левэн чуть не выдохнул жар от гнева.

Он вызвал ученого Хоэхэ.

Хоэхэ был очень высок и длинноволос, и у него была остренькая бородка. На груди его висел медальон с изображением золотого жука, Хоэхэ верил, что этот медальон приносит ему удачу.

- Как поживают твои друзья зайцы? – спросил царь ученого.

- Прекрасно поживают, - сказал Хоэхэ, - размножаются.

- Очень хорошо, - прокомментировал Левэн, - Чем их больше, тем лучше. – И он объяснил свой интерес.

- Что ж, - ответил Хоэхэ, - я разужаю.

- Поторопись, - сказал царь.

Затем он снова подозвал гхуртха и попросил его отыскать Уссо. Эта задача оказалась совсем простой, поскольку Уссо и не таился. Он поднимался по дороге на Гору, когда гхуртх увидел его – такого забавного в своем колпачке и плаще, длинные полы которого, окаймленные снизу бахромой, чуть не подметали пыль на дороге. Уссо также увидел гхуртха и дружески помахал ему рукой. Птица сделала над ним круг, низко спустившись, а затем улетела к башне сообщить царю, что сын его сам к нему направляется.

В действительности царевич направлялся к Руху – он хотел расспросить именно его. Но отец встретил его у самых ворот чертогов.

- Где пропадал на этот раз? – начал он издалека.

- Бродил, куда потянуло, - ответил царевич уклончиво.

- В меня пошел, значит, - усмехнулся царь. – Ну тогда скажи мне, чем тебя так рассердили крестьяне.

- Они разбудили меня своим гиканьем, когда я медитировал, - невозмутимо объяснил Уссо, и ни один дрогнувший мускул на его лице не выдал, что на самом деле была другая причина. – Я был разъярен! Что за нелепые шествия по ночам! Они, правда, сказали мне, будто ищут детей Нэн. Кстати, что с ними такое?

- А почему ты спрашиваешь? – поинтересовался Левэн.

- Потому что твои слуги сказали мне, что дети сбежали. Но меня давно здесь не было, и я не в курсе последних событий. Я даже не знал, что ты вернулся. Ведь ты собирался к истокам Ну, не так ли?

- Собирался, - мрачно подтвердил царь. – Только до меня дошли плохие вести, суть которых тебе известна. Что ж, я введу тебя в курс последних событий.

При этих словах его сияние потемнело.

- Я выгнал жен. Всех троих. Нэн – как нищую. А детей я у нее отобрал. Но так случилось... – он сделал паузу. – Я не знаю, где они сейчас, и что с ними. Но я намерен их искать. И еще, чтобы ты знал... Я не позавидую тому, кто станет их прятать.

- Отец, - сказал Уссо все так же невозмутимо, - если в своих странствиях я их повстречаю, то сообщу тебе об этом.

- Не хочешь ли ты сказать, что еще не успел их повстречать? – приступил к нему Левэн.

Уссо промолчал.

- Так успел?! – закричал царь.

- Отец, - сказал, наконец, Уссо. – Мое молчание объясняется лишь тем, что я не понимаю, отчего навлек на себя твои подозрения.

- Хорошо, - смягчился царь, решив, что, вероятно, сын его, хотя и помешал крестьянам поймать близнецов, сделал это неумышленно. – Но помни, что я сказал. А теперь хватит болтать, у меня дела.

Он вернулся на верхнюю башню, приказав слугам накрыть ему стол там. Когда уже почти стемнело, на башню поднялся Хозхэ.

- Да, сегодня близнецы появились в лесу, их видели, - сообщил он. – Они сидели на волчице, но куда она отвезла их, мне сказать не смогли.

- На волчице? – переспросил Левэн в удивлении.

- Да. Она и не думала на них напасть. Вот, что важно, - сказал ученый медленно. – Мне сказали, что ни один лесной зверь никогда не причинит вреда девочке с золотой звездой во лбу. Никогда.

- Гм, - хмыкнул царь. – Неужели? А что насчет мальчика?

- О, тут дело еще хуже. Мальчику они готовы подчиняться. Но, - добавил ученый, - все это касается зверей. На птиц, червей, пауков и прочих это не распространяется.

- Благодарю тебя, Хозхэ, - сказал Левэн. – Ты помог мне.

Ц

Состояние Руха улучшилось настолько, что он покинул постель; на лице его, однако, оставались уродливые рубцы, и он показал их Левэну при первой же встрече наедине.

- Да, сын, прости, - сказал Левэн. – Но ты заслужил свое наказание. Ты встал между мной и близнецами.

- Я хотел их защитить, потому что за ними нет вины! – воскликнул Рух. – А ты, что ты хотел с ними сделать?

- Ты кое-чего не знаешь, - ответил царь. – Но я расскажу тебе, и тогда ты поймешь, что поступил не только предосудительно непокорно, но и неразумно.

Рух хотел возразить что-то, но Левэн жестом остановил его и продолжал:

- Однажды во время путешествий я повстречал одного оборванца, он был почти наг, лыс, и глаза у него были совершенно безумные, но была в них какая-то глубина, которая сразу поразила меня. Я спросил его, не надо ли ему чего, и он посмотрел на меня пристально и вдруг рассмеялся, нехорошим таким смехом, а потом зло проговорил: «Мне не надо, а вот тебе...». Мне это не понравилось, и я ответил: «Что мне нужно, я получаю». Тогда он захохотал пуще прежнего и выкрикнул: «Ты? Да ты даже не ведаешь, откуда придет к тебе беда! А придет она... Ха-ха-ха! Придет она... Ха-ха-ха!» Я был готов испепелить его, но что-то удержало меня, и тут он стал смешно дергать руками – туда-сюда, и закричал опять, уже сквозь боль, которая, я видел, стала одолевать его: «Когда родится в твоём доме пара близнецов – тогда беда придет! Мальчик, покрытый серебристым пухом, и девочка с золотой звездой во лбу!» Это было последнее, что он сумел из себя членораздельно выдать, дальше только дергались руки и ноги его и голова, и смотреть на это было ужасно. И конь мой тогда не смог больше стоять спокойно и понес меня

прочь. Не знаю, что стало с этим несчастным, но предсказание его мне запомнилось. Потом много лет прошло... Я и позабыл и не вспоминал... пока не оказалось, что дети эти родились.

- Невероятно!

- Такая история...

Рух только покачал головой. Он не знал, что сказать на это. Случай, рассказанный отцом, был явно нелепым, но как объяснить, что оборванец знал приметы детей?

- Вот что, - сказал ему отец. – Рубцы твои мы найдем, как залечить. Наш лекарь не умеет, но мы пошлем гонцов, чтобы отыскиали кого сведущего. А близнецов лучше бы погубить, пока не погубили они нас.

- Мне сказали еще кое-что, - добавил он. – Лесным зверям известно о близнецах. Они их не трогают и даже готовы служить мальчику.

- Кто сказал? – спросил Рух.

- Зайцы рассказали Хоэхэ.

- О, если бы я знал раньше! – с сожалением воскликнул Рух.

- Надеюсь, теперь ты на моей стороне, - сказал Левэн.

- Мы должны быть справедливыми, - ответил царевич, подумав. – Быть может, если бы ты был к детям справедлив, беда не пришла бы.

- Очень опасно, – возразил царь.

Между тем, младший сын его, который выяснил, что хотел, и был даже рад, что именно отец повстречался ему первым, потому что заговори он с Рухом, все наверняка раскрылось бы, покинул чертоги. Он не стал медитировать, чтобы попытаться проведать, в безопасности ли дети. Инстинктивно ему казалось, что им ничто сейчас не угрожает. Однако, найти Нэн и успокоить ее, что Эдэл и Иссур живы, было бы хорошо. С такими мыслями он отправился в путь. Несложно было разузнать, куда Нэн гнали. Вскоре он достиг Дуэт и переправился своим обычным способом – вода держала его, когда он этого желал.

В лесу было топко. Ноги тонули во мхах, устилавших всю землю под раскидистыми ракушечниками и миртами, образующими, вместе с гигантскими папоротниками, нижний ярус леса, тогда как верхний состоял из высоких кленов и дубов. Вблизи реки заросли были особенно густыми, но затем лес ощутимо поредел, и Уссо пошел быстрее. Он окликал Нэн, и эхо раздавалось по лесу, и на какой-то раз Нэн отзывалась.

Она находилась ближе к реке, чем Уссо успел зайти, немного вниз по течению. В ее волосы были вплетены белые и розовые цветы, и, охваченная жемчужного цвета покрывалом, она выглядела бы речной нимфой, если бы бедное одеяние ее не было в нескольких местах порвано о ветки и перепачкано. Увидев царевича, Нэн обрадованно вскрикнула.

- Ой, привет, Уссо! Как ты здесь оказался?

- Я искал тебя, - ответил Уссо.

- Отчего? – Она смутилась. – Я ужасно выгляжу. Видишь, все изорвано... И у меня ничего другого нет... Ах! Скажи мне скорее, что ты знаешь!

- Дети живы.

Лицо Нэн озарилось.

- Левэн оставил их в чертогах?

- Нет, - сказал Уссо, - его намерения не были добрыми. Но помог Рух. Он сумел отправить детей вниз с Горы. А я защитил их от крестьян. Теперь они должны быть в лесу.

- Но как же! – воскликнула Нэн. – Ведь они беспомощны!

- Мне так не кажется, - произнес царевич. – Во-первых, я дал им лепешек, так что с голоду они не умрут.

- О, - сказала Нэн.

- Во-вторых, они выглядят так необычно, что, по всей видимости, это подействует на зверей. Лишь бы их не нашли царские слуги.

- Я должна идти туда сейчас же! – вскричала Нэн. – Покажи мне дорогу, прошу тебя!

- Что за неосторожность! Ведь так ты можешь привести к ним погоню. Да и как ты пойдешь? – спросил Уссо.

Нэн посмотрела на свои израненные ноги и погрузилась в размышления.

- Что же делать? – взглянула она в глаза царевичу растерянно.

- Я постараюсь помочь, - ответил тот. – Но прежде всего подумай о себе. Здесь глухие места.

- Ночью было не очень холодно, - сказала Нэн. – Я нарвала побольше мха. Кричали совы. Несколько раз мне чудилось будто чье-то движение близко. Но хищные звери не появлялись. Уссо, я боюсь!

Он достал свою походную флягу и озорным тоном проговорил:

- Ну-ка, подставляй ладони. У меня сюрприз.

Нэн бросила на него недоуменный взгляд, но подчинилась. Уссо опрокинул флягу над ее сложенными ладонями, и оттуда под восторженный возглас Нэн полилась сметана.

- Я подумал, что будет хорошо прихватить для тебя, когда уходил с Горы. Уж наверное, ты проголодалась, - сказал Уссо, с улыбкой глядя, как Нэн быстро слизывает сметану языком.

- В этих краях должна быть синба, - сказал он потом, - Если тебе удастся ее найти, можно попробовать в ней поселиться. Вообще-то в синбах не живут, как я понимаю, но...

- Что такое синба? – спросила Нэн.

- Ты не знаешь?

- Нет.

- Это такая избушка или землянка, она вдруг попадает на пути в глухомани, и там никого нет, хотя вещи есть – как будто живет кто. Бывает, что даже печка затоплена, и дрова наколоты. Представляешь? Известно о нескольких синбах.

- Слушай, откуда ты все это знаешь?

- Отец рассказывал, - ответил Уссо. – Но мне самому синба ни разу не встречалась.

- Ты еще маленький, а уже взрослый совсем, - проговорила Нэн ласково.

Они помолчали.

- Так мне пойти, куда глаза глядят?

- Синба где-то севернее среди болот. Я знаю только, что вблизи нее много фиалок. Как увидишь такое, ищи.

Когда он покинул ее, Нэн еще долго сидела, погруженная в думы о детях. Надо же – оба царевича оказались на их стороне!

Изгнанница переночевала вблизи реки еще единожды; на следующее утро она нашла себя достаточно отдохнувшей, а свои ноги – нигде не болящими, и в ней с новой силой вспыхнуло желание как можно скорее увидеть Эдэла и Иссур. Но затем она вспомнила, что сделать это нельзя, заплакала, смирилась и пошла в сторону севера – все дальше от Дуэт, разделявшей ее новый мир и земли Горы.

Она любила просторы лугов, а лес не любила, но здесь был только лес. Огромные деревья раскидывали сучья, словно многорукие великаны. Под ногами, ступавшими по источавшим холодную влагу мхам, ничего не было видно из-за густых папоротников. К полудню Нэн наткнулась на ручей и смогла утолить жажду. Она взглянула на свое отражение в воде и грустно улыбнулась.

Возле ручья прыгали лягушки, у них были красивые, как показалось Нэн, узоры на серо-зеленых спинках.

- Лягушка, лягушка, - спросила Нэн, разглядывая одну из них, - не знаешь ли ты, где синба?

Но та лишь ускакала в воду.

Миновала луна. Скорпион Нигг, чей яд убивал мгновенно, был отправлен в лес и не вернулся. О близнецах ходили заячьи слухи. Сообщали, что они уже резво бегают, и что выросли из своей одежды и теперь прикрываются шкурами. О Лахи и Грэ тоже было кое-что известно. Лахи испекла целый дом, в нем она и живет. Грэ обосновалась в пещере. Иногда она выходит на охоту с дротиками и убивает какого-нибудь неосторожного зверька. А порою из ее пещеры доносится красивая протяжная музыка. Васа пребывал в каменном столбе, где ни один луч света не озарял узкое пространство, в котором узник мог только стоять, разве что когда приоткрывалось отверстие, через которое раз в день подавали пищу и воду, и тогда он мог узнавать, что глаза его еще зрячи.

Однажды гхуртх принес Левэну башмачок. То был башмачок из пары, подаренной Хаврэ во дни, когда она привела Корову. Обрадованная Хаврэ станцевала в них, как только надела, и башмачки звенели, точно колокольчики, и пели, подчиняясь ее танцу.

«Она ведь уже подросла и чудесная невеста», - подумалось царю. Но как случилось, что башмачок был утрачен? Не приключилась ли с Хаврэ беда?

Он отправился в путь в одиночку, решив сначала проехать через лес, где укрылись близнецы, а уж оттуда перебраться в царство Хаат, где правил горный царь Тубах, отец Хаврэ, через складку – кратчайшим, только ему известным путем. О его передвижениях по лесу дети Нэн получали, по-видимому, точные и своевременные сведения, так что нечего и думать было сыскать их. Зато, повернув к югу и выехав в скалистое междулесье, он повстречал Лахи, которой прислуживала чумахая босоногая девчонка. Лахи выглядела изумительно. Густые каштановые волосы ее были уложены в высокую прическу, шея украшена нитью крупного белого жемчуга, еще две нити жемчуга свисали с золотой броши в форме пиона, закрепленной на левой груди (его, Левэна, утренний дар – он отметил это), платье, великолепная работа ее сестры, переливалось всеми оттенками перламутра при каждом ее движении.

- Вот так встреча, - проговорила она. – Что ж, ты позволишь мне угостить тебя? Здесь все съедобно: мебель, стены. И у всего свой особенный вкус.

Девчонка, формы которой были, впрочем, уже зрелыми, глядела на царя отчего-то испуганно. Лахи приказала ей принести воды для самовара, а потом отправляться во двор, чтобы не мешаться, и там покормить царского коня. Левэн не собирался долго здесь задерживаться, но приглашение угоститься принял.

- На тебя я зол меньше всех, - сказал он, отделяя вилок кусок от стола и отправляя его в рот. – Хм... однако, ты изобретательна!

Недооцененная в свое время хозяйка вскинула брови, удивленная, отчего царь больше зол на Грэ, но спрашивать об этом не стала. Ей уже виделось, как он, умиротворенный и рассудивший здраво, усаживает ее на коня, и вот они вместе возвращаются на Гору, и вот...

- Но что случилось, то случилось, - оборвал ее мечтания Левэн. Стало быть... он сейчас просто уедет – и ничего?

- Расскажи хоть, какие новости, - попыталась она все-таки зацепиться.

- А какие тебя интересуют? – спросил царь насмешливо. – Об одной твоей сестре ты знаешь поболее меня, о другой не знает никто. Васа в столбе сидит, и пока живой.

- Ну, а ты отправился в новое путешествие? Отчего же один?

- Ну, а сам я собираюсь снова жениться.

- Вот как, - произнесла Лахи, у которой ком подступил к горлу.

- Да, вспомнил я об одной девице-красе, - сказал Левэн, - когда нашелся этот башмачок. - И он достал находку. Лахи уставилась на башмачок, словно увидела привидение, и тут вошла служанка с водой для самовара и громко ахнула. «Не может быть!» - пронеслось в голове у Левэна, вдруг узнавшего те самые милые черты, и он воскликнул:

- Хаврэ?!

- Я зову ее Гуш-Гуш, - с отчаянием сказала Лахи. Она помнила, что именно так - Хаврэ - назвалась девчонка, когда заявила к ней, прося хоть чего-нибудь поесть, и видела, что башмачок в руках царя – пара тому другому, что лежит сейчас в ее сундуке; эти факты складывались в беспросветно мрачную картину: ее служанка станет ее царицей, а она останется той, с кем что случилось, то случилось.

- Ну-ка, надень, - подал царь башмачок Хаврэ, которая закивала головой и заулыбалась в ответ на прозвучавшее настоящее свое имя. Она скользнула в него маленькой ножкой, и михр мгновенно облег ее – точь в точь. Левэн засиял нежно-золотисто и подхватил Хаврэ на руки.

- Ты станешь моей женой, - сказал он, заглядывая в ее счастливые глаза цвета темной сливы. – Ведь так?

И Хаврэ опять закивала, хотя ничего не вымолвила.

- Как я вижу, - произнесла ее бывшая хозяйка, которая уже опомнилась и рассудила, что надо бы извлечь хоть какую-нибудь выгоду из новых обстоятельств, - я все-таки пригодилась в этом царстве: пускай не в роли царицы, но в роли успешнейшей сводницы на свете. Ведь это невероятно счастливый случай! И, как бы ни было мне грустно расставаться теперь и с Хаврэ, я рада, что мой повелитель обрел счастье.

- А уж я-то как рад! – воскликнул Левэн. – Однако, мы ведь собирались пить цикорий? Верно?

- Да, - подтвердила Лахи. – Давайте. Только теперь в услужении пристало быть мне.

- Помнишь ли ты Ливиз? – спросил ее царь, знавший из отсылавшихся ему Рухом сообщений, что хаатская царевна приезжала на Гору и уехала, увы, без михровых башмачков, ради которых проделала всю дорогу.

- Конечно. По мне, она несколько надменна и скучновата, однако, кто я такая, чтобы судить царских дочерей.

- Так вот, Хаврэ – ее младшая сестра.

Лахи снова как будто стукнули по голове.

- Как? – вскричала она. – Почему же ты, Хаврэ, не сказала мне, что ты - царевна?

- Я не решилась, - сказала Хаврэ. – Да разве бы ты поверила мне?

- Может, и не поверила бы, - ответила Лахи, вздыхая. – Но не расскажешь ли ты теперь свою странную историю? Ведь, право, странно все то, что случилось!

Но Хаврэ не хотелось рассказывать. Позже она, конечно, расскажет Левэну... наверное, не все...

Она покачала головой. Левэн почувствовал ее нежелание и поднял руку, как бы ограждая свою избранницу от ненужных расспросов. Увидев это, Лахи отступила.

- О, наверное, сейчас не время. Прости меня, - сказала она.

- Сейчас время цикория, - подтвердил Левэн.

Голова у Хаврэ была как будто не своя. Слишком многое перевернулось за этот день, и она даже не понимала, чему радуется больше всего – тому ли, что к ней посватался сам царь, которого она втайне обожала еще с первой их встречи, когда совсем безгрудой пигалицей впервые увидела его сияние (на самом деле, с тех пор прошло, если подсчитать, не так много времени, однако, детское тело считало время по-своему, чему Левэн и явился довольным свидетелем), или тому, что нашелся второй башмачок, или тому, что ей больше не надо работать прислугой, и ее снова зовут Хаврэ, или... как непривычно чувствовать себя в руках Левэна, и как это хорошо, надежно...

- Иии! Аххахахаха! – извивалась, хохоча, круглолицая черноволосая девчонка в белом платье и блестящих башмачках. - Не-е-ет, ну пожалуйста, перестань! Перестань, пожалуйста! Иииии!

Девушка постарше, поджарее и с более грубым лицом, глубоко забравшись ей под платье руками, и не думала останавливаться.

- Во-от, - проговорила Ливиз, потихоньку подталкивая свою жертву. – Как ты боишься щекотки! Я прямо вся довольная. И никаких нет!

Она прекрасно все придумала и рассчитала. Уже близко. Теперь – последний, сильный и резкий толчок, и ненавистная, вопя, летит вниз. Бурные воды Аббаджах обнимают ее и быстро влекут вниз по течению, где рокошет водопад, и это смерть.

Ливиз улыбнулась. Это было даже проще, чем ей думалось. Кто-нибудь видел? «Мы бегали наперегонки, а потом Хаврэ подбежала слишком близко к обрыву и вдруг споткнулась, - скажет она отцу. - Я отстала и только видела, как она падает». В этот момент надо будет изобразить на лице растерянность и горе.

Никто больше не встанет между ней и отцом.

Она даже напоследок потешилась с коровьей лепешкой, с удовольствием.

Вода в Аббаджах холоднющая, дыхание сразу перехватит. А если этого лепешке окажется мало, чтобы утонуть, течение отнесет ее к водопаду.

Ливиз прислушалась, но только шум воды нарушал покой под синим безоблачным небом. Она побежала к дому. Она должна быстро бежать со своей дурной вестью и слезами на глазах.

Было совсем нетрудно расплакаться – достаточно повспоминать, как Тариах обошлась с ней, и как черевика не налезали на ее ноги, с чего все и началось. А она так хотела!

Теперь эти черевика – ах, чудный михр! – утонул с лепешкой вместе, станут речным сокровищем, вот и пусть.

Когда лепешка заявила в них, то похвалилась, что ей подарила их сама царевна – будто бы свои собственные! И отец сказал: я знаю, что михр тянется и может принимать любую форму, да ведь, когда он сел на ногу, он должен был затвердеть, как будто это правда хрусталь, и потом черевика только потихоньку росли бы вместе со ступней хозяйки. Или царевна не надевала их ни разу? Надевала? Странно, а, впрочем, этот михр-то не обычный, а поющий; и обычный-то редок – его добывают только в недрах Горы живущие там скуббры, а про поющий он разве что слышал, что есть такое диво дивное, но чтобы скуббры когда-нибудь доставляли его наверх – не знал. Что ж, в таком случае, если черевика смогли один раз налезть на чужие ноги, почему бы им не сделать это еще? Она стащила их с лепешки, хотя отец и возражал, что нехорошо быть такой грубиянкой, и попыталась надеть. Но не тут то было! Михр и не думал поддаваться, и тогда она, разгневанная, отшвырнула черевика прочь, в самый угол залы, и лепешка поскакала за ними. Она же объявила:

- Хочу такие же!

- У Тариах таких больше нет, - сказала ей коровье фу.

- Да врешь, - воскликнула она, - небось, просто не хочешь, чтобы и у меня были! Отец, пусть меня собирают в дорогу прямо сейчас!

Она не терпела, когда ее желания не исполнялись. На следующее же утро она выехала на красивой лошадке, серой в яблоко, - не пешком отправилась, как Хаврэ, которой надо было вести Корову, и при ней было трое слуг, а не один.

Левэна на Горе не оказалось – он недавно уехал, и неизвестно было, когда он вернется, и принял Ливиз брат его, Васа. Ей были оказаны подобающие почести, а потом она прямо сказала, что хотела бы такие же черевика из михра, какие Тариах подарила Хаврэ, и готова заплатить золотом.

- Купить? – спросил Васа. – Диль-Диль, наверное, просто подарила бы тебе тоже. Разве не так, скажи, Диль-Диль?

- Конечно, - ответила Диль-Диль-Тариах.

- Но, - продолжал Васа, - скуббры принесли ей в дар только одну пару. Так что, царевна, не обессудь.

- А их нельзя спросить еще? – недовольно поинтересовалась Ливизэ.

- Нет. Они сами приходят, когда хотят.

- Удивляюсь тебе, Тариах, - сказала Ливизэ. – Как это ты отдала свои единственные? Я бы так ни за что.

- Мои башмачки, что хочу, то и делаю, - сказала эта дура девчонка.

- Ну, раз приехала, - сказал Васа, - то погости у нас.

И она осталась проводить время в компании с ним, с царскими детьми и еще тремя девицами, которые, как оказалось, были только что взяты царем в жены. Это было скучно и не имело никакого смысла, потому что поющие черевика она получить не могла. Однажды она заметила, как какой-то простолюдин жадно на нее смотрит; он был юн и, пожалуй, хорош собой, но от того не переставал быть простолюдином. Вскоре она получила записку:

«Милая царевна! С той минуты, как я увидел тебя, ты одна владеешь моим сердцем и всей жизнью моей! У меня нет сокровищ, которыми я мог бы тебя осыпать, но я знаю: ты хочешь башмачки из поющего михра. Если бы я добыл тебе их, согласилась бы ты выйти за меня замуж?»

Она порвала записку в мелкие клочья, а затем, подумав, написала ответ:

«В моей стране ты был бы уже мертв, потому что я приказала бы привязать тебя за руки и за ноги к четверке лошадей и пустить их вскачь. Но я действительно хочу такие черевика.»

- Это надо передать тому, от кого была записка, - велела она слуге.

Больше ничто не нарушало скуку. Тариах порою утягивала ее играть. Этой идиотке нравилось загадывать загадки, а ей эта игра совсем не нравилась, тем более, что разгадывать получалось плохо. Не понравились ей и уродцы, целую армию которых Тариах продемонстрировала ей с таким воодушевлением, будто это были горы драгоценностей; а были то многоголовые жуки, совсем голая кошка, черная как смола и жутко противная, крыса с тремя глазами, какое-то совсем странное существо, выглядевшее как маленькое сизое облачко – но с подвижным красным глазом, гусеница с бесчисленными лапками, каждая из которых на конце многократно разветвлялась тоненькими усиками... Ее чуть не стошнило при виде всего этого.

- Что? – переспросила она, когда Тариах вдруг предложила:

- А хочешь, коли не башмачки, так чудесное платье? Оно будет менять цвет по твоему желанию - разве не здорово?

Конечно, Ливизэ хотела.

Платье оказалось потрясающее: алый атлас, расклешенные рукава, оставляющие обнаженными запястья, пояс, завязанный узлом, зовущим развязать его. Ливизэ надела его тут же. Она степенно прошла, поворачивая тело то вправо, то влево. У лепешки такого нет и не будет.

- Это сшили именно для тебя, - пояснила Тариах, - Как видишь, у моих слуг отличный глазомер.

На самом деле платье сшила Грэ, а Тариах кое-что добавила к его свойствам от себя. Но она, разумеется, не собиралась докладывать Ливизэ, как и что.

- Давай, скажи платью, чтобы стало в горошек, - сказала она затем. Но Ливизэ не хотела платье в горошек и ответила:

- Вот еще! Пусть будет цвета морской волны!

И платье обрело цвет морской волны, а потом оно становилось темно-сизым, нежно-розовым и, наконец, снова алым.

- Получается! – захлопала в ладоши Тариах с дурашливым выражением лица; впрочем, оно часто у нее таким бывало.

Теперь незачем было дальше здесь оставаться, и в тот же день Ливизэ засобиравшись домой, отклонив предложение Тариах сыграть напоследок еще раз в загадки. Та только вздохнула и отправилась донимать слуг. Это пускай.

- У твоего платья есть еще одно волшебное свойство, - поведала она, когда Ливизэ уже готова была помахать рукой на прощанье. – Когда наденешь, просто скажи: «Но и это еще не все» - и узнаешь. Ну, давай, я чмокну тебя.

Маленький караван устремился в родные края. Стояла хорошая погода со звездными роскошными ночами. Один из слуг умел играть на дудочке, и на привалах он развлекал путников, исполняя трели не хуже местных птиц.

Но однажды случился конфуз. Ливизэ все тянуло к подарку царевны; то и дело она заглядывала в поклажу, подобно тому как скупец вновь и вновь заглядывает в свой сундук с золотом, и блеск монет успокаивает его: «Мы есть у тебя, мы есть». И вот, желание пощеголять в новом платье, а заодно и узнать, что же в нем есть еще волшебного, оказалось слишком сильно; Ливизэ достала-таки платье из поклажи и надела, приказывая ему становиться то такого цвета, то этакого. Слуги только ахали – и не только потому что так было положено. Наконец, пройдясь по цветовой гамме, Ливизэ приняла торжественную позу и продекламировала:

- Но и это еще не все!

Чего бы она ни ждала, случившееся было подобно грому среди ясного неба – платье попросту исчезло. Она ощутила всей кожей, как будто ее окатили ледяной водой, а потом щеки ее вспыхнули ни с чем не сравнимым позором.

- Ну что вы глазееете! - топнула ногой Ливизэ, крича на точно окаменевших слуг. – Закройте глаза, пока я не надену что-нибудь!

О, это неспроста, неспроста, неспроста! Это так и было задумано сумасшедшей дочерью Левэна. Но почему? Ах, разве можно спрашивать, почему сумасшедшие поступают так, как они поступают!

А если бы она надела платье не на привале в пути, а дома, и произнесла бы волшебные слова среди пиршества? От одной мысли об этом ее плечи затряслись сильнее.

Ночью, когда слуги спали, она заколола кинжалом всех троих и отпустила их лошадей. Не могут оставаться в живых те, кто видел, как на ней исчезло платье. Отцу она скажет, что на них неожиданно напали разбойники, и они убили слуг, и только ей, по счастью, удалось скрыться.

О, злая судьба! И слезы, слезы из глаз, слезы по щекам, слезы.

Такие же она изольет и теперь, но теперь – другое, теперь – час ее торжества.

Ц

Хаврэ не помнила, как очутилась здесь. Она лишилась чувств почти сразу, как погрузилась в ледяную воду, но, видно, ее бросило на это дерево, и, зацепившись платьем за толстые ветки, она не была увлечена дальше течением.

Вокруг ревела вода. Берег был совсем недалеко, но добраться до него можно было только обхватывая руками дерево, иначе пенящийся поток неминуемо потащил бы свою жертву к обрыву, за которым падал стеной вниз. Дерево подпрыгивало на воде, но удерживалось на месте, попав в щель между большими камнями. Хаврэ попробовала отцепить платье, но оно просто порвалось. Несколько движений в направлении берега дались ей с огромным трудом. Она чуть не соскользнула в поток.

Потом она лежала на берегу, на валунах, не будучи в силах даже стащить с себя платье, облепившее ее, словно ледяная корка.

Потом она стала вспоминать.

Сестра толкнула ее, в этом не было сомнений. Было ли это только неловким движением? Ливиз и раньше обхватывала ее так, когда догоняла, и в такой момент ей нравилось ее пощекотать. Но никогда прежде это не случалось в опасной близости от береговых утесов. Неужели Ливиз хотела ее смерти?

Она поднялась на ноги. За грядой валунов высились скалы. Хаврэ заметила узкий просвет в их монолитности, поросший вереском и алиссумом, и пошла к нему, надеясь укрыться там и просушить одежду под нещадно бьющими солнечными лучами. В кустарнике стрекотали цикады – здесь их неумолчное пение не заглушал гул, идущий от реки. Золотистый покой царил вокруг – словно время текло тягучей медовой струей; Хаврэ безотчетно погрузилась в него, в эту безмятежную дрему, где разве что залетные пчелы были заняты деятельностью – и так протекли часы, пока она не ощутила, как воздух стал прохладен, и не увидела, как удлинились тени на утесах.

Удивительно, но она почти не оцарапалась ни о камни, ни о ветки дерева, спасшего ей жизнь. Одежда высохла. Хаврэ облачилась в платье и стала осторожно продвигаться вперед, глядя под ноги, чтобы ненароком не споткнуться и не расшибиться о булыжники, устилавшие путь. Проход извивался между скалами, точно река. Нужно было подняться наверх, и Хаврэ казалось, что она уже недалеко от достижения этой цели, однако неожиданно перед ней выросла темная каменная стена, в которую уходил туннель. В глубине его не было видно ни зги, но Хаврэ решила и шагнула во мрак.

В абсолютной темноте и с нелепо расставленными руками ей пришлось сделать, по счастью, лишь пару шагов, а затем башмачки ее обнаружили новую способность – они мерцали, подобно светлякам. Это был очень тусклый свет, но Хаврэ увидела, что туннель расширяется, превращаясь в обширный грот. Стены грота кое-где обросли лишайником. Куда-то вниз вел проход, по которому текла вода, выбивавшаяся тоненькой струйкой из стены в самом его начале. Хаврэ подставила под струйку ладони и попробовала ее на вкус.

Вскоре начался подъем, а вода ушла ниже сквозь трещины в камне. Впереди блеснул свет – туннель выводил наружу! От радости сердце Хаврэ сильно забило, и она без всякой осторожности побежала вперед и вдруг ощутила, как голова ее закружилась, тело стало необъяснимо легким и – словно растворилось в воздухе.

Придя в себя, Хаврэ обнаружила, что лежит на полу туннеля совсем рядом с выходом. Ноги и руки ее поначалу не слушались, как будто надо было заново научиться координировать их движения. Она сумела встать и странными, неуклюжими шагами выбралась из туннеля. Была уже ночь. Огромная луна висела над каменными россыпями, простиравшимися, насколько хватало взгляда; среди россыпей темнели отдельные островки растительности.

Местность была ей совсем незнакома, и больше всего поразило ее то, что на горизонте не возвышалась цепь Хаатских гор, хотя горы эти видны отовсюду в ее краях. Не слышно было и – даже вдалеке – рокота водопада. Она обернулась назад, но на месте того отверстия в скале, откуда она выбралась, увидела только вересковые заросли. Приглядевшись, Хаврэ все-таки нашла это отверстие – но оно находилось отчего-то в стороне и выше.

Под лунным светом башмачки не мерцали, однако, видимость была и без того достаточной, чтобы идти. Хаврэ, которая чувствовала свое тело уже полностью к ней вернувшимся, хотелось как можно быстрее выйти в обитаемые места. Постепенно деревья и цветущие кустарники стали попадаться чаще, и все-таки местность оставалась дикой. Хаврэ очень устала. «Надо найти, где переночевать», – подумала она.

Прогалина между валунами, покрытая низенькой мягкой травой, показалась ей подходящим местом, чтобы устроить здесь ночлег. Она опустилась на землю и сняла башмачки с гудящих ног. Вряд ли кто-то мог здесь объявиться, и все же Хаврэ поставила башмачки в траву повыше. Сон пришел к ней мгновенно. В нем Хаврэ увидела родной дворец и отца в нем, и отец бранил ее за то, что она гуляет одна так далеко от дома.

Чье-то пушистое прикосновение разбудило ее. Хаврэ вскочила, озираясь: солнце стояло уже высоко, на небе не было ни облачка, на дереве, нависавшем над валунами в нескольких шагах от нее, щебетала пара цветастых зябликов. Под деревом сидел толстый барсук, и в зубах он держал ее башмачок.

- Эй, отдай, это мой башмачок! – вскрикнула Хаврэ, но барсук только испугался и улепетнул куда-то.

Она попробовала отыскать его по следам, надеясь, что следы быстро приведут к его норе, но, видно, барсук был нездешний; он убежал далеко со своей добычей, даже не думая с ней расставаться, и Хаврэ ничего не оставалось, кроме как смириться с фактом: вернуть башмачок не удастся. Кое как она побрела дальше, не представляя, куда заведет ее судьба. Ее душили слезы обиды и начинал мучать голод. Она рвала попадавшуюся по пути ежевику, пыталась есть листья. От голода начинало мутиться в голове, все вокруг казалось будто затуманенным, ноги болели, и даже птичьи трели не находили отклика в ее душе. Она безумно ненавидела барсука. К исходу дня, когда тени снова стали длинными, и повеяло холодком, ее путь пересек узенький ручей. Хаврэ припала к нему и так пролежала долго, пока мысль, что время уходит, словно вода в песок, а она так и не представляет себе, где находится, не подняла ее на ноги. «Надо идти вдоль ручья», - подумала она. Ручей должен был привести к реке, река – к жилью. Никакого сна, она пойдет и ночью, нельзя терять время!

По обеим сторонам ручья потянулся лес, но он не подходил к ручью вплотную. Хаврэ шла медленно. В воздухе кружились мотыльки и, время от времени, роились мелкие мошки. Из леса доносились переливы соловьев. Ручей оказался длинным, он упорно не желал впадать ни в какую реку и даже наоборот, вбирал в себя крохотные ручейки, к тому же, петляя. Сбив все ноги, Хаврэ лишь наутро заметила впереди дом, стоявший прямо у ручья. До него было еще немало идти, но то была уже дорога спасения.

Дом походил на огромный кулич, разве что с крылечком и окнами. Приближаясь к нему, Хаврэ убеждалась в этом сходстве все более. На пороге дома ее встретила молодая полногрудая женщина, богато одетая, и она глядела на Хаврэ с интересом, хотя и слегка презрительно.

- Пожалуйста, - сказала Хаврэ, - дайте мне чего-нибудь поесть.

- Это легко, - ответила женщина. – А что это у тебя в руке? – спросила она о башмачке. – Ну-ка. Прелесть какая! Но где же второй?

- Второй у меня украли, - грустно сказала Хаврэ.

Женщина поцокала языком.

- Чтобы хоть этот был в сохранности, будет лучше положить его в мой сундук. А ты заходи и угощайся. И надо бы тебе переодеться, платье-то совсем драное.

Хаврэ не хотелось расставаться с единственным оставшимся башмачком, но женщина властно забрала его и утянула ее за руку в дом.

- Как зовут-то тебя? – спросила она.

- Хаврэ.

Нет, это имя ничего не сказало женщине. Это далекие от дома края.

Накормив Хаврэ, хозяйка дала ей простую льняную рубашку и юбку с кожаным поясом. «Твое драное платье только в половые тряпки годится», - прокомментировала она и добавила, что будет звать ее Гуш-Гуш, и что сейчас покажет ей, где что в хозяйстве.

- Останешься у меня, мне как раз не хватает работницы, - сказала женщина тоном, не терпящим возражений. – У тебя всегда будет еда, а что еще надо?

Хаврэ так устала, что и не думала спорить. Да и незачем было спорить - ведь она не представляла себе, что ей делать. Так она стала служанкой: подметала полы, выгребала золу из печи, ходила за водой к ручью, приносила из лесу хворост, орехи, грибы. Хозяйка была с ней высокомерна, однако не злобствовала, и только раз она рассердилась так, что отхлестала Хаврэ по щекам. Иногда к ним заходила в гости, оставаясь и на ночлег, другая женщина, которую хозяйка называла сестрицей; у нее были светлые прямые волосы и

холодные серо-голубые глаза, а фигурой она походила на мальчишку. Когда хозяйка и эта ее сестра сидели за столом и о чем-то своем судачили, ее выгоняли во двор или отсылали в лес за чем-нибудь. Больше здесь никто не появлялся. И длилось так до тех пор, пока она вдруг не увидела в доме знакомое светящееся лицо и не услышала знакомый голос. И голос сказал ей, что ее зовут Хаврэ, и что она станет царицей. И башмачок, украденный противным барсуком, неожиданно возвратился к ней, и хозяйка достала второй из своего сундука, и Хаврэ радостно запрыгала, надев их оба, и башмачки запели.

И то, что она станет царицей, означало, что, наконец, она снова увидит мать, с которой так долго была разлучена. Вот это было самым радостным.

Ц

В первый раз Левэн женился еще очень молодым, покоряясь отцу, который и выбрал для него подходящую, по его разумению, партию. Девушка-краса не пришлась жениху по вкусу, но отцовская воля, сказал себе Левэн, есть отцовская воля. Если бы ребенок, родившийся у них, выжил, то стал бы плодом очень скучной любви, однако, выжить ему было не суждено; умерла при родах и его мать, так и не изведавшая счастья в своей короткой жизни.

Сразу вслед за этим Левэн отправился в путешествие и привез из него несравненную Гаязаннэ, дочь богатого торговца лошадьми. Пока он путешествовал (бабочки уже тогда стали его страстью, что не мешало ему отдать должное и красоте иного рода), родители успели одарить его маленьким братцем; он явился, когда тому исполнился ровно год. Хотя невеста была не царских кровей, она была принята благосклонно, особенно отцом, который даже с ней заигрывал. Она прекрасно ездила верхом и не хуже стреляла из лука, а нраву была столь воинственного, что ее появление часто производило впечатление налета разбойников. Энтомологические интересы мужа Гаязаннэ не разделяла, зато более чем разделяла его любовный пыл. Вскоре после свадьбы, сыгранной с еще большим размахом, чем прежняя, они вместе умчались в неведомые края, а когда вернулись, то застали царицу погребенной, а царя при смерти от тяжелой болезни. Все кончилось быстро. Отец оставил Левэна владыкой чертогов на Горе и обладателем многочисленных сокровищ, разбирать которые Левэн начал с любопытством в тот же день.

Первенцем Гаязаннэ стал мальчик, которого называли Рухом. После его рождения Гаязаннэ уже не сопровождала мужа в походах. На ней был дом, жадный до ее груди ребенок и подрастающий Васа, которому требовалась жесткая рука, чтобы пресекать его мальчишеские безобразия, а те, что оказались непресеченными, вознаграждать порцией добротных розог. Дальнейшие пополнения Левэном своего лепидоптерариума неизменно завершались бурными ночами, в одну из которых был зачат его второй сын. Ему дали имя Уссо. Он был черноволос с самого появления на свет, как его мать, очень капризен и, возможно, оттого что вся его энергия уходила в яростный рев, плохо рос.

Третьим ребенком Гаязаннэ стала дочь. Еще с пеленок ясно было, что Тариах – так ее называли – вырастет необыкновенной красавицей и затмит саму царицу. Та ее чрезвычайно баловала, купала в ванночке с розовым маслом, целовала во все места, часами ворковала возле ее кровати, – словом, девочка вполне могла ощущать себя центром мироздания. Другим детям доставались теперь крохи материнской заботы, что, впрочем, их скорее радовало, так как они получили невиданную прежде свободу.

Идиллия в чертогах длилась немало лет, но затем случилось несчастье. Внезапная буря застала царицу со старшим царевичем скачущими на конях в одной из подгорных рощ. Гаязаннэ сама была, как ураган, и бури не боялась, но предначертанное ей в книге судеб дерево предательски рухнуло, придавив ее вместе с лошадью и пропоров острым суком ей горло. Перед взглядом Руха взметнулся вверх алый фонтанчик, поверженный лик покрылся кровью и грязью, жизнь ушла из выпученных в предсмертном мучении глаз, и

никакие мольбы не в силах были вернуть ее. Матери не стало, и тогда Рух сказал себе, что отныне хочет быть повелителем ветров.

Левэн как раз вернулся из очередного похода и застал в доме траур. Три дня и три ночи он пролежал возле гробницы жены, обнимая камень и никого больше не подпуская. Поднявшись из погребального подземелья, он вернулся к делам. Его путешествия временно прекратились, царь не покидал чертоги, с основательностью занимаясь всем тем, что раньше лежало на плечах Гаязаннэ.

В эти-то дни в чертогах и появилась девочка, которая вела корову. При ней был единственный слуга. Девочка оказалась младшей дочерью царя Тубаха, правившего в Хаат; была у того еще старшая дочь – Ливиз, и, как объяснила гостя, именно Ливиз и не давала корове никакой жизни и сумела уговорить царя, чтобы он ее прогнал, хотя корова была воистину волшебная – она давала молоко, не требуя дойки. По последней причине во время долгого пути пешком из ее вымени пролилось немало молока; это так поразило ученого Хоэхэ, что он даже произнес об этом целую речь на центральной площади.

Корове выделили обширный луг на Горе, и молоко потекло оттуда рекой, завершавшейся сметанным озером, откуда жители Горы тут же начали пополнять свои домашние хранилища. Так корова стала Коровой – местной достопримечательностью. Хаврэ же, как звали приведшую ее дочь Тубаха, осталась гостить и гостила долго, и даже Тариах с ее взбалмошным характером была ею так очарована, что подарила госте с собственных ножек башмачки из поющего михра.

Когда Хаврэ отправилась домой, Левэн ощутил неодолимую тягу вернуться к былой жизни. Он оставил Васу за главного в чертогах и ускакал, но, впрочем, скоро возвратился. С ним были три совсем юные девицы, высватанные им снова в вольных землях. На этот раз царь обошелся без развеселых свадебных церемоний, он лишь объявил, что женился, и что жен у него будет теперь три. Переспав со старшей из них, Левэн не обнаружил в ней того пыла, к которому привык, обнимая Гаязаннэ, хотя девица была по-своему очень хороша. Он собирался было провести с женами еще какое-то приятное время, однако внезапно передумал и оставил их в недоуменном ожидании.

Три сестры не выдержали испытания одинокими ночами, одна из них даже совершенно. Левэн изгнал их не без сожаления, но с чувством исполненного долга. Мысли его были к этому времени сосредоточены уже на другом – на появившихся на свет близнецах. И только когда гхуртх принес ему михровый башмачок, в них снова нашлось место романтическому настроению.

Итак, женитьба на Хаврэ была для Левэна уже четвертой – и стала возвращением к традиции взятия невест из царских родов. Он решил отпраздновать это событие пышно и торжественно. Гхуртхи разнесли приглашения во все стороны: их получили все цари Земледружия. Старый Пинггэн не смог прибыть самолично по причине крайней немощности, но, в знак почтения, отправил на Гору своего старшего сына. Муззараюф приглашение отклонил – он посчитал бракосочетания Левэна слишком частыми, а свое время на научные труды слишком драгоценным, в качестве предлога же он сослался на видение, будто бы запретившее ему покидать свое царство под страхом смерти, пока не выпадет в нем розовый снег. Остальные явились в отведенные на небыстрые пути четыре луны.

К приглашению тестю прилагалась отдельная записка для Ливиз – от царевны. Тариах писала, что от неуравновешенного своего характера она поддавалась кипучим эмоциям и, наверное, причинила немало зла, которого вовсе не желала, но теперь она хотела бы только мира и была бы рада при случае загладить прежние недоразумения. Конкретно же Ливиз она бы за честь почла видеть своей гостей и рада, что отцовская свадьба предоставляет такую возможность.

Известие, что Хаврэ жива, поразило ее отца ударом счастливым, а Ливиз – жестоким. Как сможет она встретить лицом к лицу свою сестру, которая, конечно, обвинит ее? История, которую Ливиз поведала в слезах, рассыпется в пыль! Правда, похоже, что лепешка не

рассказала, что случилось на самом деле... Почему? Не может ли быть, что она это до конца не поняла?

- Отец, я должна тебе признаться, - решила Ливиз. – Когда Хаврэ падала с обрыва, я была рядом, а вовсе не догоняла ее.

- Как?! – воскликнул царь.

- Я уже догнала. Знаешь, мы часто так играли: я обхватывала ее сзади и... стесняюсь сказать... щекотала ее, немножко. Мне казалось, нам это обоим нравится. Хаврэ вырывалась, а я держала ее. В тот раз это было совсем близко от реки. Я так увлеклась борьбой, что не заметила, как мы оказались на краю. А потом Хаврэ дернулась и заскользила по камню, а я... я не удержала... О, это было ужасно!

- Представляешь, как я перепугалась! – продолжала она, всхлипывая. – Ведь это из-за меня... из-за моей неосторожности... О, что она думает обо мне! Но какое счастье, что она жива!

- Счастье, - повторил за ней Тубах. – Но... как ты сказала?!

Между тем, Ливиз беспокоилась напрасно. Рассказывая Левэну историю своего обращения в служанки, Хаврэ не стала упоминать, как сестра толкнула ее возле самого обрыва; она не хотела бы возводить на нее напраслину - а ведь Левэн наверняка заподозрит Ливиз в злом умысле. Падение в воды Аббаджа было представлено поэтому следствием случайного головокружения, когда Хаврэ неосторожно наклонилась и заглянула в водоворот. Доброта Хаврэ коснулась и бывшей хозяйки. О Лахи не было сказано ни одного дурного слова; да, та вела себя с Хаврэ, как с прислугой, но ведь именно таким и было положение дел. Кулинарные же способности бывшей царицы были столь воспеты, что Левэн даже решил заказать ей к предстоящей свадьбе большой пирог. Слугу с поручением послали незамедлительно, хотя до церемонии оставалось еще много дней. Лахи приняла царский заказ с радостью. У иной ревнивицы мелькнула бы мысль, не отравить ли, воспользовавшись случаем, царя вместе с его новой избранницей – мысль, которая, конечно, была бы затем отброшена как неблагоприятная, поскольку даже если отравление удалось бы, коварную злодейку ждало бы страшное возмездие, но Лахи подумала совсем о другом – о том, что царь о ней вспомнил.

Ливиз смотрела на мир своими глазами, а не глазами Хаврэ, поэтому она свернула в трубочку написанное измененным почерком письмо, обернула ее еще одним куском тонкого пергамента и уже на нем написала: «Только Левэну, царю Горы». Перевязав послание и засмолив нить, она отправила в путь почтовую ворону. За вороной был отправлен ястреб с приказом разорвать ворону в клочья, как только та окажется над чертогами.

Оба – и несчастная ворона, и ястреб – выполнили свою миссию. Левэн получил письмо и теперь сидел на площадке верхней башни, обхватив голову руками. Текст гласил: «Если царь не желает на смех всем назвать своей женой дочь коровы, ему было бы лучше отменить свадьбу. Доброжелатель.»

Ц

Итак, Левэн пребывал в недоумении. Не переговорить ли, прежде всего, с самой Хаврэ? Он нашел, что, пожалуй, это разумнее, чем помчаться сейчас навстречу уже выдвинувшемуся, надо полагать, в его землю Тубаху. Он не скажет ей, конечно, ничего о письме, но постарается выяснить истину окольными путями.

К осуществлению этого плана Левэн и приступил поздним вечером, когда они с Хаврэ сидели наверху уже вдвоем и глядели в звездное небо, держась за руки.

- Я бы хотел, - сказал Левэн, - заказать наш свадебный портрет. Ты помнишь Гути?

- Да! – воскликнула Хаврэ. – Смешной такой, кудрявый и смуглый.

- Он нарисует, как мы сидим с тобой здесь.

- Здорово!

- А вот с прежней свадьбы ничего такого не осталось, - как будто с грустью продолжил царь. – Я должен тебе кое-что сказать, девочка моя.

Хаврэ обернулась к нему.

- После Гаязаннэ у меня была еще жена. Точнее, три жены сразу. Одну из них ты знаешь: ты жила при ней, когда я тебя нашел.

- Это была твоя жена?!

- В то время уже нет, - улыбнулся Левэн. – Не подумай, что я беру тебя четвертой. Я прогнал этих жен.

- Почему?

- Одна из них была мне неверна. Не Лахи, не та.

- Одна? Тогда зачем ты прогнал двух других?

- Понимаешь, это были сестры. А порода - это порода. Если на яблоне оказалось одно дурное яблоко, на ней могут оказаться и остальные не лучше. И даже если на самом деле они хороши, о них могут судить по тому скверному. Мы, цари, должны придавать таким вещам особое значение. Ведь мы объявляем, что хорошо, а что дурно, и наши суждения принимаются остальными за непреложные истины. Поэтому нельзя допускать, чтобы на нас падала тень.

Он помолчал и спросил затем:

- А что ты можешь сказать о своей сестре?

- Ливиз жестокая, - ответила Хаврэ, - но я не думаю, что она совсем злая.

- Жестокость – не порок для царицы, - сказал Левэн, - хотя я предпочитаю добрых жен, таких, как ты, - и он поцеловал прильнувшую к нему невесту. – Вы с Ливиз очень разные. Но у нее ведь была другая мать.

- Я не помню матери, - сказала Хаврэ, опустив глаза.

- Да, ты говорила. Прости, что делаю тебе больно этим разговором. Давай лучше изучать звезды.

- Нет, ничего... Отец сказал, что она умерла... но... я тоже кое в чем хочу признаться.

- В чем?

- Я совсем, ну просто совсемшеньки ее не помню, как будто ее и не было! И я всегда воспринимала как свою настоящую мать Корову. Да, эту самую.

- Корову?! – вскричал царь.

- Мое самое первое воспоминание в жизни – как я лежу возле Коровы и пью молоко прямо из ее вымени, оно было такое вкусное и теплое... И потом я снова пила его, много раз...

- И у тебя не было другой кормилицы?

- Нет.

- Скажи, это секрет или все знают?

- Все знают, конечно.

Левэн обнял ее одной рукой, а другой погладил за ушком, отчего подбородок девушки приподнялся. Вот, значит, что! Но совершенно ясно – он не сомневался ничуть, - что автор письма не это имел в виду, нет, он написал не о том, что всем известно, и его слова надо понимать не фигурально, а буквально: Корова и есть мать Хаврэ. Но как это возможно? Тут есть какая-то тайна, и Хаврэ сама не знает ее.

Губы прильнули к губам.

- Пойдем вниз, - сказал Левэн после поцелуя. – А завтра я приглашу Гуги.

И добавил:

- Нет ничего неестественного в том, чтобы пить коровье молоко.

На следующий вечер они вновь поднялись на башню, и на этот раз живописец Гуги составлял им компанию; правда, в некотором отдалении, потому что висел в воздухе в корзине, которую за веревки удерживал парящий гхуртх. Он ничуть не боялся, что птица уронит его, и впитывал в губку своей памяти виды царственной пары в самых разных

ракурсах. Позже он увидит словно в калейдоскопе тот единственный, в котором и изобразит новобрачных, а пока будет просто летать.

Левэн больше не заводил разговоров с Хаврэ о ее родне. Он (ни в коем случае не слишком) сожалел, что не побывал на последней свадьбе Тубаха (не побывал он и на первой, но о том мыслей не было) и не видел мать Хаврэ; он даже не знал ее имени. В то время он лихо орудовал сачком.

Доброжелатель оставался таковым на куске пергамента, на всякий случай сохраненном царем среди прочих важных свидетельств, однако, большего скрывавшейся под этим не согласующимся с ее нравом псевдонимом Ливиз достичь не удалось – впрочем, она сознавала, отправляя письмо, что пускает стрелу наугад в темноту. В темноте же согласно бились два сердца, были сплетены пальцы двух рук, и две пары глаз с веселой живостью глядели на то, как забавно выглядит Гуги в кружащей высоко над землей корзине.

Такими они и остались навечно на холсте придворного живописца: сияющий Левэн и счастливая Хаврэ на балконе высокой башни, а вокруг – звездная пыль в ночи.

Ц

Эдэл выглядывал из кустов, когда его заметила Грэ, на пещеру которой мальчик взирал с опаской и любопытством одновременно. «Вот так удача», - подумала Грэ. Из пещеры в лес вел предусмотрительно прокопанный потайной ход. Сейчас он оказался весьма кстати. Грэ появилась за спиной Эдэла неожиданно и ловким броском накинута на него петлю, крепко затягивая.

- Ну, теперь ты мой, - проговорила она, зажимая ему рот своей маленькой ладошкой, хотя Эдэл и не кричал. – Давай-ка, золотко, топай со мной по-хорошему.

Понимая бесполезность сопротивления, Эдэл повиновался. В пещере Грэ прижала его к стене и кликнула местных пауков, которые ей исправно служили, видя в ней богиню столь близкого им ткацкого ремесла. Те, не мешкая, занялись делом, и вскоре Грэ с удовлетворением взирала на оплетенного так, что и шелохнуться было невозможно, мальчика. Левэн очень хочет заполучить близнецов, в этом она была уверена, и это значит, что с ним можно поторговаться. Вернуться в чертоги – такова могла бы быть ее выгода. Точнее, их, потому как она, конечно, разделит ее с Лахи.

Пока Грэ размышляла, возле пещеры происходило движение. У входа скользнуло светлое пятно, точно солнечный зайчик. Грэ ощутила неясное беспокойство, какое бывает, когда чувствуешь на себе чей-то недобрый взгляд. На всякий случай она взяла в руку дротик и прислушалась.

- Не сестренка ли за тобой любимая? – с ухмылкой сказала она Эдэлу, рот которого был оплетен липкой паутиной, и поэтому Эдэл только промычал что-то. – Это к лучшему, вдвоем вы стоите больше.

В этот момент камень, затворявший вход, чуть подался в сторону, и в возникшем просвете показалось плаксивое лицо Иссур.

- Так и есть, - сказала Грэ, а Иссур отступила, и на ее месте появилась серая волчья морда. – А это еще что?

Протяжный вой стал ей ответом, и Грэ услышала, как ему откликнулись другие волки. Так значит, они заодно с детьми? Их была целая стая, и Грэ со своим простеньким вооружением не могла ей противостоять. За ее спиной был подземный ход, достаточно узкий, чтобы в нем держать оборону – но как долго? Всего лишь мгновение назад она чувствовала себя удачливой хозяйкой положения и прикидывала в уме возможный ход торговли, но теперь уверенности не было и в помине; теперь ее охватил страх.

Входной проем еще расширился, и в него протиснулось узкое серое тело. Грэ успела сделать шаг назад, выставив дротик, но волчья лапа все же полоснула ее по лицу. Дротик вошел в плоть смертоносным ударом, но тем глазом, что еще не был залит кровью и

глядел, Грэ увидела, как новый зверь готовится к прыжку. У нее был миг, чтобы из последних сил вырвать оружие из волчьего тела и отступить. Сразу два волка были уже в пещере, тихие, как смерть, и за ними впрыгнула Иссур. Одно молниеносное движение отделяло их от Грэ, но было еще и острое, стерегущее узкий ход.

Иссур кинулась к брату. Она сделала знак волкам, и те стали рвать когтями паутину в местах, где можно было не задеть Эдэла. Грэ начала понемногу пятиться вглубь, пользуясь тем, что сейчас ее не атаквали. Сердце ее бешено колотилось, один глаз не видел совсем, и в нем пульсировала боль.

Смутно понимая, что она делает, как будто в ночном кошмаре, Грэ помчалась опрометью по подземному ходу, а затем побежала дальше – туда, где за лесной полосой жила сестра в своем доме-куличе. Волки, похоже, все собрались у пещеры, и путь был открыт.

Когда ее сестра застучала в дверь, Лахи красила ногти. Она лениво оторвалась от своего занятия и спросила, подойдя к двери:

- Это ты, Грэ?

- Я, - выдохнула та.

- Входи, - сказала Лахи, отодвигая засов, и опешила от вида сестры с окровавленным лицом и дротиком. – Ах, что с тобой?! Ты так поохотилась?

- Поохотилась, - бросила Грэ. – Надо промыть скорее. И кровь еще сочится.

Она все рассказала.

- Мы с тобой живем, ничего не знаем, - заключила она, - а близняшки завели, оказывается, большую дружбу с волками. Я не дам и крошки от твоего пирога за нашу жизнь теперь.

- Вообще-то, я ничего дурного им не сделала, - сказала Лахи с легким ударением на слове «я». – Но я понимаю тебя, соблазн был велик! Ладно, мы в одной лодке. Ну вот, я хорошо промыла. Но глаз вытек, сестрица, очень плохо.

- Буду первой одноглазой красавицей.

Грустная ирония этих слов ранила сердце Лахи, и она бросилась сестре на шею, обвивая ее руками.

- Ненавижу Нэн! – воскликнула она. – Надеюсь, ее съели в лесу. И откуда только здесь волки? Я видела пару раз лисиц, но для волков места слишком безлесные.

- Теперь они здесь есть. И они найдут нас. Лахи, из твоего дома нет подземного хода. Если уходить, то сейчас.

- Ты забываешь о заказе к свадьбе, - возразила Лахи. – Я должна Левэну пирог. И сегодня, по моим подсчетам, слуги с Горы привезут мне черемуховые зерна. Поговорим с ними, придумаем, как быть.

- А если волки нападут раньше?

Лахи вздохнула.

- Мы с тобой как будто все время плывем по течению, - сказала Грэ. – Хорошо, будь, что будет.

Она легла на скамью и стала смотреть в потолок, а Лахи вернулась к своим ногтям, большинство из которых уже окрасились иссиня-черным. Вдалеке послышался вой.

- Ну и где твои слуги с Горы? - мрачно спросила Грэ.

- Ох, скорее бы, - сказала Лахи. – У дома твердые стены, их не так-то просто разгрызть. Но я боюсь этих близняшек.

Волки приблизились. Один из них метнулся к дому и ударил в стену лапой, но на стене осталась только легкая царапина, а волк заскулил от боли. Девочка со звездой во лбу глядела внимательно.

- Надо Шомбу, - тихо сказала она брату.

Наступило долгое затишье. Сестрам казалось, что ничего не происходит, и это вселяло больший ужас, чем лихая атака. Потом снова раздался вой и вместе с ним другой звук – что-то среднее между храпом и визгом. Крупный кабан затрусил, постепенно ускоряя разбег. Мощный удар должен был обратить кулинарный шедевр Лахи в груды развалин – и все-таки дом устоял.

- Ах! – закричала Лахи, когда из стены показались крепко засевшие в ней бивни.

- Ох! – воскликнул в это время царский слуга, заметив впереди зверей. – Смотри! Там кабан и волки!

Слуг было всего двое. Они везли обещанные черемуховые зерна для пирога и кое-какой скарб, испрошенный Лахи в вознаграждение. Схватка со зверями совсем не входила в их обязанности, и они приостановились.

- Но если мы не передадим груз, как она сделает пирог? – высказал один из них свои соображения.

- Я скажу тебе больше, - ответил другой. – Если ее съедят волки, пирога не будет тем более.

- Царь разгневается.

Они были на лошадях и небезоружны: у каждого был длинный нож для защиты от случайно встретившегося по дороге хищника, а у одного – еще и пика. Однако, то были не воины, а обыкновенные посыльные, и они совершенно не представляли себе, как сражаться сразу с несколькими противниками.

- Не нравится мне это, - сказал неуверенно первый слуга.

- Смотри, с кабаном что-то не так. Он топчется на месте.

Шомбу, как близнецы отчего-то прозвали кабана, действительно находился в затруднительном положении. Ему не удавалось ни продавить стену, ни вытащить из нее бивни. Лахи и Грэ, между тем, были полумертвы от страха.

- Давай зажгем факелы. Может, это отпугнет волков.

Когда близнецы заметили приближающихся всадников с факелами, они настороженно переглянулись и насупились.

- Гляди-ка! – воскликнул, тем временем, всадник с пикой. – Здесь дети Нэн!

Он указал пикой в их направлении, и близнецы приняли это за угрозу, что, конечно, не соответствовало намерениям слуг: они и не думали нападать на детей, защищаемых стаей, а хотели только, чтобы волки ушли, но не знали, как этого добиться.

- Шомбу, - сказала Иссур.

Оставить кабана в беде близнецы не могли. Возможно, все участники противостояния еще долго продолжали бы занимать свои позиции, не решаясь ни на какие действия, но случились два счастливых события – одно для кабана, другое для царских слуг и осажденных сестер. Шомбу удалось каким-то чудом высвободиться, и он отскочил назад, чтобы вновь разбежаться. Но тут из леса появился третий всадник. В действительности то был вейесунг, он едва светился и плавно переступал ногами, подобно тому как рыба шевелит плавниками, двигаясь, однако, быстро. Его седые космы ниспадали вдоль мощной шеи. Появление его ощутили все – даже лишенные возможности видеть, что происходит снаружи, сестры почувствовали точно дуновение холодного ветерка. И волки, и кабан бросились в бегство; близнецы едва успели вскочить на волчицу, чуть промедлившую ради них. Лошади под слугами взвились на дыбы и пронзительно заржали. Вейесунг, однако, проигнорировал их присутствие; не задерживаясь, он проследовал к ручью, пересек его и растаял вдали.

- Ну и денек сегодня, - выдохнул ошеломленный слуга. – Что это было?

- Понятия не имею, - сказал его напарник. - Но теперь-то мы можем, наконец, зайти в дом. Эй! – крикнул он, спешившись и подводя лошадь к дверям. – Не бойтесь, зверей нет!

Слуги затушили факелы. Лахи отперла дверь ипустила их.

- Это вы их прогнали? – спросила она.

- Ну... – сказал первый слуга.

- Тут пронеслось что-то чудное, мы такого никогда не видели, - сказал другой. - Призрачный конь с головой старика. Звери все от него умчались, как от пожара, а наши лошади чуть не сбросили нас!

- Хм, - сказала Лахи.

- Вот, привезли все, что было обещано.

- Давайте сюда. Только я не знаю, как теперь быть. Мы не можем здесь оставаться.
- Нам нужна защита, - подала голос Грэ.
- Так и на нас волки могут напасть.
- И что же?! – в один голос вскричали сестры.

Двое мужчин смущенно глядели в пол. Им хотелось бы набраться храбрости, но храбрость никак не приходила.

- Надо известить царя, - сказал один из них.
- Я пойду, осмотрюсь.

Грэ вышла. Стояла тишина. Солнце начинало клониться к горизонту. Ночь сулила быть опасной. Впрочем, если что-то так сильно напугало волков, они могут и не скоро вернуться. Знать бы это! Приглядевшись, Грэ заметила поодаль узкую полосу поникшей травы, уходящую к ручью. Несколько деревьев стояли вдоль этой полосы, они были прежде зелены, а теперь с них облетели все листья.

В розовеющей дали закладывала круг огромная птица. В другое время Грэ наслаждалась бы этим зрелищем, но сейчас она стремглав бросилась к слугам.

- Скорее зажигайте факелы! – потребовала она. Слуги были послушны, хотя и не представляли, зачем эта суматоха. Грэ схватила факел и отчаянно замахала им, пытаясь привлечь внимание гхуртха. Тот, по-видимому, заметил огонь, потому что не сразу улетел, а сначала приблизился и сделал еще несколько кругов.

- Будем надеяться, - сказала Грэ. Гхуртх оказался здесь очень своевременно.

- Вам лучше не ехать через лес ночью, - сказала Лахи слугам. – В доме можно заночевать, отправитесь завтра.

- Угости их, - предложила Грэ.

Слугам была в диковинку съедобная мебель. Они отлично поужинали, а на следующий день отлично позавтракали и даже отлично пообедали, а в промежутках между этим они играли с сестрами в кости, потихоньку (ибо Лахи вовсе не собиралась обирать их до последней нитки) проигрывая, и время летело незаметно.

Левэн получил донесение, из которого ясно было, что у сестер есть для него какие-то важные сведения, и это, был уверен он, как-то должно касаться близнецов. Не мешкая, он приказал установить наблюдение за домом Лахи до тех пор, пока лично не посетит ее, и когда гостившие в доме слуги вспомнили, наконец, что им пора-таки в обратный путь, птицы уже летели навстречу.

Звери, впрочем, не объявлялись. Иссур горела желанием отомстить за убитого Грэ волка, но стоя словно упираясь в стену, как только подходила близко к местам, где промчался вейесунг.

Царь выехал с немногочисленной свитой, любовно погрузив перед тем Хаврэ в свое золотистое сияние и пообещав вернуться так быстро, как только будет возможно. На полпути он повстречал своих посланцев, что отвозили Лахи черемуховые зерна, и они рассказали ему о случившемся.

- Поедете со мной, - сказал им Левэн, - вы мне понадобятся.

Он знал о вейесунгах и был чуть встревожен появлением одного из них вблизи своих границ. Однако, эти существа, как было ему известно, блуждают непредсказуемыми маршрутами, и не имелось никаких оснований полагать, что вейесунг задержится в этих краях. Что интересовало царя в первую очередь, так это близнецы. О них он и расспросил сестер подробнее и был очень заинтригован рассказом Грэ о ее схватке в пещере.

Да, если бы сестры передали ему близнецов, он... как бы он их отблагодарил тогда? Этот вопрос был очень для него существенен.

Изменить своему слову нельзя, но союзники – это союзники. К тому же, Лахи печет ему свадебный пирог.

Поэтому Левэн позвал ожидавших во дворе слуг и произнес, вероятно, самую короткую свою царскую речь, от мудрости которой у них замерло дыхание.

- Вы все знаете, что Лахи и Грэ было запрещено появляться в моем царстве. Значит, они не могут прийти в него. Но мое царство может прийти к ним. И сейчас я об этом объявляю.

Ц

Левэн полюбил забираться на верх башни и проводить там часы то на закате, то еще позднее, когда алая ленточка на горизонте, истаяв, уступает место сизому мраку. Часто с ним была Хаврэ. В один из тех вечеров, когда царь глядел в темнеющую даль в одиночестве, он увидел, как к чертогам подъезжают три всадника. Тот, что ехал посередине, был с рослой девчушкой.

Кавалькада въехала в ворота. Левэн спустился. Двое слуг у ворот разговаривали с прибывшими.

- Мы привезли девочку, которая говорит, что может исцелить Руха, - сказал Левэну первый всадник. – Ее зовут Айавэ.

Айавэ была еще малолеткой, но Левэн нашел ее хорошенькой. У нее были длинные, до пояса, золотистые волосы, заплетенные в две косы, лицо с узкими скулами и безупречной формы носом, возле которого рассыпались веснушки, большие голубые глаза и маленький рот.

- Что ж, добро пожаловать, - сказал царь девочке. – И как ты собираешься это сделать?

- Ему надо умыться водой, которую я привезла.

Брови царя выгнулись, но он тут же рассудил, что девочка не станет так глупо обманывать его, навлекая на себя гнев. Поэтому Левэн только кивнул ей, а слугам велел сразу отвести ее к сыну, хотя был и поздний час.

- Если он уже спит, разбудите, - добавил он.

Царевич и в самом деле успел уснуть, и, пробудившись, поначалу принял Айавэ за грезу.

- Да, - сказала Айавэ, – вижу.

Она наклонила берестяной туесок, наливая из него воду в широкую миску, и подала ее Руху, которому пришлось сесть в постели.

- Возьми и умой лицо.

Царевич вопросительно взглянул на слуг.

- Она – лекарь, - объяснил слуга.

Тогда Рух зачерпнул немного воды и плеснул себе на лицо. Вода была очень холодной, будто из только что растаявшего льда, и он даже вздрогнул.

- Еще, - сказала девочка. Царевич умылся еще. – Хорошо. Утром посмотрим.

Наутро все увидели, что рубцы почти исчезли. Но царевич был словно в лихорадке. Он сильно потел и метался в постели, бормоча что-то бессвязное.

- Хорошо, - сказала Айавэ, хотя остальные думали, что лечение принесло столь очевидный вред, что царь будет в ярости. – Это скоро пройдет, не бойтесь.

Лекарь, бывший в спальне царевича среди прочих, заявил:

- Нужно немедленно пустить ему кровь.

- Нет, нет, - засмеялась Айавэ, - не нужно. С жаром выходит старое лицо. Новое лицо будет здоровое. Айавэ знает.

Вскоре явился царь.

- Ну что? – спросил он, и все заговорили хором. Левэн сначала побагровел, но, рассмотрев сына и взглянув на девочку, понял, что она действительно знает, что делает.

- Это правда не опасно? – спросил он ее.

- Для него нет, - ответила Айавэ. – Он сильный.

- Да замолчите вы! – прикрикнул Левэн на галдевшую челядь. – Я говорю: пусть она продолжает.

Лекарь еще попытался вставить свое слово, но тут же осекся и умолк.

Потом все разошлись, кроме Айавэ. Она держала царевича за руку и так просидела с ним до самой трапезы. К этому времени Рух очнулся и проговорил:

- Мне снилось что-то кошмарное. Но я ничего не помню.

- Не нужно помнить, - ласково сказала девочка.

Вечером она снова велела ему умыться водой из сосуда. На этот раз он не бредил и только пропотел за ночь. От рубцов не осталось ничего, словно их никогда и не было. Теперь все убедились в успехе лечения.

- Мне пора домой, - сказала Айавэ царю.

- Ты можешь остаться здесь навсегда, если хочешь. Мне сказали, что у тебя нет настоящего дома, - предложил ей Левэн, однако она лишь помотала головой.

- В таком случае, - сказал Левэн, - я хочу сделать тебе подарок в знак своей великой благодарности.

Он взял ее за руку и повел с собой. Они прошли длинными коридорами и спустились в подземелье, освещаемое только редкими факелами. Там была голубая дверь, Левэн отпер ее, и они оказались в сокровищнице.

- Смотри, - указал он ей на маленький ларчик, обитый алым бархатом. – Кажется, что у него нет крышки. Но его можно открыть! Надо просто повертеть его в руках, сначала вот так, - он продемонстрировал, - потом вот так, но только быстро. Сейчас я вертел медленно, поэтому ларец не открылся. Но сейчас и не надо было.

- Это тебе подарок, - продолжал царь. – Ты запомнила, как открыть?

- Да, - сказала Айавэ.

- Только ни в коем случае не делай этого раньше, чем придешь домой! Понятно?

Айавэ кивнула. Она взяла ларец в руки. Он был совсем легкий. «Наверное, там какая-нибудь драгоценность, - подумала она, - медальон или ожерелье». У ее приемного отца много драгоценностей, только ей они безразличны. Что ж, будет еще одна. Лично ей больше пришелся бы по душе красивый цветок. Потому что он живой. Возможно, и камешки по-своему живые, но она этого не чувствует.

- Спасибо, - сказала она царю.

«И улыбка у нее хорошая», - подумал Левэн. Жаль, что она еще так мала. Руху пора жениться.

- Я очень признателен тебе. Отныне мой дом – всегда и твой дом. Ты правда не хочешь остаться?

- Правда, - тихо ответила девочка.

Левэн пожал могучими плечами, просиял золотым и отпустил ее.

Двоим слугам велено было сопровождать ее на обратном пути – к той самой лесной поляне, где они нашли ее рвущей голубику и отправляющей в рот ягоду за ягодой. Рух вышел попрощаться. Он хотел бы сам проводить свою спасительницу, но отец сказал, что со дня на день могут начать прибывать гости, и Руху должно быть здесь.

Левэном овладело странное никогда прежде им не испытанное чувство. «У нее нет ни отца, ни матери, ни даже дома, есть только ее голубичная поляна, но она там счастлива и предпочла свой маленький мирок всему благополучию чертогов», - размышлял он. Может быть, дело в том, что она свободна там? Подобно тому, как свободен он в погонях за бабочками?

Когда-нибудь к ней придет любовь, и тогда она узнает, что не только бабочки есть на свете.

Внезапно он понял, чего действительно хочет.

Но как отнесется к этому Хаврэ? Отчего-то Левэну казалось, что она поймет его.

Первым прибыл именно Тубах. Они с Хаврэ сразу заключили друг друга в долгие объятия, а Ливиз стояла чуть позади, и Левэн, вопреки традиции царей начинать с возложения рук на царские плечи, тоже отступил, позволив отцу прежде всего встретить воскресшую для него дочь. Наконец, едва ли не вечность спустя, Тубах выпустил ее и шагнул к Левэну, и тот протянул ему руки, а к Хаврэ, которая плакала, млея от счастья, подошла Ливиз, глядя как будто в стену сквозь нее.

- Сестра, - тихо прошептала она, - я очень виновата перед тобой, прости. Из-за меня ты чуть не погибла. Но поверь, я не хотела, чтобы ты упала. Я думала, что смогу тебя удержать. Но не сумела.

- Ах, Ливиз, - сказала Хаврэ, - все это было как будто в другой жизни.

- Меня мучают эти воспоминания. Ты меня прощаешь? У тебя золотое сердце, я бы так не могла. Ты потом расскажешь мне, как спаслась?

- Конечно, если хочешь.

Стоя рядом, они являли собой превосходную картину для Гути, что, случайно оказавшись в это время среди челяди, наблюдал обеих: Ливиз, на полголовы выше сестры, была худа и облачена в красное – свой любимый цвет; Хаврэ глядела на нее снизу вверх, на ней было белое, такое же, как то, в котором она падала в воды реки, платье, а густые жесткие волосы перетягивала узкая белая лента. Во взгляде ее, еще затуманенном от слез, было столько доброты, что Ливиз не могла его вынести, поэтому она уронила голову Хаврэ на плечо, и в этой позе, прижавшись друг к другу, они застыли.

Между тем, Левэн сказал Тубаху:

- Мне нужно кое о чем с тобой поговорить. Оставим их друг с другом и уединимся.

- Хорошо, - ответил Тубах.

- И я угощу тебя превосходнейшей яблочной наливкой, - подмигнул ему Левэн.

Они прошли в отдаленную залу. Здесь было светло и прохладно под каменным арочным сводом. На столешнице хрустального буфета ждали дорогих гостей несколько чар. Левэн отодвинул заслонку в стене и выбрал среди теснившихся в глубине сосудов один.

- Хаврэ совсем не помнит свою мать. Расскажи мне о ней, я хотел бы узнать больше.

Тубах нахмурился.

- Кем она была? О, это не имеет никакого отношения к свадьбе, - предупредительно сказал Левэн. – Ты ведь знаешь, я не раз женился на простушках, и от простушки мои дети. И если бы даже ты сообщил мне, что матерью твоей дочери была бродяжка или речная нимфа, это ничего не изменило бы. Но есть кое-что...

- Что же?

- Ты сказал Хаврэ, что ее мать мертва, но так ли это? – взглянул в лицо Тубаху Левэн.

- Ты проницателен, - сказал его гость.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Мысли всегда приходили к нему, словно накатывающие на берег волны – лениво и сразу целыми валами с бурлящей пеной.

- Ты хочешь сказать, что знаешь что-то о судьбе моей Иммум? – спросил он.

- Я не знаю, знаю ли я, - сказал Левэн. – Но возможно. Так что же – она на самом деле жива?

- А вот это для меня загадка! Однажды она исчезла, и больше я ее не видел. Просто исчезла. С ней на прогулке были две служанки, они обе вдруг уснули, а когда проснулись, Иммум с ними не было.

- Она тогда ждала ребенка, - добавил Тубах.

- И что случилось потом?

- Я поднял всех. Ее искали, но безуспешно. Однако, через какое-то время возле моего порога, назовем это так, нашли девочку. И я сразу узнал в ней черты Иммум. Стало быть,

подумал я, она родила, но что-то с ней случилось, и все, что она сумела сделать – это передать мне нашу дочь.

- А кто нашел Хаврэ?

- Один слуга, что ухаживал за животными. Девочка лежала в хлеву и пила из вымени коровы. Наверное, ее положили туда, чтобы ей было, чем кормиться.

- Это ведь та Корова, которая сейчас живет у меня?

- Да.

- Хаврэ рассказала мне, что Корова была ее кормилицей.

- Это так. Она наотрез отказывалась пить другое молоко. Необычно, наверное.

Левэн налил гостю и себе по чарке.

- Попробуй. Это из особого сорта яблок.

Тубах сделал глоток, и по телу его разлилось блаженство.

- Отличная наливка, - сказал он.

Царь земли Хаат был стар – не настолько, насколько Пинггэн, но заметно старше Левэна; впрочем, волосы его были пока черны, как в юности, и только в короткой жесткой бороде пробивалась седина. Родители его давно умерли, братьев и сестер не было, первая жена при туманных обстоятельствах погибла, а вторая пропала, и всю свою любовь Тубах уделял дочерям. Старшая, Ливиз, отчаянно ревновала отца к младшей, однако тот легко извинял ее чувства.

Не скажу ему про письмо, решил Левэн. Надо сначала убедиться.

- Корова-то, однако, чудесная, - отметил он. – У тебя ведь нет других таких?

- Нет, - подтвердил Тубах. – Но она была самой обыкновенной, и только с каких-то пор стала давать молоко без дойки.

- Гм... – сказал Левэн.

- Ливиз плохо относилась к ней. Я решил, что лучше будет отдать ее тебе.

- Ливиз пора замуж. У тебя есть мысли на этот счет?

- Она очень привязана ко мне. Это понятно: все ее детство прошло со мной, ей было три года, когда погибла Умбалаэ. Однако, ты верно говоришь. Ей пора замуж. Хочу познакомить ее с сыновьями Пинггэна. Только вот, поскольку сам я редко покидаю свои горы, разве что по таким исключительным обстоятельствам, как сейчас, могу ли я попросить тебя взять Ливиз с собой как-нибудь, когда соберешься в Берэд? Ты ведь бываешь там?

Он не назвал Руха возможным женихом – не оттого ли, что Ливиз немного старше, и он не хотел бы услышать об этом?

- Старший сын будет здесь. А после – да, я не возражаю.

- Спасибо. Но, - сказал Тубах после долгой паузы, - ты начал что-то говорить о своих догадках.

- Мне надо кое-что обдумать, - покачал головой Левэн.

- Еще? – спросил он, заметив, что чара гостя пуста.

- С удовольствием.

Единственный раз Тубах был на Горе давным давно. Тогда он еще не был царем, но сопровождал наносившего визит отца, и Левэн был тогда маленьким (но уже сияющим) мальчиком. Они немного поиграли вдвоем. Вместе жгли костер, который Левэн запалил своим дыханием, что стало самым сильным впечатлением Тубаха за всю поездку. Он спросил отца, может ли тот так же, и отец признался, что нет, но ведь у каждого свое чародейство.

- Я женился на Иммум сразу после смерти Умбалаэ. Иммум была ее младшей сестрой, поэтому, согласно нашим обычаям, стала моей женой – вот и все. К счастью, у нее не было в тот момент возлюбленного. А что до ее происхождения, то она мне – дальняя родня.

«А, ну ясно, - подумал Левэн. – Ясно... А вот он любит Хаврэ, он бы, если бы что-то с ней дурное случилось, не оставил бы поиски».

Они вернулись к остальным. Там были Хаврэ, Ливиз, Рух и Тариах в красной тунике и белоснежном шарфе из меха горностая. Ливиз и Тариах курили большие костяные трубки. Они сидели на диване, и Хаврэ тоже, а Рух расположился на ковре возле ног Ливиз.

- Я научила ее, - сказала Тариах. – В знак нашей дружбы.

- Сначала у меня перехватило дыхание, и я даже испугалась, - сказала Ливиз, - но Рух объяснил, что так и должно быть с непривычки. Теперь я уже привыкла.

Левэн улыбнулся. Курение трубки было недавним изобретением Уссо. Он научил Тариах, а та – Руха, но Руху курить не понравилось. Где, кстати, Уссо?

- А кто видел Уссо? – спросил он детей.

- Сегодня я его не видела, - сказала Тариах. – И вчера.

- Вот негодник, - произнес Левэн.

- Шляется где-то, - развязно прокомментировала Тариах.

- Как ты грубо, однако, - упрекнул ее, мигнув розовым, отец.

- Шляется, да, - повторила Тариах с упрямством, которому лучше было уступить.

- Ну, я смотрю, что вам хорошо, - сказал Левэн. – Тогда мы вас покидаем.

Он увел Тубаха показать ему комнаты для него и Ливиз. Ливиз была уверена, что ее письмо уже было обсуждено. Но ничего не случилось. Она откинулась на мягкую спинку дивана и, выпустив трубку изо рта, выдохнула облачко дыма. Рух был с ней любезен. Однако, ей не нравились рыжие мужчины. Кроме того, она никогда не будет жить в доме, где хозяйничает коровья лепешка. Интересно, как там симпатичный простолюдин, который вызывался раздобыть ей черевики? Она поморщила лоб.

Ливиз нашла его на следующий день (или это он позволил ей найти его) в гончарной лавке. Он горячо обсуждал с хозяином достоинства росписи на амфоре; роспись действительно была хороша. Ливиз достала монету.

- Я покупаю ее, - сказала она хозяину.

Рядом была служанка, и Ливиз не могла позволить себе многого, но случайно задеть юношу оказалось несложно. Он бросил на нее взгляд, порозовел и быстро вышел на улицу.

- Держи, - передала Ливиз амфору служанке.

- Это рисовала моя дочь, - гордо сказал хозяин лавки.

- Я слышала, - ответила Ливиз.

Когда она покинула лавку, юноши и след простыл. Она еще немного побродила по чертогам. Ноги вывели ее к сметанному озеру. Там толпилось много простолюдинов, но не было того, кто был ей нужен. Ливиз зачерпнула сметану ладошкой и попробовала на вкус. Она была хороша, и служанка, также попробовав с хозяйской ладошки, сказала:

- Вкусная.

Ливиз неопределенно хмыкнула, облизнула губы и направилась к терему.

Ц

Сердэн и Ченгчет приехали одновременно: Ченгчет оставил в царстве Гвюль свой корабль, и дальше цари отправились вместе в роскошных каретах. С Сердэном была его взрослая дочь Лиллай, синеглазая длинноногая брюнетка, а с Ченгчетом – только слуги и огромный черный кот. Кот ехал в отдельной карете.

Земля Гвюль, которой правил Сердэн, находилась, если двигаться от Горы на восход, немного дальше, чем Хаат, и севернее. Через широкий пролив к югу от нее располагался Вэй – остров Ченгчета. Оба царя были дружны, и Сердэн не раз принимал Ченгчета в гости. Между землями шла бойкая торговля; к тому же, Гвюль служила передаточным звеном в торговле между островом Вэй и Хаат, поскольку в Хаат не было гаваней – горы почти отвесно низвергались в океан по всему побережью.

Средоточием жизни в Гвюль был прибрежный, с огромной гаванью, город Гвисс; главными его достопримечательностями являлись высоченный маяк, уступавший высотой разве что башне Муззараюфа в Нууз, и въездные ворота с двумя остроконечными башенками по бокам, позолоченными створками и фронтоном с барельефом в виде герба города – кораблика с чайкой на мачте. Царский дворец, окруженный садами и немногочисленными домиками челяди находился чуть в стороне: Сердэн предпочитал загородное уединение.

Гвисс был городом торговцев, ремесленников, моряков и поэтов; последние, впрочем, нередко совмещали свое жизненное призвание с моряцким делом, которое обеспечивало им кров и хлеб. Ремесла развивались здесь особенно хорошо, благодаря царю, личным примером вдохновлявшему мастеров – он сам был Изобретателем с большой буквы, его поделки славились по всему Земледружью.

Как только Рух увидел Лиллай, всякие мысли о Ливиз покинули его. Оба отца с удовлетворением отметили обнаружившуюся склонность царевича, и вскоре, после того, как Сердэн спросил свою дочь, что она сама об этом думает, и та ответила, что царевич мил, но на все отцовская воля, было договорено о выдаче ее за Руха через год – такой срок для проверки чувств показался обоим достаточным.

Затем прибыл Хаккэн, старший сын престарелого Пинггэна, что правил находившейся на далеком западе от Горы земель Берэд. Он рассказал, что здоровье отца совсем плохое: ноги его не держат, так что он может передвигаться только с посохом, да и то еле-еле, глаза почти не видят, язык перестал ощущать вкус пищи. Невеселость этого повествования не мешала, однако, рассказчику быстро уплетать все предложенное за столом – с его-то языком все было в порядке, как и с глазами, постоянно перебегающими с одного предмета внимания на другой, будто их обладателю вообще весь мир был в диковинку.

Левэну подумалось, как отвратительна старость. Разве это жизнь, когда толком не видишь, не слышишь, не наслаждаешься яствами, не можешь вдруг сорваться в путь, когда позовет сердце? А когда-то он заезжал к Пинггэну в гости, и тот показывал ему свои оранжереи, еще различая цвета. Он сказал:

- Я знаю одну целительницу. Быть может, она сумеет подправить здоровье твоего отца. Подойди ко мне потом, я расскажу, как найти ее.

- А я бы, наверное, не хотел снова стать молодым, - произнес Тубах. – Мне больше по душе другая картина: я сижу где-нибудь на пригорке и смотрю в поля, и мимо проносятся дни, а я все сижу и смотрю, даже если не вижу, даже если на самом деле сплю...

- Отец, зачем ты говоришь такие грустные слова?! – воскликнула Хаврэ.

- Но силу земли я не перестану чувствовать никогда, это я знаю, - сказал Тубах.

- Что же братья не приехали? – спросил, не споря с тестем, Левэн Хаккэна.

- Отец оставил их, чтобы присматривать за ним. Он перестал доверять слугам.

- Отчего?

- Просто перестал.

- Но своему садовнику он еще доверяет?

- Ему – да, - сказал Хаккэн.

Последним из приглашенных царей явился правитель Ойюрджаннат – земли наиболее удаленной, так как лежала она по другую сторону Севера – царь Дуссук с двумя сыновьями и дочерью. У миниатюрной смуглянки Огабай были волосы цвета сирени, а у еще более темнокожих сыновей – зеленые. Сам Дуссук был абсолютно лыс.

- Тебе я могу сделать подарок уже сейчас, - сказал он Тариах, преподнося черепаху, у которой не было хвоста, зато были две головы – спереди и сзади, и черепаха беспрерывно высовывала из-под панциря то одну из них, то другую. – Ты ведь любительница такого. Однако, как ты подросла! И выглядишь сногшибательно - или как там нынче молодежь говорит?

- Спасибо! Твои подарки всегда хороши, а слова приятны, – ответила Тариах, улыбаясь самой сногшибательной своей улыбкой, и тихонько шлепнула одним пальцем черепаху по высунувшейся в свой черед голове..- Милая черепашка, - оценила она и, присев в поклоне, затем убежала, кинув напоследок на Дуссука взгляд, которым тот должен был быть весьма польщен.

Дуссук же отошел в сторону с Левэном и спросил:

- Что твой сын? Не хочет ли он, наконец, жениться? Я про старшего, конечно. Мы могли бы сейчас обсудить это. Я специально привез с собой Огабай.

- Огабай хороша. В ней есть изюминка, - ответил Левэн. – Но я вынужден огорчить тебя. Только что я просватал Руха за Лиллай.

- Вот как? – вытянулось лицо Дуссука. – То есть я просто опоздал?

- Да, вышло так, - сказал Левэн.

- Не понимаю твоей спешки. Между нами говоря, Сердэн – наименее могущественный из царей, хотя и воистину превосходный мастер.

- Рух увидел Лиллай и влюбился. Вот, собственно, и вся история, - сказал Левэн.

Дуссук развел руками.

Левэна сильно огорчило то, что он был вынужден дать этот отказ; более того, он ощутил возникшее между ним и царем Ойюрджаннат напряжение, которое еще не ссора, но в каком-то отношении даже хуже ссоры.

В тот же день цари собрались, чтобы поведать друг другу о наиболее важных событиях, случившихся за последнее время. Стол, за которым они расселись, был совершенно кругл, так что никакое место не наделяло главенством того, кто его занимал. Однако, Тубах и Сердэн, в силу родственных (хотя во втором случае то было делом пусть и недалекого, но будущего) отношений, заняли места по левую и правую руку от Левэна, все же выделявшегося если не местом своим, то сиянием и будто толстой красной рамкой вокруг головы, ибо яркая растительность обрамляла ее со всех четырех сторон. Тубах также выделялся – он был едва ли не вдвое массивнее других. Сердэн, наоборот, был по-женски грациозен. Руки его с длинными пальцами неподвижно лежали на столе. Отсутствие бороды делало его моложавее. Как обычно, фигуру царя Гвюль укутывала светлая мантия в вертикальную полоску. Напротив них разместились Дуссук и Ченгчет, первый с сонным выражением лица, второй – со свойственным ему загадочным. Два места пустовали, ибо за столом не было Муззараюфа и Пинггэна, Хаккэн же, хоть и замещал своего отца в качестве свадебного гостя, не был царем и не мог присутствовать на советах Земледружия.

Прежде всего, Левэн сообщил о присоединении к своему царству части глуши к югу от Горы. Туда, сказал он, будет проложена дорога, а пока он распорядился о нескольких дозорных лесных постах по пути. Там сейчас поселились его бывшие жены, Лахи и Грэ, им по-прежнему запрещено появляться в чертогах, но в новой части царства они вольны. О появлении вейесунга также было упомянуто, но этот факт никому не показался значительным. Вейесунги наблюдались время от времени и ранее, но никогда не наносили царствам серьезного ущерба.

Левэн колебался, просить ли прямо здесь, на совете, поддержки царей в деле поимки близнецов. У него ничего не было против детей Нэн, кроме предсказания, до сих пор хранимого в тайне. К тому же, он не был уверен, что кто-нибудь из царей не захочет, наоборот, поддержать близнецов. Тот же Дуссук, например, - из-за своей обиды, - или Сердэн, по причине своего добродушия. Осторожность перевесила, и Левэн промолчал о своей главной тревоге.

- Жаль, что с нами нет Муззараюфа, - промолвил Сердэн. – Мне любопытно, удалось ли ему, в конце концов, пройти сквозь стену своего замка. Ведь он полагал, что близок к этому.

Никто не знал об успехах Муззараюфа. Тубаха же интересовало, хорошо ли сдерживаются уггробты. Было время (правда, очень давнее), когда золото и драгоценные камни, которыми изобиловала земля Хаат, постоянно влекли их совершать набеги.

- С тех пор, как их владыка женат на моей сестре, - сказал Дуссук, - уггробты нам не враждебны, вы все это знаете. И ни одна железная птица пока не залетела за Юёв. Но я должен предупредить, что Гургаэ становится все труднее принимать облик молодой женщины, это отнимает у нее много сил. Если владыка уггробтов с ней расстанется, встанет вопрос о замене, если, конечно, мы хотим поддерживать отношения.

- Нелегко будет найти замену, - задумчиво сказал Тубах.

- Во всяком случае, это будет не Огабай, - изрек Дуссук. – Наш род свою жертву уже принес.

- Спору нет, - сказал Сердэн.

«Однако, - подумал Левэн, - насколько я в курсе дела, Гургаэ выходила замуж не поневоле. Три пары ласкающих рук вместо одной, три пары губ, три языка... Впрочем, что за чепуху я несу? Разве согласился бы я отдать такому чудищу Тариах?»

- Мы должны принять эту опасность во внимание, - произнес он.

- Тем более, - добавил Дуссук, - что характер сестры становится все хуже. Она стала слишком мелочной и вредной, и в плохой день может любую гадость выкинуть.

- Судя по твоей задумчивости, - сказал Сердэн Тубаху, - ты не готов отдать Ливиз, но такая мысль все же посетила тебя.

- Не готов, - подтвердил тот.

- Есть жених на примете?

- Я как раз об этом размышляю.

- Если не Огабай и не Ливиз, то кто же? – спросил Дуссук.

- Решим, - сказал Тубах. – У нас ведь еще есть время подумать?

- Какое-то есть.

В сущности, для царей никогда не составляло труда обезвредить проникших в их земли уггробтов, однако, уггробты терроризировали охотников и крестьян, а те взывали к царям, и, поскольку случаев таких было великое множество, да еще и железные птицы порою отчего-то сопровождали обитателей Севера (среди которых бытовало поверье, что это души умерших уггробтов становятся железными птицами и витают над теми, кто прежде был им дорог, а кого ненавидели, того могут заклевать), наводя на простолюдинов ужас, чародеи почли за счастье, когда Господин Севера согласился взять дело в свои руки; в считанные дни он довел до своего народа категорический запрет на переход через Юёв, получив взамен жену-чародейку. Дуссук с полным правом мог поставить себе в заслугу это соглашение, и Левэн понимал, что сейчас он недоволен неготовностью Тубаха даже обсуждать выдачу Ливиз Северу, хотя именно Тубаха поведение уггробтов волновало больше всех. Затянишь разговор надолже, это недовольство могло бы проскользнуть в речах, а тогда и Тубах мог рассердиться.

Но к этому времени был подан обед, и поглощение куропаток в яблоках, зайчатины в соевом соусе, поросятины в грибном соусе, форели со спаржей, артишоков, персиков, слив, айвы и прочих вкусоностей, не говоря уж о наливках из левэновских кладовых, вытеснило все дурные мысли, если даже они у кого и были.

Ц

Слугам, что сопровождали Айавэ, хотелось поскорее домой. Если девочка всю жизнь живет в лесу, и до сих пор ничего с ней не случилось, значит, опасности для нее нет – а тогда к чему эскорт? Дома их ждали жены, дети, да и в чертогах, наверное, уже должно царить предпраздничное настроение.

Айавэ, со своей стороны, сказала, что, конечно, не боится остаться одна, и, к тому же, большая часть пути уже позади, и поэтому слуги повернули к Горе без всякой тревоги на душе.

Впереди был родной лес, позади лежало неоглядное поле. На этой границе Айавэ остановилась и присела на траву. По небу плыли облака, не предвещавшие, однако, дождя. Ларчик – подарок Левэна – алел в траве, и девочка глядела на это алое пятно с любопытством. Если там всего лишь драгоценность, почему нельзя открыть ларчик раньше срока?

Она взяла его в руки и потрясла. Ни звука – а между тем, ожерелье, медальон или брошь, наверное, стучали бы при тряске. Неужели там пусто? Нет, царь не мог ее так обмануть. Руки ее быстро повернули ларец, как показывал Левэн. Что-то щелкнуло – и из ларца вырвался свет. Терем с высоким крыльцом и маленькой башенкой предстал перед опешившей Айавэ, рядом росла яблоня, на ветвях которой сидела синегрудая птица с длинным пестрым хвостом. Она, по-видимому, спала. Два мирно взиравших тигра лежали у крыльца. Айавэ сделала пару шагов в направлении тигров – они не шелохнулись, даже усами не повели. Она по-хозяйски взошла на крыльцо, отворила дверь. Терем как терем, и все готово, чтобы в нем жить.

Но что же теперь делать? Селиться здесь Айавэ не собиралась, а уйти означало бросить этот волшебный дар. До ее поляны было еще неблизко. Осознав это, девочка села на ступеньках крыльца, опустила голову, и обыкновенные детские слезы брызнули из ее глаз. Так она просидела долго. И зачем только она отпустила слуг! Ехала бы с ними, ничего бы не случилось!

- Что горюешь? – послышался вдруг чей-то голос.

Айавэ подняла заплаканные глаза и увидела странного мальчишку. Это определенно был еще мальчишка, но выглядел он не по-детски: на голове его был колпак, какие дети не носят, длиннополый плащ закрывал ноги. Из-под колпака торчали, будто пучки соломы, жесткие черные волосы.

- Такой чудный теремок, а ты в слезах, - с любопытством произнес мальчишка. – Другая бы радовалась.

- Он возник из ларца, - сказала Айавэ.

- Знаю.

- Но я открыла его раньше времени и теперь не могу идти домой.

- То есть ты хотела бы поместить теремок обратно?

- Как это?! – воскликнула Айавэ. – Разве так бывает? Как обратно?

- Кончай реветь, я могу помочь тебе, - с уверенностью заявил мальчишка. – Я умею обращаться с такими ларцами. Кстати, тебе его царь подарил?

- Да, - сказала Айавэ. – Все-то ты знаешь.

Мальчишка потоптался, о чем-то раздумывая. Тигры внимательно на него глядели.

- У меня есть условие, - сказал он. – Ты должна пообещать мне, что выполнишь мою просьбу, когда я попрошу.

- Какую просьбу?

- Этого я пока не знаю, - усмехнулся мальчишка. – Боишься?

- Нет, - сказала Айавэ. – Я верю, что ты не потребуешь ничего дурного.

- Тогда обещай мне.

- Обещаю.

- Значит, по рукам. Давай ларец сюда.

Он сделал над ним какие-то пассы, поворачивал, постучал, и – о, чудо! – терем, тигры, дерево, синяя птица на нем, - все это мигом исчезло, а ларец был снова закрыт.

- Ничего себе! – обрадовалась Айавэ. – А я не верила! Думала, ты разыгрываешь меня.

Она была готова броситься ему на шею, но смутилась и только лучезарно взглянула на своего спасителя. Какой он все-таки потешный!

Мальчишка усмехнулся, отвесил ей неожиданный поклон и пошел в поле. Почти исчезнув в траве, он все же оглянулся.

- Ты собираешься жить в этом теремке? – прокричал он издали.

- Да, когда приду домой, - крикнула Айавэ в ответ.

- Тогда у тебя будет крепкий сон по ночам!

С этими словами он пропал из виду. Налетел прохладный ветерок, растрепав девочке волосы. Не приснилось ли ей все это? Происшедшее было слишком невероятным. Взгляд ее обратился на то место, где только что стоял терем. Трава росла там, не будучи даже примятой.

Так значит, приснилось?

Она подумала, что не спросила, как мальчишку зовут – впрочем, во сне у него могло и не быть имени, да и он ее не спросил.

Ц

Близился день свадьбы. По чертогам сновали слуги, они занимались украшением улиц, развешивая на домах разноцветные трепещущие на ветру флажки и протягивая гирлянды зелени. Другие слуги прихорашивали клумбы и сметали с улиц сор. Ливиэ больше не встречался ее воздыхатель; он пропал. Тариах играла в загадки с ней, Огабай, Хаккэном и вдруг объявившимся Уссо и много курила. Хаврэ была занята подготовкой развлечений. Рух с утра до позднего вечера возил Лиллай на коне по окрестностям Горы. Зеленоволосые сыновья Дуссука скучали без оставленных дома любимых жен.

Многие приходили тогда в чертоги – крестьяне, жившие под Горой, и странники издалека. Среди них была неопределенного возраста женщина по имени Гиннагит. Она возвышалась на голову над местными мужчинами, а руки ее были столь сильны, что могли согнуть в дугу и разогнуть обратно железный вертел.

Между тем, Тариах решила попробовать свое мастерство в новом деле. На первый взгляд, дело то было самое обыкновенное – царевна сварила уху. В поисках гостей она выглянула в окно и сразу заметила Гиннагит, сильно выделявшуюся среди прочих. «Вот замечательная порода», - подумала она и вызвала слугу.

- Видишь ту дылдину? – показала она на Гиннагит. – Позови ее сюда, скажи, здесь ее покормят.

Слуга вышел и быстро вернулся с нищенкой.

- Добро пожаловать, - сказала ей Тариах сладким голоском. На столе уже стояла серебряная миска с ухой. – Присаживайся, угощайся.

Гиннагит очень удивилась, но виду не подала. В конце концов, она была голодна, а все остальное было неважно. В этот момент у Тариах родилась еще одна занятная идея. Она достала другую миску, налила в нее ухи и вновь обратилась к слуге.

- Поди к Корове и угости ее тоже.

Дылдина только ложкой стучала. Ее порция подходила к концу, когда вдруг вошла Ливиэ.

- Что происходит? – изумилась она. – Ты стала приглашать нищих?

- Нищие тоже хотят есть, и поболее нашего, - ответила ей царевна, чуть не умирая со смеху.

Ливиэ повела носом. Нет, Тариах как была ненормальной, так и осталась.

- Уха? – спросила она. Запах Гиннагит все же не полностью заглушал остальные.

- Своими руками приготовила – впервые в жизни, клянусь.

- О, такое нельзя пропустить! – сказала Ливиэ. – Надеюсь, ты не все скормишь толпе? Только я все-таки обожду, пока твоя счастливая гостья доест, и ты ее отпустишь. Зайду потом.

- Да она уже доела, - сказала царевна, - не уходи.

Гиннагит действительно доела и встала из-за стола, подпирая потолок.

- Благодарю, - склонилась она перед Тариах. – В первый раз меня в царский терем приглашают, да из серебряной посуды есть. Я ведь бродяжка грязная, да. Ты, - сказала Гиннагит Ливиз, - верно меня назвала. Но кто знает, может, и тебе когда-нибудь придется подножным кормом питаться. Желаю, чтобы не случилось такого с тобой.

Она поклонилась еще и вышла.

- Гордости-то сколько, - бросила Ливиз.

«Может, не давать ей ухи? – подумала Тариах. – Смешно. Сама ведь хочет!»

- Садись, - сказала она, не без брезгливости касаясь миски нищенки, чтобы отодвинуть ее на край стола. – Но по правде у меня получилось не так уж вкусно. Опыта нет.

- Боишься взыскательной проверки? – усмехнулась Ливиз.

Тариах взглянула на нее, как на дурочку, и налила ей. Будь, что будет.

- Между прочим, хорошая уха, - сказала дочь Тубаха. – Зря приbedнялась.

- Ну, если тебе понравилась, значит, действительно хорошая, - засмеялась Тариах.

- Какая рыба-то?

- Ерш.

- Еще осталось?

- На доньшке. Хочешь доесть?

- Не отказалась бы.

- Тогда доедай. Я сама уже наелась.

Пусть, пусть.

- Был бы здесь Хаккэн, - сказала Ливиз, покончив с ухой, - он бы все один съел. Никогда не видывала такого проглота.

- Да он вообще, - исчерпывающе охарактеризовала Хаккэна царевна.

- Да уж, - согласилась Ливиз, хотя бы в этом одном поняв собеседницу.

Они поговорили еще о всяком разном и несущественном, потом Ливиз ушла. Тариах проводила ее насмешливым взглядом. Ее распирало от радости, энергия переполняла душу и тело, и она несколько раз проехала колесом.

Ц

Три арфистки в белых туниках перебирали струны, и в рожденной ими музыке ухо Левэна ловило то порхание бабочек, то журчание ручья, и царящая в его сердце нежность передавалась Хаврэ, чья рука лежала в его руке, слабая и прекрасная.

Любила ли Хаврэ в эту минуту Левэна? Скорее, она была с ним безумно счастлива. В этом чувстве не было ничего от страдания, и если бы вдруг с Левэном случилась беда, и Хаврэ бы его потеряла, она бы горько оплакивала свою потерю, но не могла бы оттого зачахнуть и умереть, просто потому что ее существование лишилось бы смысла. Пожалуй, для любви у нее было слишком доброе сердце. Но именно такой она и составляла счастье супруга, именно к такой и потянулся безотчетно Левэн, когда увидел знакомый башмачок, и союз их был ничем иным как жизнью душа в душу навек, пока – как это звучит в брачной клятве - не разлучит смерть.

По стенам горели факелы, источая ароматы сандала, вербены, можжевельника, шалфея. Слуги то и дело наполняли кубки клеверным и яблоневым нектаром. Пирог Лахи, изображавший Горы с чертогами, выложенными из черемухового теста со всеми сохранившимися в памяти пекари подробностями, достойно завершал вечернюю трапезу. Наступало время танцев и фейерверков, жмурок, гляделок, хороводов, пятнашек, представлений жонглеров, акробатов, комиков, но прежде еще должны были быть переданы обручальные кольца и преподнесены свадебные дары.

Прозвучал гонг. Взоры всех обратились на середину погруженной в полумрак залы, где в белых одеждах стояли, обняв друг друга, Левэн и Хаврэ, окруженные голубоватым полупрозрачным облаком.

- Вручаю тебе, Левэн, дочь мою, - сказал Тубах. – Хаврэ, будь счастлива в этом доме! Вот кольца, которыми вы обручите друг друга.

Он передал их, сделанные из лучшего золота, что рождала земля Хаат, и Левэн надел кольцо на палец Хаврэ, а затем она ему. Тут же к столу для подарков потянулись слуги, несшие короба с драгоценностями, благовониями, шелками, посудой, мехами. Среди даров было и несколько чудесных предметов: то были изготовленные Сердэном музыкальные инструменты – лира, струны которой сами исполняли тончайшие тремоло, шкатулка, в которой пускались в пляс малюсенькие человечки в колпачках с серебряными бубенчиками, нежно звеневшими при каждом движении фигурок, и смешной заяц, державший в руках палочки, которыми он то и дело ударял по крохотному хрустальному барабану.

Искусству Сердэна позавидовал бы в этот момент один мастер, чьи взгляды были бы прикованы отнюдь не к прекрасной невесте, поскольку неподалеку от нее стояла другая женщина, однако, его не было и не могло быть в зале – не могло быть по статусу, а не было, оттого что находился он уже далеко, движимый тем самым страданием, которого недоставало, чтобы чувства Хаврэ были большим, чем полнотою счастья.

Извилистые узкие коридоры с бледными чуть мерцающими, оттого что во тьме светился михр, стенами казались телами гигантских червей, прокладывающих свои подземные пути. Кавий был вынужден ползти на четвереньках. Слух его ловил постоянный тонкий свист, очень тихий, какой издают змеи. Карманы его были набиты мелкими горошинами, разбрасывая которые, он отмечал места, где уже побывал, надеясь с помощью этого нехитрого трюка не заблудиться. То спускаясь вниз, то немного поднимаясь вверх, Кавий медленно углублялся в Гору, но коридоры были нескончаемы, постоянно заворачивали и как будто завязывались узлами.

Если бы не страсть, гнавшая его к цели, Кавий давно повернул бы обратно – настолько утомителен был путь. Уже давал о себе знать голод. К счастью, стены источали достаточно света. Никакой живности не попадалось на глаза – ни летучих мышей, ни червей, ни каких-нибудь монстров, которых помещало за очередной поворот дурное воображение. Только в самом начале пути, когда по сторонам лежал еще не михр, а частью кремнезем, частью хрусталь, и Кавию приходилось двигаться с факелом, он преодолел несколько пещер, где гнездились летучие мыши. Их он не боялся, хотя выглядели они довольно мерзко и, потревоженные, носились прямо перед его лицом слишком близко,

Даже самая великая отвага еще не делает ее обладателя всесильным. Хуже всего был накатывающий на Кавия сон. В этом каменном царстве было, к несчастью, так холодно, что Кавий понимал: если он заснет, то попросту замерзнет. Тогда он начал кричать: «Я здесь! Я здесь!» - в надежде, что скуббры его услышат. У него не было оснований полагать, что таинственные обитатели подземелий не будут к нему враждебны, однако, не было и выбора, и можно было только полагаться на удачу. Никто не явился на его зов, но Кавию вдруг почудилось, что пол движется под его ладонями.

Пространство также как будто сжалось: поворот впереди вдруг оказался ближе, чем только что был. Свист сделался громче. «Они близко!» - подумал Кавий с воодушевлением, сменившимся вскоре отчаянием, оттого что коридор уперся в тупик, и тогда, в сердцах, Кавий прокричал ругательство, выражая в нем всю злобу на нелепую судьбу. Конечно же, не по этой причине – но случилось совпадение – стена перед ним замерцала сильнее, и неожиданно на ее месте возникла дверь. Кавий сразу понял, что это дверь, хотя с виду то была просто другого, черного, цвета часть стены. Он толкнул ее, стена пропустила его. Впереди открылась обширная зала, в центре которой росло каменное дерево.

Наконец-то можно было подняться, но Кавий так обессилел, что остался сидеть.

От дерева исходило ровное спокойное сияние. В нем было что-то, отчего Кавию захотелось разрыдаться – что-то бесконечно доброе. Дерево нашептывало ему, что все

беды позади, что теперь все будет хорошо, что никто больше не причинит ему зла... Возможно, он даже задремал...

А потом пришли скуббры. Они были похожи на кротов, на что-то среднее между кротами и покрытыми темной шерсткой карликами. Скуббры отвели Кавия в другую залу, где за каменным столом одиноко сидел очень толстый скуббр, по-видимому, главный, и он спросил Кавия, что привело его сюда.

- Мне нужны черевики из поющего михра, - сказал Кавий. – Я обещал их одной девушке. Конечно, это очень глупо – просить их у вас, но что же мне еще остается?

Эта его откровенность развеселила Толстого Скуббра.

- Ты действительно этого хочешь? Только не говори «больше всего на свете» и тому подобное. Лучше задумайся. – сказал он.

- Но ведь я за ними пришел. Что другое я могу сказать?

Скуббр изучал его маленькими кротовыми глазками. Что бы ни говорили о слепоте кротов, этот слепым не был.

- Предположим, ты видишь разветвление туннеля. Можно пойти в одну сторону, можно в другую. Что ты об этом думаешь?

- Что я не знаю, куда идти.

Скуббр засмеялся.

- Открою тебе один секрет. В конечном счете, все равно, какой туннель ты выберешь. Они живые и перестраиваются, так что, выбирая один, ты в итоге оказываешься в другом. В общем, на самом деле это туннель выбирает тебя.

- О, так мне не померещилось, - пробормотал Кавий. – Я теперь понимаю, почему черевики знают свою хозяйку...

- Ты все об этом. Что ж, нам ничего не стоит подарить их тебе. Сам видишь, сколько михра вокруг.

- Могу я спросить?

- Давай.

- Когда вы доставляете михр наверх, это торговля? А что вы за него получаете?

- Можно считать это торговлей, - ответил Толстый Скуббр. – Взамен мы получаем все, что угодно. Но на самом деле нам ничего не надо.

- Как это? – удивился Кавий. – Тогда зачем вы это делаете?

- Так заведено издревна. Мы понятия не имеем, зачем. Просто так надо. Так поступали наши предки.

- Но разве вам действительно ничего не нужно? Какие-нибудь вещи?

- Только любопытства ради. Видишь ли, у нас здесь совсем другая жизнь.

- Какая? Вот, например, чем вы питаетесь?

- Воздухом. И светом, который дарит нам Дерево. Он особенный.

- Зачем же тогда этот стол? Ведь за ним не обедают. А, - догадался Кавий, - это тоже потому что так заведено издревна?

- Да. И я всегда, кроме тех, конечно, случаев, когда прихожу к Дереву, здесь сижу.

- Очень необычная у вас жизнь... Для нас. Но я спросил, что вы получаете взамен, потому что хотел предложить вот эти монеты, - Кавий достал из кармана горсть серебряков. – Это все, что я скопил. Да только возьмете ли вы?

- Все, что скопил? – Толстый Скуббр улыбнулся. – Тогда мы возьмем половину, а вторая половина пусть у тебя останется. И не благодари, пожалуйста.

- О! – воскликнул Кавий.

- Но ты, конечно, отобедаешь с нами светом, прежде чем отправляться обратно, - сказал Толстый Скуббр, и Кавий не мог отказать. Он еще полюбопытствовал, как скуббры унают, сколько прошло зим – ведь погода здесь, наверное, не меняется, и услышал много непонятного о том, что наверху путают время и календарь, что на самом деле время – те же туннели; можно сказать, что в Горе, а можно – что в пустоте...

Его любимая женщина смотрела, тем часом, на не в пример ей удачливую сестру, и на сердце ее словно висел тяжелый камень.

Но вот новый гонг возвестил конец церемонии и начало вольностей. Хаврэ освободилась из объятий супруга и объявила, что будет танцевать. Арфы смолкли, и зазвучал михр, а для тех, кто стоял поближе, он еще и засверкал, потому что платье Хаврэ было намеренно выбрано такой длины, чтобы не закрывать щиколотки.

- Наконец-то увидел это чудо, - сказал Дуссук.

Гости были в восторге, и только Ливиз стояла с опущенным лицом.

Потом новобрачные удалились, оставив слуге-распорядителю последние указания, и тот шепнул что-то своему помощнику, и свирели заиграли бойкую мелодию, и зазвенели лиры, и всех поглотила стихия развеселой пляски.

На улицах всю ночь гремели фейерверки, озаряя темное небо распускающимися и опадающими огненными цветами, раздавались аплодисменты и свист, хохот и визги. Слуги раздавали беднякам кому похлебку, кому накидки и башмаки, и простой люд ловил свое нечаянное счастье.

И была ночь, и настало утро.

Ц

Небо заволокли зимние тучи. Гости провели в чертогах еще какое-то время после свадьбы и понемногу разъехались, и тогда Левэн произнес долгую речь. Он говорил о том, что время, когда он был царем Горы, было прекрасно, что он был счастлив много раз. Теперь же он хочет для себя счастья иного, тихого, и они с Хаврэ будут жить здесь, но править царством отныне будет Рух – его старший сын.

Тариах он вручил ларец, точно такой, какой раньше подарил Айавэ, но только обивка его была не алой, а лазурной.

- Здесь твой новый терем, - сказал он. – Открой его на южном склоне, где пасется Корова, и там ты будешь самовластна.

- Тебе же, - обратился он к младшему сыну, - я долго думал, что подарить напоследок, и решил: я так редко вижу тебя, что если и вовсе перестану видеть, изменится немного.

Сказав это, Левэн протянул Уссо с виду обыкновенную тюбетейку. Все глядели с недоумением. Уссо повертел тюбетейку в руках, затем снял всегдашний свой колпак и надел царский подарок. В тот же миг он исчез.

Раздались возгласы изумления. Уссо взглянул на свои руки и увидел на их месте пустоту, словно они стали прозрачны. Тогда он потянулся невидимой рукой к тюбетейке и стащил ее с головы, снова обретая образ. Так он проделал несколько раз, пропадая и появляясь во плоти.

- Меня нет. И я есть, - проговорил он. – И нет. И есть. Это просто замечательно!

Он подскочил к одному из зевак, исчез и отвесил зевাকে хорошего тумака. Тот вскрикнул от боли и неожиданности.

- Ай да я, - произнес невидимый Уссо и, подкравшись к Тариах, легонько ущипнул ее за ягодицу.

- Ты что! – взвилась Тариах. – Свихнулся совсем?

Уссо расхохотался.

- Нет, сестренка, я просто безумно рад, - сказал он, снимая тюбетейку. Потом он сел на камень и задумался.

Левэн удалился в башню, Хаврэ же, прежде чем за ним последовать, сказала Тариах:

- Я буду приходить иногда.

Ей хотелось добавить: «к матери», но этого она произнести не могла.

- Конечно, - сказала царевна, глядя на свой ларец. Левэн когда-то показывал ей, как открыть его. И ей не терпелось заполучить содержимое.

- Ну и сиди так, - усмехнулась она Уссо, - а я пойду новосельем заниматься.

- Я потом загляну к тебе, - мрачно сказал Уссо, не поднимая головы.

- Ни в коем случае! Я теперь боюсь тебя. Брат, - обратилась она к Руху, - нам надо уладить, где будут мои границы. Пойдем, сделаем это!

Рух только-только приходил в себя. На него неожиданно свалилось все царство. Конечно, это должно было случиться рано или поздно...

- Да, пойдем, - ответил он.

Они вышли к молочной реке и поднялись вверх по уступам. Корова спала на траве, молоко вовсю струилось из ее вымени, как всегда бывало, когда ей снилось что-нибудь приятное, сбегая по покатоному лугу к хрустальным валунам.

- Озеро я бы хотел иметь на своей территории, - сказал Рух. – Ты не против?

- Не против, - ответила Тариах. – Мне совсем ни к чему эта толчея возле него. А в сметане ты мне, надо полагать, никогда не откажешь?

- Конечно.

- Вот там, - показала Тариах, - хорошо бы поставить терем.

Новый царь не возражал.

Терем вышел фигуристый, со змеейшей вверх башенкой и маленьким садом. Среди яблонь и вишен выделялась одна яблоня – на ней сидела длинношеяя серенькая птица.

- Фьии... фьии, - протяжно заголосила она, как только появилась из ларца.

- Это птица Свиригг, - сказал Рух. – А ту, что на яблоне у Айавэ, отец называл птицей Заххар. Та поет по ночам и нагоняет сладкий сон, а днем сама спит. Эта – наоборот, дневная.

- Грустно поет. Но красиво.

- Ты помнишь, что яблоки с этого дерева, сорванные, когда птица поет, есть нельзя?

- Помню. Не знаю только, почему.

- И я не знаю.

- Любопытно. Когда-нибудь я на ком-нибудь попробую.

- Фьии... фьии, - жалобно тянула Свиригг.

- Что ж, - сказала царица. – Позову своих слуг, пусть колышки вбивают по границе. Хочу переселиться сегодня же.

Уссо, тем временем, все сидел на камне, и (то ли от ни к чему не ведущих раздумий, то ли по какой иной неведомой причине) у него вдруг начала расти борода. Это было странно, даже нелепо в его возрасте, но борода все росла и росла, а Уссо даже не замечал этого. Заметил он только тогда, когда пук черных волос опустился к самым ногам его; тогда он вскочил в ужасе и завопил:

- Три тысячи крысиных хвостов! Что происходит?!

Руки его непроизвольно теребили бороду, будто он снова и снова желал убедиться в ее реальности. Рост ее прекратился - быть может, оттого что исчерпалась вызвавшая его сила, - но и такой длины было достаточно для того, чтобы Уссо выглядел прекомичнейшим образом. Конечно, он мог бы просто отрезать ее. С другой стороны, ни у кого ведь такой бороды не было! Уссо чувствовал смешанные страх и гордость. Но страх никогда не владел им долго.

«Ха-ха-ха, - рассмеялся он про себя, - вот таким я и навещу сестренку, то-то она завизжит!»

Была, однако, уже почти ночь. Уссо отправился к лугу Коровы, распугивая гуляющие в сумерках пары. Никто не признавал его, тем более без колпака, снятого, оттого что Уссо не хотел отдавать предпочтение ни ему, ни тубетейке, хотя две девицы в коротких юбках, прохаживающиеся в поисках обделенных лаской в этот вечер, и сказали друг другу, переглянувшись, что этот нарядившийся как царевич коротышка и в самом деле на него похож, да только больно стар. И откуда только он явился? Ведь не было на Горе такого, они всех местных знают. Или правда Уссо, да только бороду прицепил? Зачем? Одна из девиц хотела окликнуть курьезного незнакомца, но подруга потянула ее за руку: «Да ну

его, не надо», - и, произнеся нецензурное слово, сослалась на безвестность этого ряженого.

Тариах уже переделалась в ночное платье и собиралась отдаться сну, как вдруг кто-то заколотил в двери терема. Слуга при дверях вскочил и стал выговаривать неожиданному гостю, что заявляться в такой час может только последний разбойник.

- Разбойник я или нет, отвори! – приказал Уссо.

- Кто еще там? – сказал другой слуга, подходя с увесистой дубиной в руках. – Отопрем-ка и вздуем его.

Но еще только замахиваясь дубиной, он успел получить сам такой удар, что растянулся на полу.

- Ой-ой! – закричал первый слуга. – Все сюда, на помощь!

Уссо отшвырнул его в сторону и промчался по лестнице наверх, приподняв рукой бороду, чтобы не запутаться в ней и не споткнуться. Тариах выглянула на шум.

- Ах! – взвизгнула она, как и ожидал Уссо, и отпрянула в спальную. Уссо рванулся за ней, но дверь уже была заперта.

Пожалуй, силы его удара хватило бы, чтоб ее выбить, однако, это было бы совсем неучтиво в отношении сестры, и потому он только крикнул:

- Не бойся меня! Это же я, Уссо!

- Нет! – крикнула из-за двери Тариах.

- Что значит нет?! Не хочешь ли ты сказать, что я – это не я? Открой! Я хочу проститься. Ухожу с Горы насовсем.

- Ни за что!

- Хотя бы трубку выкурим напоследок!

- Нет!

Слуги уже подходили снизу, держа в руках кто вилы, кто кочергу, и тот, который был с дубиной, тоже поднялся на ноги.

- А, чтоб вас крысиным пометом завалило! – выругался Уссо и надел тюбетейку. – Да, нечего мне здесь делать.

Увидев, что бородатое страшилище исчезло, слуги растерянно заозирались по сторонам, опустив нацеленное на врага оружие. Уссо проскользнул между ними, выбежал из терема вон и канул во тьму.

Тариах лежала ничком на кровати, дрожа, точно лист на ветру. Она была перепугана странным преображением брата. Кто-то постучал в дверь.

- Царевна, он исчез, - сообщил голос слуги. – Мы прогнали его.

- Хорошо! – крикнула она. – Уходите, я буду спать.

Но исчезновение Уссо означало для нее только то, что он воспользовался тюбетейкой. Где Уссо на самом деле, невозможно знать. Право, она предпочла бы, чтобы он поколотил всех слуг, но определенно оставил ее в покое. Те разошлись, и вблизи больше не раздавалось ни шороха. С замиранием сердца царевна вслушивалась в каждый скрип половицы. Беспокойная ночь молчала.

Страх Тариах был так велик, что и наутро она не отворила дверь спальни. Днем, однако, на Горе были празднества – это Рух повелел в честь своего воцарения устроить пир для всего люда. Из сокровищницы достали немало золотых и серебряных монет, и Рух собственной персоной, гарцуя на коне, расшвыривал их по чертогам, и кое-кто даже сцепился с другими за этот металл, так что изрядная часть его вскоре перекочевала в карманы лекарей. На площади возле сметанного озера поставили огромный барабан, и многие плясали на нем, и даже Хаврэ сплясала, не в михре на этот раз, а босиком, и барабанное тукание разносилось по округе, будучи отчетливо слышно даже в подгорных холмах.

Решив, что ей больше ничто не угрожает, и желая присоединиться к веселью, осмелевшая царевна вышла.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ц

После того, как Левэн расширил свои владения, близнецам стало опасно вблизи царских постов. Волчья стая, в которую они некогда вступили, последовала за ними на запад; там они обустроили себе новые логова. Леса здесь были гуще прежних и надежно укрывали Эдэла и Иссур от взора какого-нибудь случайно пролетавшего гхуртха. Иссур, однако, овладела тоска. Она уже почти не помнила черты матери, но в памяти ее хранилась мелодия материнского голоса – не какие-то фразы, даже не отдельные слова, но само звучание окликов, смеха, напеваемой колыбельной, и вот теперь Иссур не хватало этой речи; ее не могли заменить ни вой волков, ни многоголосье птиц. Она сказала об этом брату, ежась и вздрагивая лучиками своей звезды.

Эдэл воссел на молодого волка по кличке Нифвао и отправился на поиски кого-нибудь, кто мог бы смеяться и напевать Иссур. Ехал он, куда глядели глаза, и вскоре перебрался вброд в верховьях Дуэт, и местность постепенно стала топкой. Нифвао теперь двигался медленно, он переступал осторожно, то и дело прижимаясь к земле и пробуя лапой, можно ли сделать следующий шаг. Лес оглашали то хохот, то уханье, то какие-то странные трубные звуки. Листва еще не покрыла деревья зеленью, но среди встречных луж, несмотря на холодную погоду, цвели белые кувшинки и ядовито-желтые калужницы. Нифвао обходил скопления цветов стороной. Постепенно он забирал к востоку. Ночи стояли очень холодные; Эдэл весь укутывался шкурами и крепко прижимался к волку, чтобы не замерзнуть, просыпался же он в густом тумане, где Нифвао выглядел лишь более темным пятном, и только два желтых глаза горели, свидетельствуя, что у этого пятна – живая душа.

«Пуу, пуу!» - раздавалось где-то. Это были гиблые края, но внутренний голос, который посторонний назвал бы просто упрямым характером, побуждал Эдэла не оставлять путь, и он продвигался дальше, минуя маленькие озерца, ручьи, кувшинки, фиалки. Туман клубился, зеленоватые болотные огоньки перебегали с места на место. Избушка без окон и дверей выросла вдруг на пути, и волк попятился. Ему не нравилась эта избушка. Эдэл слез и потрепал Нифвао по загривку.

- Эй! – сказал он избушке, и длинная нога, на которой та стояла, сложилась в приседе. В стене появилось сначала окно, откуда выглянула пожилая женщина в венке из кувшинок, а потом появилась и дверь. Женщина, одетая в венок и травы, отворила, и руки ее сами собой протянулись к Эдэлу, и сердце затрепетало, и слезы чуть не полились из глаз. Но как он вырос, этого не может быть! Впрочем, и она ведь за эту зиму невероятно постарела...

- Мальчик мой, - вымолвила она дрожащим голосом. Но тот глядел, ничего не понимая. «Он не знает такую меня. Может быть, так лучше?» - подумалось ей. И она сказала, с трудом сдерживая себя и поглядывая на волка не без опаски (но он же с Эдэлом, он не причинит ей зла):

- Заходи. Ты, наверное, есть хочешь?

Волк, поначалу ощерившийся, успокоился и остался на месте, а Эдэл проследовал за женщиной. В избушке была печь, и в ней был разведен огонь, и было тепло. На длинном столе стояла миска с орехами и еще одна – с густым грибным супом.

- Ешь все, - сказала Нэн, едва-едва касаясь волос мальчика, - я себе еще сварю.

- Я – Эдэл, - сказал Эдэл, садясь на длинную скамью у стола.

- Ты уже большой мальчик, Эдэл. Ты где-то здесь живешь?

- Нет. Далеко. С сестра.

- Что же ты сейчас не с ней, почему забрался так далеко от дома?

- Идти искать, кто смеяться.
- О! – удивилась Нэн. – А ты сам разве не смеешься?
- Эдэл покачал головой.
- Где вы живете?
- В лес.
- С волками? – догадалась Нэн.
- Что с волками?
- Так вот же этот зверь, который с тобой. Это волк.
- Да.

Он уже устал говорить. Он никогда так много не говорил.

Нэн сходила с ума от счастья. Все это время она жила просто потому, что надо жить. Только одна зима прошла – а ей казалось, будто так много! Уссо, угостивший ее сметаной напоследок – спасибо ему! – так больше ни разу и не появился (хотя она понимала, что найти ее нелегко, и не упрекала его). Все тепло в жизни исходило теперь от печи, на которой она и спала, найдя, что это новое ложе лучше прежнего с многими перинами; печь с самого начала встретила ее заботливо – как и синба вообще, точно именно ее-то здесь и ждавшая со своими запасами сушеных грибов, и ягод, и вяленой рыбы, и орехов, без которых Нэн пришлось бы очень туго, потому что в жаркие летние луны над болотом висели звенящие рои кровососов, и она из синбы носа не казалась. И тянулись долгие дни и ночи. Она не чувствовала их тяжесть, пока не взглянула однажды себе в лицо, отраженное в ручье, и не увидела, что себе незнакома. В воде было не рассмотреть хорошенько крохотные морщинки, начавшие плести на ней бессовестные кружева, наметившиеся складки возле носа, седину, чуть тронувшую ее черные кудри... но все это было, такой теперь была она, всего только год назад юница, и она проплакала тогда целый день, потерять который было уже совсем не жалко.

В избушку кто-то поскребся. Нэн выглянула в окно. Волк стоял, держа в зубах ондатру.

- Твой друг кое-что раздобыл нам к обеду, - засмеялась Нэн. Эдэл вышел к Нифвао и обнял его.

- Нифвао хороший, - сказал он. – Волки все хороший.

- Мы оставим ему половину зверька, - сказала Нэн, – а остальное я сварю. Давай сюда. Спасибо, Нифвао.

Ей хотелось расспросить Эдэла, как они с Иссур кормятся, да и вообще все-все про их лесную жизнь, но ясно было, что Эдэлу не рассказать ей...

Наверное, заметив радость на ее лице, Эдэл спросил:

- А ты смеяться с Иссур?

Она не знала, как самой об этом заговорить, и вот он спрашивает! О, неужели настал конец ее страданиям, этой ужасной разлуке?

- Конечно! – воскликнула она. – Ты хочешь, чтобы я ушла с тобой?

- Да.

- Ах, я согласна! Ах... Но погоди, я займусь зверьком. – Сначала все-таки это.

Хорошо, что пока еще холодно! Пара лисьих шкур прикрывала наготу Эдэла, но она не защитит его от кровососущих болотных мошек, которые проникают повсюду. Ее собственное одеяние тоже никуда не годилось.

Потом она предположила, что Нифвао, наверное, не увезет двоих, так что Эдэл поедет, а ей придется пойти рядом. «Только это будет медленно», - предупредила она.

- Хорошо, - сказал Эдэл.

Собирать в дорогу было нечего, и, покончив с ондатрой, они тут же тронулись в путь. Однако, едва только Нэн отошла от своего убежища, как ощутила странное, необъяснимое головокружение и нарастающую дурноту. Она обернулась назад. Синба торчала из земли на длинной ноге, словно огромный гриб. «Прощай. Спасибо тебе», - хотела произнести Нэн, но губы ее совсем не слушались, и рука не поднялась помахать синбе на прощание.

Почуяв неладное, волк остановился. Эдэл увидел, как женщина отчего-то вдруг осела на землю.

- Почему ты плакать? – спросил он. – Иссур тоже часто плакать.

Нэн не сразу смогла ответить; ее вытошнило. В первые мгновения она не осознавала, что с ней происходит. Все ее внутренности как будто тянулись из нее, чтобы остаться здесь. Нет, почувствовала Нэн, синба ее не отпустит! Она возвышалась, как Левэн в тот страшный день, когда Нэн так же бессильно лежала возле него и рыдала и знала, что ничего нельзя изменить. На этот раз все рухнуло навсегда. «Я не могу идти, Эдэл, мальчик мой, никак», - прошептала она. Он подбежал к ней, наклонился, словно хотел обнять за шею, как обнимал Нифвао, и они глядели друг другу в грустные глаза грустными глазами, зелеными зрачками и голубыми, и Нэн, плача, сказала снова:

- Я не смогу уйти отсюда. Кто-то другой будет смеяться. Не я. Прости.

- Кто? – с обидой спросил Эдэл.

Он не спросил, почему; он раздосадован, а не перепугался, но это ничего... ведь он думает об Иссуре и даже не подозревает, какая стряслась беда. О, зачем только она отправилась в синбу, лучше бы послушала тогда свое сердце!

И все-таки она знала теперь, что Эдэл и Иссур живы, и увидела Эдэла, который уже такой большой. Как это чудесно!

Она вдруг вспомнила.

- Я, наверное, могу помочь. – Но как объяснить? Сначала надо найти в себе силы подняться и вернуться в гриб... в дом.

Впрочем, как только Нэн отдала себе отчет, что должна вернуться, дурнота стала ослабевать. Первые движения удались ей только на четвереньках, но затем, приблизившись к синбе, она сумела выпрямиться. Голова больше не кружилась.

- Эдэл, - сказала она, - есть одна птица... полуптица... у нее лицо женщины, и с ней можно разговаривать. Я тебе сейчас все расскажу. Но, прежде всего, запомни: вы должны бежать быстро. На болотах скоро станет очень плохо. Понимаешь?

- Да. Бежать быстро.

- Туда, - показала Нэн в сторону, откуда Нифвао с Эдэлом пришли, - до холмов с голубой травой. Потом надо через холмы выйти к большой-большой реке и идти по берегу в ту сторону, куда течет вода.

Не опасно ли им будет на открытых холмах? Нет, слишком далеко от Горы.

- Потом ты увидишь остров. На острове живет птица, но лицо у нее женское. Она будет много смеяться. Она сидит на дереве и никогда не улетает от него далеко. Ты должен вытащить дерево и унести с собой, и птица за тобой сама полетит. Дома воткни дерево в землю. Понимаешь?

- Да.

Как же он вытащит и повезет дерево? Ах, главное - вытащить, а дальше... это ведь тоненькая елочка, она бы сама, наверное, смогла держать ее в руках, а Эдэл на вид очень крепкий. И ростом ей по плечо уже. Как-нибудь.

- Ты все запомнил?

- Да.

- Ты придешь ко мне еще?

- Не знать. Ты хочешь?

- Да, очень.

- Ты хороший, - сказал Эдэл. Она улыбнулась сквозь слезы, хорошая, как волчица.

- Я бы и Иссур хотела увидеть.

Эдэл только кивнул.

Она еще научила его взять палку, чтобы пробовать почву под ногами в самых опасных местах, и подумала, когда фигура сидевшего на волке Эдэла скрылась в тумане над холодной болотной землей: «Но как жестоко».

На маленьком острове росла единственная ель, и на ней-то и сидела птица Огам. Она беспрерывно щебетала, а когда заметила Эдэла на волке, курлыкнула:

- Мальчик на сером волке. Картина углем!

Эдэл не задался вопросом, что птица имела в виду, а подумал вместо этого, что дерево небольшое, совсем не такое, какие растут в лесу, где они с Иссур живут. Тем не менее, когда он попробовал наклонить ель, это не удалось (зато он больно укололся еловыми иголками). Красно-зелено-желтая птица взглянула на него вопросительно, на миг умолкнув, но затем снова защебетала:

- Ну и дела! Ну и дела!

Нэн думала, что Эдэл как-нибудь управится с деревом своими руками, но делать это ему не пришлось. Пара мохнатых землероек принялась за дело, едва они поняли, что нужно мальчику, и вскоре к ним присоединились другие. Дерево повалилось на землю под оглушительные вопли Огам. Самым трудным оказалось дотащить его до реки, оттого что торчащие в стороны корни цеплялись за все, что попало, а там уж бобры переправили его на другой берег. Нифвао доставил туда Эдэла, и он взял ель на руки, словно младенца, и птица все кричала, носясь над ними:

- Ну и дела! Ну и дела! Ну и дела! Ну и дела!

Дерево, хотя и сидело в земле крепко, пока землеройки не подрyli его, действительно было легким. Волк с мальчиком пустились сначала по берегу Ну, а когда достигли холмов с голубой травой, двинулись к дому напрямик, избегая болот, зато временами оказываясь в степи, опасной своей открытостью взорам с небес.

- Куда мы, куда? Куда мы, куда? – теребила Эдэла вопросами птица.

- В дом, - отвечал он.

В эту пору, если бы даже гхуртхи обнаружили его, они не донесли бы Руху, ибо того постигло злосчастье. Сердэн лишь только вернулся в Гвюль, как в царстве его объявились коленчатые черви; они выползли внезапно из береговых песков и нагнали ужас на крестьян. Самое же ужасное состояло в том, что черви соорудили на песке надпись, собрав ее из гальки, и надпись та гласила: «Лиллай». Истолкование было ясно: их повелитель требовал дочь Сердэна. Птичья почта Руху была отправлена немедленно, но мог ли он что-либо противопоставить червям? Скрыть Лиллай было нетрудно, но это означало бы подвергнуть Гвюль разорению. Черви продвигались к дворцу, оставляя за собой пустоши, покрытые сизой дурно пахнущей слизью. Сердэн сложил из гальки: «Через три луны», надеясь за это время что-нибудь придумать. Враг мог не согласиться на эту отсрочку, однако, увидев послание царя, остановил свое продвижение.

Как обычно, Рух не знал, что именно предпримет. Он схватил боевой топор, вскочил на коня и поскакал к Дуэт, даже не собрав свиту. На десятые сутки лихой, почти без сна и отдыха гонки по лесистому берегу он ощутил вдруг странное покалывание в ушах и остановился. Здесь было нечто, что смотрело на него, но он не сразу обнаружил, что, и поднял голову, только когда сверху упала шишка. Там, наверху, на суку сидела маленькая сухонькая старушонка с длинным острым носом и веточкой в руках, которой она обмахивалась, словно веером, хотя посреди лесной прохлады в веере совсем не было нужды.

- Мне бы слезть с дерева, милый мой, - проговорила она.

- Эх тебя занесло туда? – засмеялся Рух.

- Ох, не спрашивай, судьба нелегкая занесла.

- Ха-ха! Ну, прыгай, не бойся, я поддержу тебя ветром.

- Каким таким ветром? - недоверчиво спросила старушонка. – Нет, ты лучше с коня слезай и лови меня.

Трудно было уговорить ее, и Рух спешился, уступая, и протянул руки навстречу. И тут старушонка неожиданно, дотянувшись, хрюснула его веткой по руке.

- Эй, да ты что! – воскликнул Рух и почувствовал, что тело его отчего-то наливается тяжестью.

- Больно прытко ты мчался, - сказала Гургаэ и прибавила про себя: «А вот теперь – не захотел нашу Огабай, не получишь и Лиллай».

Она спустилась с дерева, а Рух так и стоял в той самой позе, в которой изумился. Все члены его будто окаменели. Гургаэ на всякий случай пощипала его за нос – он не пошевелился.

По этой-то причине он и не добрался до Гвюль, и Сердэн в отчаянии вышагивал по зале дворца, а срок истекал. Супруга его твердила, что поскольку бывший жених не явился защищать невесту, договора с ним больше нет, и теперь нельзя отказать Червю. Сама Лиллай дни и ночи рыдала, умоляя, чтобы ее лучше убили, но Червя не отдавали. Все было, однако, напрасно. Черви захватили крестьянскую повозку, подняли ее на своих хвостоголовах и день в день прибыли за обещанной царевной. Ее вывели на балкон, черви вздыбились, и страшная повозка оказалась прямо у балкона. Лиллай оставалось сделать последний шаг. Мачеха стояла рядом, и отец, и в эту минуту он уже был готов пожертвовать всем, но заключить дочь в объятия, из которых никто бы ее не вырвал, но мачеха подтолкнула ее вперед, и она закричала и упала без чувств, и протянувшаяся мерзость подхватила ее и увлекла, многократно обвинившись вокруг.

Повозка с царевной приближалась к берегу, где владыка червей уже был готов встретить свою жертву, когда на ее пути появился Уссо. Борода его достигала самой земли, так что ему приходилось делать каждый шаг с осторожностью, чтобы на нее не наступить, на голове был синий колпак, а на плече поверх плаща висела большая дорожная сумка. В той сумке лежали подаренная отцом тюбетейка и увесистый молот, что был с великим трудом вытащен Уссо из болотной гущи во время недавних – безуспешных - поисков Нэн. Молот можно было метать – и он сам прилетал в руку обратно; это восхитило Уссо, и он решил сделать молот своим оружием.

Не найдя Нэн среди топей, он попытался увидеть ее в медитации, но перед ним предстала совсем иная картина: лес на берегу реки, конь без седока... Потом синева сгустилась и приняла форму застывшей, точно статуя, фигуры. Он узнал в ней брата. Рух не мог шевельнуться, и в душе его был ужас, оттого что его невеста оставлена без помощи.

Тогда Уссо и поспешил в Гвюль. К счастью, он уже находился неподалеку. Встречные обитатели царства шарахались от него, пугаясь его бороды, однако, среди них попался слепой; он и поведал Уссо, в чем заключалось царское несчастье. «Черви потащат ее из дворца к морю», - сказал он.

Червей было много, слишком много, чтобы можно было рассчитывать разогнать их. Однако, Уссо даже не успел оценить свои шансы; позади него что-то заплюхало, он обернулся и увидел, как из слизистой жижи поднимается кроваво-красный гигант – это и был владыка. Уссо прыжком отпрянул и – взлетел!

Он никогда не летал прежде, не знал, как у него это получилось, и не иссякнет ли его сила так же внезапно, как обрелась. Борода его развевалась по ветру. Он метнул в Червя молот. Удар не причинил тому никакого видимого вреда – только гул разнесся по округе, - а молот вернулся в руку. Озлившийся Червь выбросился навстречу, но Уссо успел отлететь. Мелкие наблюдали за битвой снизу. Лиллай, от гула пришедшая в себя, взирала с повозки, будто то была ложа, а она – дама, за сердце которой, а вовсе не за жизнь, бились славные рыцари.

Снова и снова уворачивался Уссо от бросков Червя и метал свой молот с завидной неукротимостью, и по Червя вдруг пошла темная полоса, оттого что тело его дало, наконец, трещину. Но и он сумел задеть Уссо, и от удара тот рухнул вниз.

- Ах! – вскричала побледневшая царевна.

В падении Уссо бросил молот еще раз, попав в самую трещину. Сияние вырвалось из нее, и показалось острие меча. Мелкие приникли к земле, опустив повозку с Лиллай. Черная смрадная кровь владыки заструилась из раны, и где она загустевала, образовывались сверкающие черные камни. У Уссо не хватило сил снова взлететь, но молот еще держался в его руке. Червь стоял перед ним, раскачиваясь. Он словно собирал всю оставшуюся мощь, чтобы в последнем броске сокрушить дерзкого коротышку. Но Уссо ударил прежде. Владыка рухнул и замер без движения, и меч целиком выступил из него. В этот миг все черви ринулись к берегу и там стали вбуравливаться в пески, ускользая.

Ц

Уссо храбро подошел к Червю. Тот, несомненно, был мертв. Молот Уссо был весь в черной крови и в слизи, и руки царевича тоже были ими перепачканы. На них образовались маленькие кристаллики; Уссо попытался оттереть их, но они отходили только вместе с кожей.

- Сто тысяч крыс! – вскричал он.

Лиллай вглядывалась в него со страхом и восхищением. Он очень напоминал ей младшего брата Руха, только был с бородой. И умел летать. И вообще был очень сильным.

- Ты, конечно, не узнаешь меня? – спросил этот мужичок.

- Неужели Уссо? – все-таки предположила Лиллай.

- Ну, спасибо, что признала! А то родная сестра не пустила на порог из-за вот этого, - Уссо приподнял рукой бороду. – Эх, и борода вся грязная. Я пойду к морю, вымоюсь.

- Не оставляй меня здесь! – испуганно воскликнула Лиллай.

- Чего боишься? Я вернусь. А впрочем, могу довезти тебя до берега в этой повозке. Тебя ведь туда везли?

- О, ни за что! – закрыла она лицо руками.

Уссо усмехнулся.

- Тогда жди.

Лиллай больше ничего не оставалось. Повелитель червей, сильно смердя, лежал в каменной луже; теперь он был вмурован в нее, как в постамент. Никого из любопытствующих и близко не было. Меч, вышедший наружу, сверкал всеми гранями. Уссо взял его в руки; меч был тяжел и длиной едва не доставал ему до макушки. Не обо что было обтереть его, кроме как о свой плащ.

- Он точно сдох?

- Что за слова в устах царевны...

Он не мог лететь и просто побрел к берегу, медленно, и вернулся, когда, как показалось Лиллай, миновала вечность, также пешком, бранясь, что из-за слизи червей по берегу невозможно ходить. Борода его стала короче, она больше не волочилась по земле.

- Пришлось обрезать немного, - объяснил он.

- Зачем она тебе? - засмеялась Лиллай впервые с тех пор, как черви появились в Гвюль.

- Что-то в ней есть.

Она заметила, что плащ его кое-где просвечивает. Молот был убран в сумку, и только слишком длинный для него меч Уссо держал в руках.

- Нам пора, - сказал Уссо Червю.

Он подставил Лиллай спину.

- Давай-ка, вылезай из повозки. Не уроню, не бойся.

Подобрав платье, она забралась к нему на плечи, смущаясь – но смущение быстро прошло.

Вскоре они выбрались на хорошую дорогу; впрочем, и по ней тянулись слизистые полосы, оставленные червями. Солнце клонилось к горизонту. Ближе к дворцу на дорогу

высыпала группа крестьян, им была так любопытна сцена с едущей верхом на Уссо царевной, что даже борода и обнаженный меч незнакомца их не отпугивали.

- Смотри, смотри, - хихикали они, делая, однако, вид, что не слишком вглядываются.

У ворот дворца степенно прохаживались двое стражей с секирами. Они совсем не понимали, что делать: нельзя было не пропустить царевну, однако, бородач, на котором она восседала, был не только странного вида, но и в грязных сапогах, хоть на них и поблескивали серебряные пряжки.

- Нельзя с оружием, - сказали они в конце концов.

- Тем хуже для вас, - сказал Уссо и легонько ткнул мечом обоих, отчего им пришлось расступиться.

Слуга уже успел доложить царю о возвращении Лиллай, и тот выбежал навстречу, в то время как неосведомленная супруга его принимала горячую вечернюю ванну. Лиллай соскочила с плеч Уссо и кинулась в объятия отца.

- Это Уссо, - всхлипывая, проговорила она. – Он убил Червя.

Сердэн взглянул изумленно, но принял бороду Уссо как факт. Перед ним действительно стоял сын Левэна.

- О, счастье! – воскликнул он, тоже со слезами на глазах. - Благодарность наша – тебе, царевич!

В учтивом жесте Уссо припал к ногам.

- Но как все случилось? – спросил Сердэн его.

- Я случайно очутился в ваших краях, - ответил Уссо, - и узнал о беде. Не хочу живописать тот бой, скажу только, что Червь оказался не слишком силен, он был скорее противен и пахуч.

Счастливая весть дошла, наконец, и до царицы, и она, даже недокупавшись и облачившись в шелковую тунику и наспех прибрав волосы, спустилась в приемную залу, где муж ее все еще держал за руку Лиллай.

- Кто это? – спросила она.

- Уссо, младший брат Руха, - проговорил ей на ухо Сердэн.

- А... так что же, он прислал брата вместо себя, в конце концов?

- Нет. Но это неважно сейчас.

- Он сам хоть получше выглядит? А то я, право, удивлена...

- Брось, Чирлит. Ну, конечно.

- Что вы там судачите, - сказала Лиллай, порозовев. – Видели бы вы, как Уссо метал молот.

- Молот? – удивленно спросила Чирлит. – Разве он не мечом его зарубил?

- Нет, меч был в нем самом!

- В ком?!

- В Черве, - сказала Лиллай.

- Ты бредишь, - заявила ее мачеха безапелляционно. – Со страху, видно.

Уссо достал молот из сумки. Он был хорошо отмыт и почти не пах Червем.

- Вот это было мое оружие.

- Ну-ка, ну-ка, - заинтересовался Сердэн, оглядывая молот. – Он возвращается в руку?

- Да, - подтвердил Уссо.

- Слышал о таких. Ценное оружие.

- Гм... – сказала царица. – Как ты можешь его метать? Сам-то не отлетаешь на другой край света?

- Не отлетаю, - спокойно ответил Уссо, а Лиллай вдруг объявила:

- Хватит, мамочка. Можно теперь я скажу? Вот он спас меня, за него и пойду. Хоть у него три бороды будет, как у престарелого уггробта.

- Ты забыла честь? – презрительно произнесла царица. – Ты ведь просватана!

- Да, да, - согласился Сердэн, торопливо заминая нелепую фразу дочери, - о том и речи нет. Лиллай обещана. Но мы, конечно, наградим тебя, Уссо.

- Благодарность моя, - не без тени насмешки сказал тот.
Наступило молчание. Чирлит взглянула на мужа, давая понять, что не о чем больше говорить. Лиллай с пунцовыми щеками не решалась взглянуть ни на кого.
- Однако, час поздний, - сказал царь, вспоминая картину появления дочери, сидящей у Уссо на плечах, и находя, что бедра ее были слишком открыты. – Я прикажу приготовить нашему гостю ванну и комнату.
Он громко хлопнул в ладоши, и из раскрывшейся стены вышла девчушка, смуглая и с множеством тонких заплетенных косичек.
Уссо привык к длинным извивающимся коридорам в отцовских чертогах, где можно было одиноко шагать и шагать, и не встречать ни души – разве что перемигнуться с портретами на стенах, отчего-то именно здесь повешенными, да с собственным отражением в зеркалах, к лестницам, широким и совсем узеньким, соединявшим эти гулкие коридоры, к нескончаемым анфиладам арок, подобных нанизанным на коридоры браслетам, стрелкам, указывавшим направления; дворец же Сердэна был устроен совсем по-другому. Здесь не было незамкнутых пространств, словно хозяин дворца страдал агорафобией, не было лестниц, не считая короткого ряда ступеней перед входными воротами, но маленькие комнатки могли приходить в движение, перемещаясь в пространстве дворца, поднимаясь и опускаясь, и уступая свое место другим, и составляя сложную конструкцию из емкостей и граней. Провожатая ввела Уссо в такую комнатку, и он ощутил, как она двинулась куда-то, лишь только служанка потянула на себя штурвал на стене.
- У меня такое чувство, будто мы плывем по волнам, - произнес Уссо. Девчушка улыбнулась, показывая ряд белых зубов без единой щелочки.
- Это все царь сделал, - сказала она, ловко управляя штурвалом.

Ц

- Тебе понравилась шусс? – спросил Сердэн Уссо наутро.
- Шусс? – переспросил царевич.
- Мы так называем служанок, которые готовят ко сну. Их привозят с острова Вэй. У нас с Ченгчетом давние дела.
- А, - сказал Уссо, - я, к сожалению, не смог оценить шусс. Я пожелал ей спокойной ночи, и она ушла.
- Почему?
- Я, наверное, слишком устал за день.
- Понятно, - сказал Сердэн. – Но Лиллай мы отдать не можем. Зато для тебя есть конь. Конек, если точнее, потому что невелик. Тебе он будет в самый раз. И с виду некрасивый, но... у него есть достоинства. Думаю, вы с ним подружитесь.
- Хорошо, - согласился Уссо как ни в чем ни бывало. – Я с радостью приму и конька.
- Тогда после трапезы тебе приведут его.
- Как его кличут?
- Глок.
- Прекрасное имя. Замечательное.
Трапеза прошла скучно, хотя для случайного путника, привеченного в Гвюль, она стала бы, наверное, одним из наиболее ярких событий его странствия, о котором он красочно рассказывал бы многие годы спустя. Блюда витали в воздухе перед едоками, так что стол для трапезы не требовался, и дело происходило на коврах и подушках. Некоторые яства даже сами залетали в рот – довольно было открыть его. Такое во всем Земледружии можно было встретить только во дворце Сердэна. Тем не менее, Уссо эти забавные чудеса не поразили, а что действительно озадачило его, так это то, что они с Лиллай сидели далеко друг от друга, и она ни разу не взглянула на него и ничего ему не сказала.

Конек и правда оказался маленьким (но впору Уссо – Сердэн не ошибся), да еще и горбатым, и потому ездить на нем можно было, только приноровившись. Кроме него, Уссо получил ножны для меча, за ночь изготовленные по царскому велению, что было очень кстати. При отъезде его провожал сам царь; царица соизволила помахать рукой из окна, откуда лик ее было видно плохо, Лиллай же и вовсе сказалась больной, и сил у нее на взмах руки неостало.

- Что загрустил? – неожиданно услышал Уссо в дороге. То заговорил конек.
- Вот, значит, какие у тебя достоинства, - оторвался он от дум. – Ехать будет веселее!
- Ты не ответил на вопрос.
- Не хочу и не отвечаю, - сказал Уссо и тут же ощутил, сколь остер горб конька.
- Теперь я знаю, что значит глукнуть, - рассмеялся он.
- Мне можно доверять.
- Вот как? Подумаю об этом. Хотя мои ягодицы так не сказали бы. А пока едем дальше.
- На запад едем?
- Как видишь.
- Грубый ты и самонадеянный. Я ведь просто чтобы разговор поддержать.
- Чтобы поддержать, можешь сказать, что погода теплая. Но учти, что настроение у меня действительно дурное.

Так, понемногу переговариваясь, они продолжали путь. Добравшись до тракта, соединявшего земли Хаат и Ойюрджаннат, они перешли Дуэт по широкому каменному мосту, перила которого древние мастера украсили бюстами то ли каких-то действительно славных личностей тех времен, то ли ими измышленных; бюсты хорошо сохранились, если не считать залепившего их макушки и носы птичьего помета. На юге темнели цепи Хаатских гор. Тракт вел к ним и затем поворачивал вдоль, мимо горняцкого селения, выходя к бурной Аббаджах, где прямо в скалах устремлялся вверх каменными шпилями дворец Тубаха.

Минувшим вечером Уссо видел брата в синем мареве: он стоял все в той же позе, но, как Уссо знал неведомым чувством, был жив. Однако, надо было поспешить, и, не желая задерживаться в Хаат, Уссо на время надел тюбетейку.

- Не пугайся, - сказал он коньку, который заметил, как его седок и отчасти сам он перестали отбрасывать тень. – И, знаешь, на время я с тебя слезу. До моста через Аббаджах врозь пойдем. Жди там.

Глок понимающе игогокнул и рванул вперед, как только освободился от Уссо. Его порадовало и то, что тень к нему вернулась; так было гораздо привычнее.

У царевича был свой способ ускорить ход событий. Он подпрыгнул, наклонившись, словно ныряя, и воздушная стихия поддержала его. Полетел он напрямую, до самой реки не давал себе отдыха и там только опустился на землю и, понаблюдав немного, как его сивая лошадка пощипывает береговую траву, снял тюбетейку.

- Хватит пастись, - сказал он. – В путь пора.
- Не знал, что ты бегаешь так быстро, - удивился Глок. – И зачем я тебе тогда?
- Сам не знаю, - ответил Уссо. – Но раз мне тебя подарили, ничего не поделаешь.
- Опять грубишь.

Уссо засмеялся и потрепал жиденькую темно-бурую гриву конька.

- Нет, я, пожалуй, полюбил тебя.

За мостом, висевшем высоко над белым бурлящим потоком, начинался тракт, ведущий к Горе. Надо было возвращаться к Дуэт, но по берегу Аббаджах было не проехать, и Уссо начал спускаться по тракту.

- Эх, - сказал конек. – Мы не посмотрим на Аббаджахский водопад.
- Некогда. Да и нет здесь дороги, сам видишь, - ответил Уссо. – Ты же не горная серна.
- Это ты прав.

Как только дорога стала ровнее, а по правую руку вдалеке показался лес, они направились к нему. План Уссо состоял в том, чтобы, достигнув Дуэт, двинуться по ее берегу и положиться на удачу. Однако, ему посчастливилось раньше.

- Чую сородича, - повел ноздрями Глок.

- Давай-ка найдем его, - бодро скомандовал Уссо, сообразив, что это может оказаться конь Руха.

И действительно, красавец конь, вскоре представший перед ними с притороченным к седлу боевым топором, принадлежал молодому царю. Он бесцельно бродил, не умея ничем помочь своему хозяину, но и не желая совсем покинуть его. Не раз за это время ему приходилось спасаться от волков; быстрые ноги выручали его, а затем, когда волки отступались от погони, видимо, не слишком жажда именно эту добычу, он возвращался к окраине леса. Каким же счастьем была для него встреча с Уссо и Глоком! Теперь он был не один и мог не бояться хищников даже в лесной чаще.

Конь вывел путников к хозяину. Все выглядело точно так, как в видении Уссо. Одна рука Руха была чуть протянута вперед, на лице – изумление и ужас. Глаза его не моргали, он, видимо, ничего уже не воспринимал, но на ногах стоял твердо.

- Камень – это по моей части, - с надеждой проговорил Уссо и обнял брата за плечи. Лошади отошли в сторону. Уссо долго стоял, передавая Руху тепло своих ладоней, шли часы. Где-то близко Дуэт, никуда не спеша, катила воды по своему вечноилистому руслу. Солнце садилось.

Потом, зайдя Руху сзади, Уссо нанес ему резкий удар по спине. Тот со свистом втянул воздух и неожиданно чихнул, и тогда Уссо вскричал:

- Йо-хо-хо!

Он подхватил брата, который покачнулся, будто вся усталость, накопившаяся в нем за время его каменной жизни, дала, наконец, о себе знать.

- Умираю, пить хочу, - прошептал Рух.

Уссо достал флягу и влил ему в рот воды. Потом он спросил:

- Как тебе моя борода?

- Смешная, - улыбнулся Рух с явственным усилием. – Где мой конь?

- Тут неподалеку. Однако, нам некуда спешить. – Уссо вынул из кармана трубку.- Я бы покурил сейчас...

- Но я должен ехать! Как долго я был без чувств? – заторопился Рух, уже приходя в себя.

- Очень долго, - сказал Уссо. – Нет, ехать незачем. Ты ведь имеешь в виду Гвюль?

- Конечно!

- Я уже побывал там.

Уссо выпустил колечко серого дыма. Ему предстоял трудный разговор. Но деваться было некуда.

Ц

- В тебе, наверное, уж голод проснулся? – спросил Уссо брата, отламывая ему кусок пирожка от Лахи.

- Да, чувствую, - сказал Рух. – Спасибо. Какой ты, однако... в летах... с этой бородой. Не сразу узнаешь. Но рассказывай скорее, не томи.

Дымок улетал в набухшую темноту, рассеиваемую бледным лунным сиянием. Братья сидели на поваленном дереве. Уссо молчал, глядя на то, как по стволу ползет какой-то жук. Рядом валялась походная сумка, где лежал молот. Он подставил палец жуку, и тот недоверчиво остановился, а затем повернул назад.

- Так что с Лиллай? – спросил Рух.

- Тебя не дождались и отдали ее Червю. Не понимаю, честно говоря, но пусть не понимаю. Однако, не бойся! Я оказался там вовремя.

- Так ты спас ее? Убил Червя?

- Червя-то я убил, - вздохнул Уссо, - но вот дальше... Я должен многое тебе рассказать. Он достал молот из сумки.

- Вот, кстати, чем я дрался. Отличное оружие! Бросаешь его, он летит в цель, а потом сам к тебе прилетает. И ты его снова бросаешь. И так, пока хватает сил.

- Когда дело было сделано, - продолжил он, - а было то на пути к берегу, от дворца не близко уже, и вся местность была в слизи, которую черви оставили, я подумал, что Лиллай по этой слизи идти негоже, и посадил ее к себе на плечи. Не возмущайся, но скажу тебе, что в первый раз у меня сердце заколотилось от девицы, когда я запах бедер ее почувствовал.

- И ты мне это говоришь! – воскликнул Рух.

- Пожалуй, подумал я, не будет несправедливо, если я получу ту, которую спас. Но, конечно, это только мысль была. Я донес ее до дворца и даже пальцем не тронул. И вот, встречаются нас царь с царицей. Царица начинает ухмыляться, что я, мол, такой маленький, и даже не верится, что я Червя одолел. Тут-то твоя невеста и говорит: пойду за него, за меня то есть, раз он мой избавитель, и даже если у него три бороды будет. Родители ей, конечно: ай-ай-ай, как так можно. Твой приоритет, значит, не подлежит сомнению. А как Червь у дворца ошивался, так они о приоритетах забыли. Ну-ну, думаю. Но молчу. И Лиллай замолчала. И, наверное, чтобы я утешился, царь мне на ночь служаночку прислал. Хорошенькую. Но я видел Лиллай перед глазами, и вся натура моя требовала, образно говоря, чтобы я мимо этого случая не проходил. И служаночку я отправил восвояси. Думаю: может, что еще этой ночью случится, лучше мне быть одному. Вот такие мысли были, ты уж меня не осуди.

Рух слушал его, бледный и будто готовый лучше снова камнем стать.

- И точно. Лежу я на подушках в своей комнате, сон не идет, вдруг слышу, как в стенку тихонько стук-постук. Знаешь, если б не это, уснул бы я в конце концов, а на следующий день уехал, и ничего бы не случилось. Между прочим, ты ведь у Сердэна во дворце никогда не был?

- Нет, - проговорил Рух.

- Там все хитро устроено. Никаких коридоров, откуда в разные комнаты двери, а вместо этого комнаты как в головоломках, которые Диль-Диль разгадывать любит, перемещаются. Видно, Лиллай свою спальню к моей подвела и теперь в стену мне постучала. Я подошел, прислушался получше, потом прямо напротив нее в ответ стукнул. И стена в этом месте расступилась, и я увидел, что тут и у Лиллай стена открыта, и шагнул туда. «Отец, - говорит она, - высмеял, что я сказала, но я хочу, чтобы ты не думал, будто я неблагодарная и только для приличия тебе завтра на прощанье рукой помашу. Отец тебе хороший подарок сделает, в этом я уверена, только это ведь от него будет, а не от меня. А меня, если хочешь, поцелуй сейчас».

- Так и сказала?!

- Да. Не знаю, может быть, она надеялась, что я откажусь, потому как все-таки она – невеста твоя, и выйдет тогда, что и она хороша, и к лучшему все сложилось. Но я не отказался. Я притянул ее к себе и поцеловал. И чувствую, что не хочу отрываться. А она едва сопротивляется, не так чтобы очень. В общем, поцелуем не закончилось. Вот, что я тебе должен был поведать, а ты уж или прости меня, или не прощай.

- Ты сумасшедший... И что было дальше? – вымолвил Рух.

- Дальше я ушел к себе. Утром за трапезой встретил и ее, и царя с царицей. Не знаю, было им что известно или не было... Вели себя, как будто не было, но... Странно, ни одного слова, ни одного взгляда я не получил от Лиллай, и когда уезжал, она со мной не простилась. Вот и все. Ну, а ты – расскажешь мне, как статуей сделался?

- Ехал по лесу, - нехотя сказал Рух, - увидел старушонку на дереве. И как-то не догадался, что она неспроста там сидит. Помог ей слезть. А она меня веточкой хлестнула, и дальше не помню ничего.

- Злой рок, значит, - проговорил Уссо. – Одно к одному.
- Он встал с дерева и свистнул Глока.
- Не хочу в этом лесу ночевать, поеду прямо сейчас.
- Куда?
- Не знаю. А ты? В Гвюль, или как?
- Нет, туда уж не поеду никогда, - сказал Рух. – Ты спас ее, и меня, и всех ты спас, и что же мы все можем поделать...
- Как знаешь, - сказал Уссо, вскакивая на конька.
- Экий он горбатый, - молвил Рух себе под нос, подумав при этом, что ножны меча Уссо - красивые, мастерская работа, однако сам меч длинноват для него... и... больше ни ногой в Гвюль...
- У Глока свои достоинства, - ответил, расслышав последние слова брата, Уссо в темноту. – А к горбу его я привык.

Ц

Завидев брата, Иссур даже вскрикнула от радости. Но что такое у него в руках? Маленькая елочка? Зачем? Ей же не это надо было. И какая-то пестрая птица летит за ним. Только голова у нее не птичья! Она побежала навстречу.

У птицы были узкие губы и узкие брови, и вместо волос у нее на голове был венчик словно из тычинок цветка, и уши были маленькие, почти незаметные.

- Какая дивная звезда! Приятно познакомиться, - защебетала Огам. – Женщина с женщиной будут толковать. Женщина с мужчиной толковать не станут. Хочу снова на елку. Снова на елку хочу. Огам меня зовут. Хочу снова на елку. Как зовут тебя?

Иссур мигом переменялась к ней, рассмеявшись от этой неожиданной речи и даже скорее от ее интонации. «Хорошая птица», - подумал Эдэл.

- Надо сажать елка в земля, - сказал он сестре.

- Она сухой совсем, - ответила Иссур. Ель растеряла по дороге все иголки и выглядела иссохшей.

- Ничего, я попробоваться, - сказал Эдэл.

- Как зовут тебя? – продолжала верещать птица. – Тебе одежда нужна, ты полуголая.

- Иссур звать.

Эдэл стал копать яму для ели.

- Как-то раз мне приснился белый бычок, - завела Огам рассказ, который он по дороге уже много раз слышал, но теперь у птицы появился новый слушатель. – И он спросил меня: «Рассказать тебе про меня сказку?» «Про меня?» - удивилась я. «Нет, про меня», - сказал бычок. «Так я же и говорю: про меня», - сказала я. «Хорошо, - сказал бычок - Как-то раз тебе приснился белый бычок и спрашивает: рассказать тебе про меня сказку? Про меня? – удивляешься ты. Нет, про меня, говорю я. Так я и говорю: про меня, - говоришь ты. Хорошо, - сказал тогда я. – Как-то раз тебе приснился белый бычок...»

- Она когда-нибудь молчать? – спросила Иссур брата.

- Ночью спать.

- Неправильно говорите, неправильно! – крикнула птица. – Я буду вас учить говорить! Я сплю. Ты спишь. Она спит. Мы спим. Вы спите. Они спят. Понятно?

- Ты мало спишь, - сказал Эдэл.

- Вот так правильно. Научился - молодец. Как соленый огурец.

- Почему соленый огурец? – спросила Иссур.

- По кочану, - ответила птица. – Я не всегда знаю, почему так говорю. Просто говорю и все.

Яма была готова, и Эдэл погрузил в нее сохранившиеся корни дерева.

- Изумительно! – возразовалась Огам. – Прелестно! Теперь я могу присесть и спеть вам песенку. Слушайте меня все!

Меня зовут Огам,
И я так рада вам,
Что буду петь я день деньской
И даже по слогам.
А что я буду петь,
Подскажет мне медведь,
А если здесь медведя нет,
Самой придется смедведеть!
И вот, что я спою.
Тень-тень-потетень,
Сяду с дружкой на плетень.
Уж мы станем толковать,
Что не надо горевать,
Надо только твердо знать:
Вечной ночи не бывать,
А наступит новый день –
Будет снова дребедень,
Снова тень да потетень,
Сяду с дружкой на плетень.
Уж мы станем толковать...

- Эй, - прервалась она, обращаясь к Иссур. – Ты восхищена? Тогда ты должна воскликнуть: «Ах, мамочки!»

- Но ведь мамочка один, - возразила Иссур и при этих словах посерьезнела. Огам, Огам, развлекай осторожнее!

- Одна, - согласилась птица. – Но ты все равно должна сказать: «Ах, мамочки!»

- Сложно, - сказала девочка. – А ты знаешь правда хороший сказка?

- Правда хорошую? – задумчиво спросила Огам. – Однажды на моем острове побывал сам царь Муззараюф. Я ему стала рассказывать, как мне приснился белый бычок, а он и говорит: «А давай лучше я тебе сказку расскажу!» «Давай», - говорю я. И вот его сказка, я запомнила. Жили-были дед да баба, и была у них курочка Ряба. И снесла курочка яичко, да не простое, а золотое. И стали дед да баба его разбивать. Дед бил - не разбил, баба била – не разбила. Бежала мышка, хвостиком вильнула, яичко упало и разбилось. И заплакали дед с бабой, и закрыли свой домик на замок.

- Нет, нет! – закричала Иссур. – Не так кончаться, я знаю, нам мама эта сказка рассказывать! Рассказывает.

- Рассказывала! А как?

- Им курочка сказать: не плакать, я вам снести новый яичко, не золотой, а простой!

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА

Для получения полного текста нужно написать на info@lemurian-sunrise.ru с указанием электронного адреса, куда выслать текст.